ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

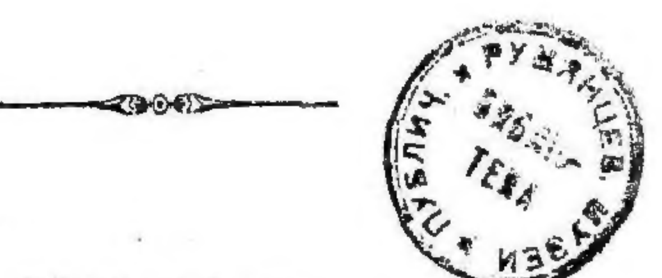
СОСТАВИЛЪ

Г. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

Въ **первомъ** изданіи Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщ. одобренъ въ качествѣ УЧЕБНИКА для женскихъ гимназій, городскихъ училищъ и тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ русская исторія проходится эпизодически, для прочихъ заведеній,—какъ учебное пособіе. Въ IV изданіи особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета допущенъ къ употребленію въ низшихъ училищахъ, въ коихъ русская исторія проходится *эпизодически.*

Духовно-Учебнымъ Комитетомъ одобренъ въ качествѣ учебнаго РУКОВОДСТВА для епархіальныхъ женскихъ училищъ и для ученическихъ библіотекъ мужскихъ духовныхъ училищъ.

Цѣна 65 коп.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. наслѣдн. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 27 октября 1904 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Почему мы называемся русскими?

Русскими мы называемся потому, что принадлежимъ къ русскому народу, который живетъ на огромномъ пространствѣ восточной Европы и владѣетъ всею сѣверною Азіею.

Отъ кого произошелъ и получилъ свое имя русскій народъ?

Русскій народъ произошелъ отъ славянъ. Имя свое онъ получилъ отъ своихъ князей—*варяго-руссовъ*, которыхъ славяне призвали къ себѣ изъ-за моря (изъ Скандинавіи) съ тѣмъ, чтобы они управляли и владѣли ими.

Общія свѣдѣнія о славянахъ.

Во времена незапамятныя славяне переселились въ Европу изъ Азіи и поселились въ Карпатскихъ горахъ. Отсюда затѣмъ они разошлись въ разныя стороны: одна часть ихъ ушла на югъ и поселилась за р. Дунаемъ (болгары и сербы), другая ушла на западъ и въ ней образовались поляки и чехоморавы, а третья отошла на берега р. Днѣпра и въ ней образовался русскій народъ.

Славяне, поселившіеся на берегахъ р. Днѣпра, раздѣлились на племена, которыя стали жить отдѣльно одно отъ другого, и каждое изъ нихъ усвоило за собою свое особое названіе. Такъ какъ къ р. Днѣпру они пришли съ западной стороны, то первая группа ихъ поселилась на правомъ берегу этой рѣки, на просторныхъ равнинахъ или поляхъ и потому получила названіе *полянъ*. У нихъ явились города, изъ которыхъ главнымъ былъ *Кіевъ*. Другая группа восточныхъ славянъ поселилась сѣвернѣе ихъ, въ лѣсахъ по р. Припяти, и названа *древлянами*. Изъ городовъ у нихъ замѣчателенъ *Коростенъ*. Славяне, поселившіеся на верховьяхъ рр. Волги, Западной Двины и Днѣпра, стали называться *кривичами*. У нихъ были города: *Смоленскъ, Полоцкъ* и др. Тѣ славяне, которые поселились около озера Ильменя, сохранили за собою названіе *славянъ* ильменьскихъ. На берегу р. Волхова они построили для себя городъ *Новгородъ* и стали извѣстны подъ именемъ славянъ *новгородскихъ*. На другой, на восточной,

сторонѣ р. Днѣпра, по рр. Окѣ, Деснѣ, Сожѣ и Сейму заняли мѣсто другія племена восточныхъ славянъ—*вятичи*, *родимичи* и *сѣверяне*. Такимъ образомъ огромная равнина восточной Европы отъ средняго теченія р. Оки, верховьевъ Дона и Волги до горъ Карпатскихъ (съ востока на западъ) и отъ озера Ильменя до южныхъ степей нынѣшней Россіи (съ сѣвера на югъ) сдѣлалась страною восточныхъ славянъ съ самыхъ первыхъ поръ поселенія ихъ въ восточной Европѣ. Славяне вообще и славяне восточные въ частности были народъ добрый, гостепріимный, трудолюбивый и мирный. Они любили мирныя занятія и преимущественно земледѣліе, потому скоро привыкали къ одному мѣсту жительства, дѣлались осѣдлыми.

По вѣрѣ своей всѣ славяне сначала были язычниками. Главными божествами у нихъ были: *Сварогъ*—богъ неба; *Перунъ*—богъ огня, молніи и грома; *Дажбогъ*—богъ солнца; *Волосъ*—покровитель стадъ; *Стрибогъ*—богъ вѣтра; *Купала*, *Ярь*—богъ плодородія; *Лада* (Леля)—богиня веселья и радости, и проч. Были у славянъ и второстепенныя божества, какъ напр.: въ домахъ—*домовой*, въ лѣсахъ—*лѣшій* (лѣсной), въ водахъ—*водяной* и пр. Кромѣ того, божествами почитались русалки—игривыя женскія существа, населявшія лѣса, моря, рѣки, болота, поля и луга. Въ честь своихъ боговъ славяне ставили идоловъ и строили капища (божницы). Всѣ славяне вѣрили въ загробную жизнь. По ихъ понятіямъ, души умершихъ людей продолжали оставаться въ домахъ и защищали живыхъ обитателей ихъ отъ напастей и бѣдъ.

У славянъ допускалось многоженство, но женщины пользовались уваженіемъ мужчинъ и сами отличались преданностью своимъ мужьямъ. Съ теченіемъ времени у нихъ образовался даже обычай, по которому по смерти мужа одна изъ женъ убивала себя или погребалась въ его могилѣ живою.

Начало русскаго государства.

(862 г.).

Поселившись на огромной равнинѣ восточной Европы, славяне не могли жить безъ ссоръ и пререканій между собою: одно племя возставало на другое и между ними бывали жестокія войны. Эти войны ослабляли ихъ силы, истощали богатства и укрѣпляли междоусобную вражду; поэтому болѣе благоразумные изъ вождей ихъ стали думать о томъ, какъ бы

устроить миръ въ славянской землѣ. Есть преданіе, что одинъ старѣйшина новгородскихъ, или ильменьскихъ славянъ *Гостомыслъ*, старецъ преклонный лѣтами, убѣленный сѣдиною, умный и дальновидный собиралъ вѣче (народное собраніе) и давалъ совѣтъ, чтобы славяне постарались выбрать себѣ князя и подчинились ему во всемъ.

Когда Гостомыслъ умеръ, ильменьскіе славяне съ нѣкоторыми изъ сосѣднихъ племенъ (славянскихъ и финскихъ) составили посольство и отправили его въ землю варяжскую. Явившись туда, послы, какъ говоритъ преданіе, объявили: „Земля наша велика и богата, но въ ней не стало порядка —придите къ намъ и владѣйте“. Изъ варяжскаго племени „русь“ [1]), согласились принять это предложеніе три родныхъ брата: *Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ*. Они взяли съ собою дружину и родичей, пришли въ землю новгородскихъ славянъ и стали въ ней первыми князьями. Это было въ 862 году. Съ того времени и началось наше *русское* государство.

Первые русскіе князья.

Рюрикъ (862—879 г.).

Явившись въ славянскую землю, Рюрикъ поселился сначала въ г. Ладогѣ, а потомъ перешелъ жить въ г. Новгородъ; Синеусъ сталъ жить въ Бѣлѣ-Озерѣ у финскаго племени *веси*, а Труворъ въ г. Изборскѣ—у *кривичей*. Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли, и владѣнія ихъ перешли подъ власть Рюрика.

О правленіи Рюрика въ славянской землѣ свѣдѣній сохранилось немного. Извѣстно, напр., что онъ дѣлалъ завоеванія въ сосѣднихъ земляхъ, строилъ города и отдавалъ ихъ въ управленіе своимъ дружинникамъ. Тѣхъ, которые не слушались его, онъ иногда даже казнилъ. Такъ, говорятъ, онъ самъ лично убилъ своею сѣкирою какого-то *Вадима* за то, что тотъ оказался виновнымъ въ заговорѣ противъ него. Рюрикъ правилъ своимъ государствомъ 17 годовъ.

Олегъ (879—912 г.).

У Рюрика былъ сынъ *Игорь*. Когда Рюрикъ умеръ, ему было только три года, а потому княземъ сдѣлался одинъ изъ

[1]) Норманны, обитавшіе на Скандинавскомъ полуостровѣ, дѣлились на племена, между которыми было племя „варяги“, а между варягами было племя, которое называлось „русью“.

родственниковъ Рюрика—*Олегъ*. *Это былъ воинъ храбрый и неустрашимый*. Онъ правилъ государствомъ 33 года и прославился *обширными завоеваніями*.

Такъ, года черезъ два послѣ своего вступленія на престолъ, Олегъ набралъ войско изъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ и пошелъ съ ними по р. Днѣпру на югъ съ тѣмъ, чтобы подчинить подъ свою власть тѣ славянскія племена, которыя не участвовали въ призваніи князей и не признавали его власти. *Шелъ онъ по „великому водному пути“* [1]), который велъ изъ варяжской страны въ землю греческую, и посылалъ отряды своихъ воиновъ покорять народы, жившіе по той и другой сторонѣ этого пути. И такъ онъ дошелъ до г. Кіева, который стоялъ на красивомъ холмистомъ берегу р. Днѣпра. Въ Кіевѣ княжили тогда два родныхъ брата—*Аскольдъ* и *Диръ*. Они были также варяги; пришли въ славянскую землю вмѣстѣ съ Рюрикомъ, но потомъ вскорѣ оставили его и овладѣли Кіевомъ [2]). Аскольдъ и Диръ были князья храбрые и отважные. Олегъ, вѣроятно, не надѣялся побѣдить ихъ въ открытой борьбѣ и потому прибѣгъ къ хитрости.

---

[1]) Этотъ великій водный путь шелъ слѣдующимъ образомъ: р. Нева, р. Волховъ, озеро *Ильмень*, р. *Ловать*. Между р. *Ловатью и Западной Двиной есть водораздѣлъ*, черезъ который суда и товары перетаскивали на себѣ и затѣмъ поднимались вверхъ по р. Западной Двинѣ. Между Западной Двиной и верхнимъ теченіемъ р. Днѣпра есть другой водораздѣлъ, черезъ который тоже приходилось суда и товары перетаскивать. Рѣкою Днѣпромъ достигали Чернаго моря и близъ береговъ его плыли въ Византію.

[2]) Говорятъ, что Рюрикъ Аскольду и Диру не давалъ городовъ въ управленіе какъ другимъ своимъ дружинникамъ; поэтому они выпросились у него съ родными своими (съ дружиною) въ Константинополь. Слѣдуя по теченію р. Днѣпра, они усмотрѣли на горѣ городокъ и спросили: „чей онъ?“ Имъ объяснили, что этотъ городокъ построили три брата: *Кій, Щекъ* и *Хоривъ*, что они уже умерли и городкомъ этимъ теперь владѣютъ хозары, народъ татарскаго племени. Аскольдъ и Диръ остались въ г. Кіевѣ (городѣ Кія) и стали владѣть потомъ землею полянъ. Послѣ для завоеваній Аскольдъ и Диръ ходили въ Константинополь. Императоромъ тамъ былъ Михаилъ, но онъ ходилъ на войну съ агарянами. Аскольдъ и Диръ безпрепятственно вторглись въ константинопольскую гавань и опустошили окрестности Константинополя. Императору дано было знать о трудномъ положеніи столицы, и онъ возвратился изъ похода немедленно. Такъ какъ отбить враговъ было трудно, то онъ вмѣстѣ съ патріархомъ *Фотіемъ* цѣлую ночь провелъ въ молитвѣ во Влахерискомъ храмѣ Божіей Матери. На другой день совершенъ былъ крестный ходъ на берегъ залива. Императоръ и патріархъ омочили въ водахъ его край ризы Божіей Матери. Море тотчасъ же взволновалось и разметало суда непріятелей, такъ что изъ нихъ спаслась только небольшая часть. Аскольдъ и Диръ возвратились въ Кіевъ. Этотъ походъ былъ причиною того, что Аскольдъ и Диръ приняли православную христіанскую вѣру.

Онъ, говорятъ оставилъ свою дружину, не доѣхавъ до Кіева, а самъ съ нѣсколькими вооруженными воинами сѣлъ въ лодки и присталъ въ Кіевѣ къ берегу. Отсюда онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: „Пришли купцы съ родной ихъ стороны. Если князья желаютъ съ ними повидаться, то пришли бы къ нимъ“. Болѣе 20 лѣтъ Аскольдъ и Диръ не видали своей родины; видѣться со своими земляками имъ, конечно, было пріятно, и вотъ, они явились къ Олегу безъ оружія и безъ дружины. Но Олегъ встрѣтилъ ихъ такъ, какъ они и предполагать не могли: онъ вынесъ къ нимъ маленькаго Игоря и сказалъ: „Вы не князья и рода не княжескаго, а я рода княжескаго и вотъ это сынъ князя Рюрика“. Воины Олега напали на Аскольда и Дира и убили ихъ. Потерявши своихъ князей, кіевляне подчинились Олегу. Олегъ сталъ жить въ Кіевѣ и назвалъ его „матерью всѣхъ городовъ русской земли“. Тѣла убитыхъ князей, Аскольда и Дира, отнесены были на гору (Угорскую) и погребены въ разныхъ могилахъ. На могилѣ Аскольда построена церковь св. Николая. Мѣсто погребенія этихъ князей показываютъ и въ настоящее время.

Вскорѣ затѣмъ Олегъ подчинилъ себѣ славянское племя *родимичей*. Родимичи платили дань хозарамъ. Олегъ послалъ имъ сказать: „Чѣмъ платить вамъ дань хозарамъ, племени татарскому, платите ее лучше мнѣ, князю славянскому“. Родимичи согласились, и онъ послалъ въ ихъ землю дружину, которая должна была и дань собирать съ нихъ, и управлять ими.

Такимъ образомъ въ короткое время Олегъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ славянскія племена, обитавшія по ту и по другую сторону рѣки Днѣпра, такъ что подъ его властью очутились почти всѣ племена восточныхъ славянъ.

Но болѣе всего Олегъ прославился въ исторіи удачными походами въ Византію.

Византіею называлось царство греческое православное и, по тому времени, первое во всемъ мірѣ. Столицею этого царства былъ городъ *Константинополь* [1]). Онъ былъ построенъ императоромъ Константиномъ Великимъ и украсился изящными постройками. Въ Константинополь собирались лучшіе ученые и художники. Нигдѣ въ мірѣ тогда не было такихъ

[1]) Онъ находился между двумя морями (Чернымъ и Мраморнымъ) при Константинопольскомъ проливѣ и обнесенъ былъ толстыми каменными стѣнами. Къ самому городу съ одной стороны подходила гавань, которая называлась „Золотымъ рогомъ“.

прекрасныхъ зданій какія были тамъ. Великолѣпный соборъ св. Софіи обладалъ несмѣтными сокровищами и возбуждалъ удивленіе всѣхъ. Русскіе называли Константинополь „Царьградомъ". На такой-то славный городъ Олегъ и надумалъ сдѣлать походъ, чтобы получить богатую добычу. Собравши огромное войско изъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ, онъ посадилъ его на двѣ тысячи лодокъ. Вступивши въ Босфоръ, или Константинопольскій проливъ, онъ рѣшилъ взять Константинополь. Но, чтобы взять такой укрѣпленный городъ, нужно было вести осаду не только съ суши, но и съ моря; греки же, на случай опасности, загораживали доступъ къ стѣнамъ Константинополя со стороны моря толстою желѣзною цѣпью, которую перекидывали съ одного берега Золотого рога на другой. Перервать эту цѣпь Олегъ не могъ, и греки были увѣрены, что Олегъ отступитъ отъ города. Вдругъ видятъ, что онъ переправляетъ свои карабли въ Золотой рогъ по сухому пути. Для этого онъ велѣлъ поставить карабли на колеса, раскинуть на нихъ паруса и при помощи вѣтра перетаскивать въ гавань. Такая хитрость Олега сильно смутила грековъ, и они завели съ нимъ переговоры, предлагая дань. Олегъ выпросилъ дани по 12 гривенъ серебра на ключъ (вѣроятно на лодку) и выговорилъ право русскимъ купцамъ торговать въ Византіи безпошлинно. Греки согласились на все, и Олегъ возвратился домой съ богатою добычею. Говорятъ, добычи было получено столько, что дорогою славяне сдѣлали на своихъ карабляхъ паруса изъ тонкихъ полотенъ, а варяги даже изъ шелковыхъ тканей.

За такія необычайныя удачи во всѣхъ предпріятіяхъ Олегъ прозванъ былъ „вѣщимъ" (чародѣемъ, волхвомъ, вѣдающимъ будущее). Онъ умеръ въ 912 году.

Смерть его, какъ героя, украшена вымыслами. Преданіе говоритъ, что у Олега былъ любимый конь, на которомъ онъ ѣздилъ всегда. Какой-то кудесникъ (чародѣй) предсказалъ однажды Олегу, что отъ этого коня онъ и умретъ. Олегъ смутился и велѣлъ запереть своего коня въ конюшнѣ, кормить, но никогда для него не сѣдлать. Прошло много времени и этотъ конь издохъ. Но Олегъ разъ вспомнилъ о немъ и спросилъ: „гдѣ любимый мой конь?" Когда ему объяснили, что его давно уже нѣтъ, онъ захотѣлъ видѣть, гдѣ лежатъ его кости. Смотря на нихъ, онъ вспомянулъ свои подвиги, которые пришлось ему совершить на этомъ конѣ, и посмѣялся надъ кудесникомъ; но при этомъ нечаянно ступилъ на черепъ коня.

Вдругъ изъ-подъ костей выползла ядовитая змѣя и укусила Олега. Ядъ проникъ въ кровь и Олегъ умеръ.

Игорь (912—945).

Послѣ Олега славяно-русскимъ княземъ сдѣлался Игорь, сынъ Рюрика. Онъ былъ княземъ 33 года, но княженіе его было не славно. Онъ ходилъ на Царьградъ, чтобы, подобно Олегу, получить богатую добычу. Собравши войска, онъ вторгнулся въ предѣлы византійскаго царства, пожегъ много селеній, разорилъ много церквей и пограбилъ много монастырей въ окресностяхъ Константинополя; но въ концѣ концовъ потерпѣлъ неудачу. Греки тогда знали секретъ составлять такое вещество, которое могло горѣть и въ водѣ. Это называлось „греческимъ огнемъ". Посредствомъ особыхъ снарядовъ греки умѣли бросать этотъ губительный огонь на суда руссовъ и истребляли ихъ. Игорь принужденъ былъ заключить съ греками миръ. По этому миру греки отказались платить руссамъ дань и стали налагать на русскихъ купцовъ пошлину снова.

О смерти Игоря существуетъ такое сказаніе: однажды онъ отправился собирать дань съ подчиненныхъ племенъ и пришелъ къ древлянамъ. Древляне охотно давали ему дань мѣхами, медомъ и другими произведеніями своей страны. Игорь ушелъ отъ нихъ, но дорогою ему показалось, что дани собрано мало. Надѣясь на то, что древляне миролюбивы, онъ отпустилъ свою дружину съ добычею въ Кіевъ, а самъ съ небольшимъ числомъ воиновъ воротился къ древлянамъ и потребовалъ отъ нихъ дани еще. Древляне обидѣлись на это и говорили между собою: „Повадился волкъ къ овцамъ,—все стадо перетаскаетъ, а потому нужно убить его". Согласившись такъ, они напали на Игоря и дѣйствительно погубили его [1]).

Княгиня Ольга (945—957).

Когда Игорь погибъ въ древлянской землѣ, семейство его было въ Кіевѣ. Оно состояло изъ супруги его, княгини Ольги, и сына Святослава. Святославъ тогда былъ еще ребенкомъ, и потому Ольга управленіе государствомъ взяла въ свои руки. Ставши правительницею государства, она прежде всего постаралась отомстить древлянамъ за смерть своего му-

---

[1]) Говорятъ, они привели его въ лѣсъ, нагнули вершины двухъ деревъ и привязали Игоря къ нимъ по ногѣ, а потомъ деревья опустили, и князь былъ разорванъ на части.

жа Игоря. Преданіе называетъ ее „мудрѣйшею изъ князей" и восхваляетъ особенно за то, что она сумѣла провести эту месть очень искусно, такъ что древляне до самаго конца не могли замѣтить того, что Ольга имъ мститъ.

О томъ, какъ княгиня Ольга отомстила древлянамъ, существуетъ такой разсказъ: убивши князя Игоря, древляне послали къ Ольгѣ пословъ просить руки ея для своего князя Мала. Ольга не подала виду, что выходить замужъ за Мала совсѣмъ не желаетъ. Въ отвѣтъ на это предложеніе она сказала посламъ: „Люба мнѣ ваша рѣчь; мужа уже не воскресишь... Но я хочу васъ завтра почтить предъ всѣмъ моимъ народомъ. Ступайте вы теперь къ своимъ лодкамъ и лягте въ нихъ величаясь. Я пришлю за вами и вы скажите моимъ посламъ: ни на коняхъ не поѣдемъ, ни пѣшкомъ не идемъ, —несите насъ въ этихъ лодкахъ. И понесутъ васъ въ лодкахъ". Древлянскіе послы такъ и сдѣлали,—ихъ и понесли въ лодкахъ. Но Ольга на своемъ дворѣ велѣла выкопать глубокую яму, въ которую древлянскіе послы и были брошены со своими лодками. „Хороша ли вамъ честь?" спросила ихъ Ольга. „Смерть намъ пуще Игоревой", отвѣчали они. Ольга велѣла засыпать ихъ землей, а въ древлянскую землю послала сказать, что послы присланы къ ней незнатные и потому чрезъ нихъ ей нельзя дать своего согласія на бракъ съ княземъ Маломъ. Древляне повѣрили и послали къ ней знатныхъ пословъ. Ольга велѣла приготовить для нихъ баню и, по славянскому обычаю, прежде пріема и угощенія, предложила имъ вымыться въ ней, а сама между тѣмъ сдѣлала распоряженіе, чтобы слуги ея зажгли эту баню со входа, какъ только древлянскіе послы въ нее войдутъ. Такъ погибли и эти послы. Затѣмъ Ольга послала сказать древлянамъ, что прежде своей свадьбы она желаетъ помянуть своего мужа на его могилѣ, которая находилась въ древлянской землѣ. Это ей было дозволено, и она велѣла наварить крѣпкаго меду и пива, явилась на могилу Игоря и позвала на поминки всѣхъ знатныхъ дружинниковъ Мала. Когда дружинники Мала опьянѣли, она велѣла ихъ перебить. Послѣ этого Ольга осадила главный городъ древлянъ—*Коростенъ*. Древляне къ войнѣ были не приготовлены и стали просить, чтобы Ольга взяла съ нихъ дань, какую только захочетъ. Ольга потребовала, чтобы они прислали ей въ дань изъ г. Коростена по три голубя и по три воробья отъ каждаго дома. Древляне согласились на такую дань съ радостью, а Оль-

га велѣла привязать къ ногамъ этихъ птицъ такъ называемый трутъ, зажечь его и птицъ выпустить. Птицы полетѣли на свои гнѣзда и разнесли огонь по всему городу. Жители Коростена, спасаясь отъ пламени, бѣжали изъ города вонъ, а Ольга велѣла ихъ избивать. Такъ Ольга отомстила за своего мужа Игоря, за древлянскаго князя въ замужество не пошла и древлянскую землю подчинила себѣ.

Но княгиня Ольга такъ поступила съ древлянами не по жестокости своего сердца, а потому, что у славянъ, когда они были язычниками, свято соблюдался обычай за *смерть родственника мстить* тоже *смертію*.

Кромѣ того, великую княгиню Ольгу потомство прославляетъ за мудрость, которую она показала въ управленіи своимъ государствомъ. Она сама объѣзжала свои владѣнія и производила въ нихъ судъ и расправу. Особенно было благодѣтельно то, что она установила извѣстные пункты, въ которые назначила судей и начальниковъ, чтобы къ нимъ могъ обращаться народъ за судомъ и расправою, такъ какъ къ князю въ его стольный городъ являться не всѣмъ было удобно. Народъ полюбилъ ее такъ, что долго помнилъ мѣста. гдѣ она останавливалась, а сани, въ которыхъ она ѣздила по государству, въ Псковѣ, гдѣ она родилась, долго хранили, какъ дорогую святыню.

Крещеніе Ольги.

Самымъ важнымъ дѣломъ, за которое потомство прославляетъ княгиню Ольгу, было то, что она приняла православную вѣру Христову. Для этого она отправилась въ Константинополь. Императоръ Константинъ Багрянородный былъ ея воспріемникомъ отъ купели св. крещенія. Онъ принялъ ее съ большимъ почетомъ, угощалъ и одарилъ. Константинопольскій патріархъ самъ совершалъ таинство св. крещенія въ храмѣ св. Софіи и самъ преподавалъ ей первыя наставленія въ истинахъ вѣры Христовой. Княгиня Ольга во святомъ крещеніи названа *Еленою*, какъ называлась мать Константина Великаго.

Православная Церковь причла княгиню Ольгу къ лику святыхъ и память ея празднуетъ 11 іюля.

Святославъ (957—972).

Великая княгиня Ольга правила государствомъ до тѣхъ поръ, пока не возмужалъ сынъ ея *Святославъ*. Какъ только онъ

сталъ способенъ взять въ свои руки правленіе, Ольга отдала ему власть.

Святославъ оказался княземъ воинственнымъ и даже болѣе, чѣмъ Олегъ. Онъ велъ жизнь суровую; въ своихъ походахъ онъ ни о какихъ удобствахъ не думалъ: не бралъ съ собою ни возовъ, ни котловъ; мяса для пищи никогда не варилъ, а, нарѣзавши ломтями конину, звѣрину или говядину, пекъ на угольяхъ или парилъ подъ сѣдломъ своего коня. Ночи онъ проводилъ подъ открытымъ небомъ, спалъ на сырой землѣ. На своихъ враговъ онъ не любилъ нападать внезапно. Задумавши походъ на враговъ, онъ обыкновенно посылалъ сказать имъ: „иду на васъ". И это онъ дѣлалъ для того, чтобы враги его приготовились къ защитѣ. Всѣ сосѣди страшно боялись Святослава.

Святославъ покорилъ *вятичей* и завоевалъ *Болгарію* (на Дунаѣ). Вятичи платили тогда дань хозарамъ. Хозары за нихъ заступились, но Святославъ поразилъ ихъ и отнялъ у нихъ городъ *Бѣлую Вежу*.

Мысль о завоеваніи Болгаріи внушилъ ему греческій императоръ *Никифоръ Фока*. Положеніе византійской имперіи при немъ было тяжелое. Кромѣ внутреннихъ безпорядковъ, Византію терзали враги. Такъ, съ сѣвера безпокоили ее венгры, незадолго до того поселившіеся на лѣвой сторонѣ Дуная. Болгары имѣли возможность остановить венгровъ, но они, въ своихъ видахъ, не мѣшали имъ опустошать византійское царство. Никифоръ Фока сердился на болгаръ и, когда ему сказали, что русскій князь Святославъ поражаетъ всѣхъ, съ кѣмъ вступаетъ въ борьбу, онъ попросилъ Святослава завоевать Болгарію себѣ. За это съ своей стороны онъ предлагалъ Святославу богатые дары. Святославъ былъ и самъ ослѣпленъ славою своихъ побѣдъ надъ сосѣдями. Не долго думая, онъ собралъ свою дружину и устремился на болгаръ безъ всякаго повода съ ихъ стороны. Побѣда ему досталась легко. Онъ взялъ г. *Переяславецъ* и опустошилъ до 80 другихъ городовъ. Болгарія понравилась Святославу такъ, что онъ порѣшилъ перейти въ нее жить. Переяславецъ онъ задумалъ сдѣлать своею столицею. Но, пока Святославъ былъ въ Болгаріи, на Кіевъ напали печенѣги и окружили его со всѣхъ сторонъ. Осада была чрезвычайно томительна; съѣстные запасы у кіевлянъ истощились, колодцы исчерпались, невозможно стало достать воды ни изъ Днѣпра, ни изъ р. Лыбеди. Престарѣлая княгиня Ольга лежала больная и молилась христі-

анскому Богу о спасеніи Кіева. За Днѣпромъ стоялъ полководецъ Святослава Претичъ, но кіевлянамъ невозможно было извѣстить его о трудномъ своемъ положеніи, и они были въ отчаяніи. Наконецъ *нашелся* отрокъ, который *придумалъ* способъ дать Претичу вѣсть. Онъ взялъ въ руку узду, перелѣзъ черезъ стѣны г. Кіева и, расхаживая по рядамъ непріятелей, спрашивалъ по-печенѣжски: „не видалъ ли кто его коня?“ Печенѣги пропустили его до самаго Днѣпра. Хитрость открылась только тогда, когда отрокъ, снявши платье, бросился плыть на другую сторону рѣки. Печенѣги стали стрѣлять въ него, но было уже поздно: Претичъ послалъ ему лодку и тѣмъ его спасъ. Дружина у Претича была не велика; вступать съ печенѣгами въ битву ему было опасно, но и помочь Кіеву было необходимо, а потому онъ сказалъ своимъ воинамъ: „поѣдемъ завтра къ столицѣ и увеземъ княгиню со внучатами къ себѣ, а то Святославъ насъ погубитъ“. Утромъ сѣла дружина Претича въ лодки и отважно переправилась чрезъ Днѣпръ. Печенѣги думали, что явился самъ Святославъ, и въ испугѣ отступили отъ Кіева. Печенѣжскій князь, однако, прислалъ спросить Претича:—„Ты ли князь Святославъ?“—„Я бояринъ Святослава, а самъ онъ идетъ сюда съ большою дружиною“, отвѣтилъ ему Претичъ.—„Будь мнѣ другомъ“, сказалъ ему князь печенѣжскій. Претичъ согласился на миръ, и печенѣги сняли осаду Кіева, но остановились невдалекѣ отъ него. Между тѣмъ кіевляне успѣли дать вѣсть о своей опасности и Святославу. Въ Болгарію былъ посланъ гонецъ. Онъ сказалъ Святославу: „Князь, ты ищешь чужой земли, а отъ своей отступился. Кіевъ обступили печенѣги, насъ съ твоею матерью и дѣтьми едва не взяли въ полонъ. Если не придешь, всѣ погибнемъ“. Святославъ повѣсилъ свой щитъ на воротахъ Переяславца и отправился въ Кіевъ. Вступивши во дворецъ, Святославъ бросился къ ногамъ своей матери. Ольга просила его, чтобы онъ оставилъ мысль о далекихъ завоеваніяхъ и берегъ свою землю, но Святославъ не могъ съ ней согласиться: черезъ Болгарію проходилъ перекрестный торговый путь съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. „Въ эту страну“, говорилъ Святославъ, „сходится всякое добро: отъ грековъ—золото, ткани и разные овощи, отъ венгровъ—серебро и кони, а изъ Руси—звѣриныя кожи, медъ, воскъ и рабы“. Думалъ онъ даже, что со временемъ можно будетъ ему завоевать и самую Византію. „Дай мнѣ только закрыть глаза“, сказала ему Ольга и скоро скончалась.

Святославъ оплакалъ кончину матери и снова ушелъ въ Болгарію. Свои владѣнія въ русской землѣ онъ раздѣлилъ между тремя сыновьями. Старшему *Ярополку*, онъ отдалъ Кіевъ, *Олегу*—древлянскую землю, а младшему, *Владиміру*,—Новгородъ. Но въ Переяславцѣ, гдѣ онъ ранѣе повѣсилъ свой щитъ, встрѣтили его стрѣлами и копьями. Храбрый Святославъ не смутился: бросился на враговъ и поразилъ ихъ. Переяславецъ опять сталъ его городомъ.

Доколѣ Святославъ былъ въ Кіевѣ, перемѣнились дѣла и въ Византіи. Тамъ стали думать, что Святославъ можетъ завоевать и всю Грецію. Императоромъ тамъ сдѣлался отважный полководецъ Іоаннъ *Цимисхій*. Цимисхій послалъ сказать Святославу, чтобы онъ оставилъ Болгарію. Святославъ разсердился и отвѣтилъ, что для переговоровъ съ императоромъ онъ явится подъ стѣны Царьграда. И дѣйствительно, онъ перешелъ Балканы и бралъ города. Но въ одномъ мѣстѣ грековъ собралось очень много, и они окружили Святослава. Святославъ понялъ опасность и сказалъ своимъ воинамъ рѣчь: „Намъ ужъ некуда дѣваться. Волею или неволею, а мы должны сражаться. Не посрамимъ же русской земли и ляжемъ костьми. Мертвымъ нѣтъ срама. Если же побѣжимъ то срама наживемъ, да и не убѣжимъ. Станемъ же крѣпко. Я пойду впереди... Если моя голова ляжетъ, то вы помышляйте о себѣ уже сами“. Эта рѣчь такъ подѣйствовала на дружину, что она въ одинъ голосъ сказала: „Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ положимъ и мы свои головы“. Дружно ударилъ Святославъ на грековъ и они были разбиты.

Поразивши грековъ, Святославъ пошелъ далѣе и занялъ гор. Аркадіополь (Люле-Бургасъ), который былъ недалеко уже отъ Царьграда. Но трудности похода и битвы утомили и истощили дружину Святослава, такъ что самъ Святославъ увидѣлъ, что дальше ему итти невозможно, и вернулся назадъ. У рѣки Дуная, въ крѣпости Доростолѣ (нынѣ Силистрія), греки снова окружили Святослава, а въ устьяхъ Дуная поставили флотъ, чтобы ему нельзя было выйти въ Черное море. Святославъ выносилъ всѣ трудности осады съ дивнымъ терпѣніемъ. Наконецъ, той и другой сторонѣ вести войну стало трудно. Тогда заключенъ былъ миръ, по которому русскіе обязались не только не возставать противъ грековъ, но и враговъ ихъ считать своими врагами. На Дунаѣ произошло свиданіе І. Цимисхія со Святославомъ. Цимисхій явился въ блестящемъ вооруженіи со свитою, на конѣ, а Святославъ

подъѣхалъ къ берегу въ лодкѣ. Онъ былъ одѣтъ въ чистую полотняную рубашку; въ одномъ ухѣ у него была золотая серьга; волосы на головѣ были выбриты, оставленъ только одинъ клокъ ихъ (чубъ) напереди (чѣмъ доказывалось благородное его происхожденіе). Святославъ самъ гребъ веслами. Не выходя изъ лодки, онъ поговорилъ немного съ Цимисхіемъ и поѣхалъ назадъ. Цимисхій обѣщалъ дать Святославу средства воротиться домой. Святославъ пошелъ по Дунаю, чтобы черезъ Черное море пройти въ Днѣпръ и по Днѣпру въ Кіевъ; но при днѣпровскихъ порогахъ его застали морозы. Здѣсь дружинѣ Святослава пришлось зимовать и выносить много нужды отъ непогоды и голода. Съ наступленіемъ весны, когда Днѣпръ вскрылся отъ льда, Святославъ пошелъ въ Кіевъ, но печенѣги напали на него и убили; изъ дружины Святослава въ Кіевъ пришлось возвратиться немногимъ. Печенѣжскій князь сдѣлалъ себѣ изъ черепа Святослава застольную чашу, чтобы, по обычаю варваровъ, пить изъ нея на пирахъ вино.

Владиміръ (979—1015).

Когда Святославъ погибъ, русская земля осталась въ рукахъ трехъ его сыновей; но изъ нихъ младшій, Владиміръ, вскорѣ сдѣлался единодержавнымъ княземъ всей Руси. На первыхъ порахъ этотъ князь былъ гнѣвенъ и даже жестокъ. Такъ, напр., онъ жестоко поступилъ съ полоцкимъ княземъ *Рогвольдомъ*. У этого князя была красавица дочь. Ее звали *Рогнѣдой*. Владиміръ предложилъ ей, чтобы она вышла за него замужъ, но Рогнѣда ранѣе дала обѣщаніе выйти за старшаго брата его, Ярополка, и отказала Владиміру, упомянувъ, что не хочетъ выходить „за сына рабыни“. Владиміръ оскорбился, напалъ на Полоцкъ и избилъ всю семью Рогвольда, а Рогнѣду взялъ къ себѣ въ жены насильно.

Жестоко поступилъ онъ и съ братомъ своимъ Ярополкомъ: онъ измѣннически убилъ его въ своемъ шатрѣ, куда пригласилъ для переговоровъ о мирѣ.

Но такимъ Владиміръ былъ только до тѣхъ поръ, доколѣ оставался въ язычествѣ. Черезъ 8 лѣтъ послѣ того, какъ погибъ Ярополкъ, онъ принялъ православную христіанскую вѣру и сталъ совершенно другимъ человѣкомъ.

Утвержденіе христіанства въ Россіи.

Крещеніе Владиміра.

Несмотря на то, что Аскольдъ и Диръ были христіанами и великая княгиня Ольга приняла христіанство, Русь продолжала оставаться страною языческою. Святославъ не захотѣлъ принимать христіанской вѣры, какъ княгиня Ольга ни убѣждала его къ тому. Христіанская вѣра проповѣдуетъ миръ и любовь со всѣми и даже съ врагами, а онъ страстно любилъ воевать. Жизнь и характеръ Владиміра, доколѣ онъ былъ язычникомъ, также не соотвѣтствовали Христову ученію. Но этотъ князь былъ всегда набожнымъ. Живя по языческимъ обычаямъ, онъ ставилъ много идоловъ, строилъ капища, приносилъ жертвы. Иногда разрѣшалъ приносить въ жертву языческимъ богамъ даже людей. Такъ, разсказываютъ, что по случаю одной побѣды надъ врагами, онъ дозволилъ принести въ жертву Перуну одного христіанскаго мальчика (Іоанна); а когда отецъ его (Ѳеодоръ) не согласился на то, онъ не запретилъ кіевлянамъ разрушить домъ и упорнаго отца убить вмѣстѣ съ сыномъ.

Но Владиміръ не нашелъ для себя утѣшенія въ языческой вѣрѣ. Онъ сталъ выражать желаніе перемѣнить ее. Объ этомъ узнали сосѣдніе народы и, говорятъ, стали присылать къ Владиміру пословъ для объясненія своихъ вѣроученій. Такъ, будто бы приходили къ Владиміру послы отъ нѣмцевъ, магометанъ, евреевъ и грековъ. Каждые послы старались выставить свою вѣру лучше всѣхъ другихъ вѣръ. Но Владиміръ нѣмцамъ (католикамъ) сказалъ: „Наши отцы не принимали вашей вѣры, не приму ея и я". Болгарамъ (магометанамъ) сказалъ: „Ваша вѣра запрещаетъ пить вино, но Руси есть веселіе пити". Когда еврейскіе послы объяснили Владиміру свою вѣру, онъ ихъ спросилъ: „А гдѣ вы живете?" Тѣ должны были отвѣтить ему, что Богъ за грѣхи разсѣялъ ихъ по всей землѣ. Тогда Владиміръ сказалъ: „Если вы отвержены Богомъ, то какъ же осмѣливаетесь учить другихъ? Или хотите и насъ привести къ тому же?" Былъ у Владиміра и посолъ греческій. Онъ объяснилъ ему догматы православной вѣры Христовой и, разсказывая ученіе о загробной жизни, развернулъ передъ нимъ картину Страшнаго Суда. На правой сторонѣ этой картины были изображены праведники, съ веселіемъ идущіе въ рай, а на лѣвой—грѣшники, которыхъ демоны влекли въ адъ на мученія. Владиміръ пораженъ былъ

этою картиною; но когда посолъ предложилъ ему креститься, онъ согласія не далъ, потому что не дѣлалъ ничего безъ совѣта со своею дружиною. Греческаго посла онъ отпустилъ съ дарами и честію. Потомъ Владимиръ созвалъ бояръ и объявилъ имъ свое намѣреніе перемѣнить вѣру. Бояре совѣтовали ему сравнить богослуженіе разныхъ религій на мѣстѣ. Князь согласился; послано посольство. Послы посѣтили разныя страны и возвратившись объявили, что греческая вѣра лучше всѣхъ другихъ вѣръ, что, когда они были за богослуженіемъ въ греческомъ храмѣ, то не знали, гдѣ стоятъ—на землѣ или на небѣ. Бояре при этомъ добавили Владимиру: „Видно, что греческая вѣра лучше всѣхъ другихъ вѣръ, когда и бабка твоя, княгиня Ольга, приняла эту вѣру, а не другую: она была мудрѣйшею изъ людей“. Владимиръ рѣшился принять вѣру греческую. Но ему славному князю русской земли, казалось унизительнымъ просить у грековъ крещенія открыто и прямо, и онъ придумалъ предлогъ. Онъ осадилъ греческій городъ *Корсунь* (Херсонесъ въ Крыму). Городъ долго не сдавался. Наконецъ, одинъ грекъ, котораго звали *Анастасъ*. пустилъ изъ города стрѣлу съ письмомъ. Въ этомъ письмѣ онъ указывалъ способъ, какъ лучше взять городъ и, по его указанію, городъ былъ дѣйствительно взятъ. Владимиръ зналъ, что у греческихъ царей (Василія и Константина) есть сестра, царевна *Анна*. И вотъ, онъ послалъ изъ Корсуня предложеніе, чтобы цари отдали ее за него. При этомъ онъ добавилъ грозныя слова: „Если вы своей сестры за меня не отдадите, то я съ вашей столицей поступлю такъ же, какъ и съ Корсунемъ“.—„Христіанамъ непозволительно выдавать дѣвицъ за язычниковъ“, отвѣчали братья царевны. „Скажите, что я крещусь, говорилъ посламъ князь Владимиръ.—Я узналъ вашу вѣру по разсказамъ мужей, которыхъ посылалъ къ вамъ для этого“.

Царевна Анна не надѣялась, чтобы Владимиръ крестился, и шла въ Корсунь неохотно. Она говорила: „Какъ въ полонъ иду. Лучше бы мнѣ умереть“. Робко она предстала предъ княземъ Владимиромъ, но Господь ободрилъ ее дивнымъ чудомъ. У Владимира тогда болѣли глаза. Царевна сказала ему: „Крестись и получишь исцѣленіе“. Владимиръ крестился и, какъ только онъ вышелъ отъ купели св. крещенія, глаза его болѣть перестали. Тогда онъ сказалъ: „Теперь Бога христіанскаго я узналъ“. Въ крещеніи Владимиръ названъ *Василіемъ*. Послѣ крещенія немедленно совершенъ былъ бракъ его

съ царевной Анной, и она стала лучшимъ другомъ, лучшею совѣтницею и наставницею его въ догматахъ вѣры Христовой.

Крещеніе кіевлянъ (988).

Вмѣстѣ съ княземъ Владимиромъ въ Корсунѣ крестились его сыновья и многіе изъ бояръ. Владимиръ желалъ, чтобы за нимъ крестился и весь русскій народъ. Въ этихъ видахъ онъ взялъ съ собою изъ Корсуня православныхъ священниковъ, мощи папы римскаго св. Климента и ученика его Фива, церковные сосуды, иконы и велѣлъ кіевлянамъ готовиться къ св. крещенію, а идоловъ велѣлъ сокрушать. Пошли княжескіе слуги по городу, стали ломать, рубить и жечь не только идоловъ, но и капища ихъ. На главной площади въ Кіевѣ, передъ самымъ княжескимъ дворцомъ стоялъ идолъ Перуна. Это былъ деревянный истуканъ съ серебряною головою и золотыми усами. Перуна велѣно было привязать къ хвосту лошади и волокомъ стащить въ р. Днѣпръ, чтобы унесло его въ море волнами. Князь Владимиръ велѣлъ даже своимъ слугамъ проводить Перуна за пороги и отталкивать отъ берега. Кіевляне вообще охотно сокрушали идоловъ и готовились принять вѣру Христову, избранную княземъ; но были и такіе, которы плакали объ идолахъ.

Митрополитъ Михаилъ, пришедшій изъ Корсуня съ княземъ Владимиромъ, и священники тѣмъ временемъ ходили по городу и учили народъ. Принималъ въ проповѣди участіе и самъ князь, почему православная Церковь и называетъ его „Равноапостольнымъ". Много кіевлянъ, по волѣ князя крестилось немедленно, но большая часть ихъ медлила крещеніемъ. Тогда князь велѣлъ всѣмъ кіевлянамъ въ извѣстный день собраться на р. Днѣпръ для крещенія. Въ назначенный день берегъ Днѣпра покрылся народомъ. Женщины собирались въ одномъ мѣстѣ, а мужчины въ другомъ; некрещенные входили въ воду: одни по-поясъ, другіе по грудь, а третьи по самую шею. Крещенные бродили по рѣкѣ и учили, какъ держать себя во время крещенія. Взрослые держали на рукахъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Священники, стоя на берегу, читали надъ ними молитвы, положенныя по обряду таинства св. крещенія. Присутствовалъ и умилялся духомъ при этомъ и самъ князь съ молодою своею княгинею. Съ того времени христіанская православная вѣра стала на Руси главною вѣрою.

Заботы и свойства князя Владимира послѣ крещенія и кончина его.

Великій князь Владиміръ много заботился о томъ, чтобы православная вѣра Христова крѣпче привилась къ сердцу русскаго народа. Съ этою цѣлью онъ строилъ христіанскіе храмы. Такъ, онъ построилъ храмъ св. Василія и храмъ Десятинный, на содержаніе котораго отчислилъ десятую часть изъ своихъ доходовъ.

Много заботился онъ и о томъ, чтобы русскій народъ просвѣщался книжнымъ ученіемъ. Съ этою цѣлью онъ вызывалъ учителей изъ Греціи. Учители являлись и учили дѣтей на домахъ ихъ родителей, собирали дѣтей для обученія грамотѣ и у себя. Есть преданіе, что онъ завелъ въ Кіевѣ школу, въ которой могло обучаться до 300 мальчиковъ.

Великій князь Владиміръ послѣ крещенія сталъ княземъ миролюбивымъ, добрымъ и щедрымъ. Народу особенно нравились пиры Владиміра, на которые могли являться всѣ, кто бы ни пожелалъ. Больнымъ и увѣчнымъ, которые не могли явиться на княжескій пиръ, князь Владиміръ велѣлъ съ этихъ пировъ отвозить кушанья на домъ.

Великій князь Владиміръ дожилъ до старости. Любимымъ мѣстопребываніемъ его было с. *Берестово* (невдалекѣ отъ Кіева). Въ немъ онъ жилъ свои послѣдніе годы, въ немъ и скончался 68 лѣтъ отъ рожденія (1015 г.).

Приближенные къ Владиміру бояре обвернули тѣло его ковромъ, разобрали въ теремѣ полъ и на веревкахъ спустили внизъ, а потомъ положили въ сани, перевезли въ кіевскій Десятинный храмъ Богоматери и здѣсь погребли его въ каменномъ гробѣ, который поставили рядомъ съ гробомъ супруги его, княгини Анны. Святая Церковь причла князя Владиміра къ лику святыхъ. Память его празднуется 15 іюля.

Заслуги православію у славянъ св. братьевъ Кирилла и Меѳодія.

Крещеніе кіевлянъ совершилось скоро; но, чтобы христіанство утвердилось въ русской землѣ прочнѣе, нужно было дать новокрещеннымъ книги, по которымъ бы они могли совершать богослуженіе. Для этого были принесены въ Кіевъ богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ. Переводъ этихъ книгъ на славянскій языкъ сдѣланъ былъ съ греческаго языка незадолго до крещенія Руси (въ IX в.) св. братьями *Кирилломъ* и *Меѳодіемъ*.

Кириллъ и Меѳодій, по своему происхожденію, были греки. Ихъ отецъ былъ правителемъ солунской области въ Македоніи (на Балканскомъ полуостровѣ). Въ Солуни было много славянъ, и св. братья съ самаго дѣтства имѣли возможность основательно изучить какъ греческій, такъ и славянскій языки. Въ IX вѣкѣ славянскіе народы стали оставлять язычество и принимать вѣру Христову. Св. братья Кириллъ и Меѳодій рѣшились посвятить себя на служеніе имъ. Священными и богослужебными книгами на греческомъ языкѣ славянскіе народы пользоваться не могли, и они рѣшились перевести ихъ на славянскій языкъ. Но славяне тогда писать не умѣли, и св. братьямъ представился трудъ не только сдѣлать переводъ, но и придумать для славянъ письмена. По образцу греческаго алфавита они составили славянскую азбуку. Хорошо зная славянскій языкъ, они легко замѣтили въ выговорѣ славянъ такіе звуки, какихъ нѣтъ въ рѣчи греческой; для этихъ особыхъ звуковъ они придумали и особые знаки (буквы). Съ тѣхъ поръ славяне стали читать и писать и получили возможность пользоваться священными и богослужебными книгами на своемъ родномъ языкѣ. Эти именно книги употребляются у насъ при Богослуженіи и въ настоящее время.

Сыновья Владимира: свв. Борисъ и Глѣбъ.

У Владимира было 12-ть сыновей, но изъ нихъ больше другихъ онъ любилъ младшаго сына *Бориса*. Еще при жизни Владимиръ раздѣлилъ между сыновьями удѣлы и Бориса назначилъ княземъ въ Ростовъ (нынѣ Яросл. губ.). Замѣтно было, что Владимиру хотѣлось отдать *ему* и великокняжескій кіевскій столъ, почему онъ *Бориса* постоянно держалъ при себѣ. Но случилось, что незадолго до смерти Владимира на русскую землю сдѣлали набѣгъ печенѣги. Владимиръ послалъ Бориса прогнать ихъ, но Борисъ не встрѣтилъ печенѣговъ и возвращался назадъ, какъ вдругъ получается вѣсть, что родитель его, князь Владимиръ, скончался и что старшій сынъ Владимира, *Святополкъ* овладѣлъ великокняжескимъ престоломъ и подкупаетъ кіевлянъ подарками. Дружина совѣтовала Борису поспѣшить въ Кіевъ и отнять у Святополка престолъ, но Борисъ говорилъ: „Буду ли я поднимать руку на старшаго брата? Онъ мнѣ вмѣсто отца“. Горько плакалъ Борисъ о смерти родителя и, покорный волѣ судьбы, распустилъ свою дружину, а самъ съ одними отроками остановился на берегу р. Альты (впад. въ р. Трубежъ, Полт. губ.). Святополкъ,

овладѣвши кіевскимъ престоломъ вопреки волѣ отца, боялся, чтобы братья не лишили его престола, и надумалъ погубить ихъ одного за другимъ. Опаснѣе всѣхъ ему представлялся Борисъ, и вотъ онъ подговорилъ убійцъ. Нѣкто Путша (варягъ) нашелъ себѣ единомышленниковъ и отправился къ мѣсту стоянки князя Бориса. Въ ночь на 24 іюля 1015 года заговорщики нашли Бориса на р. Альтѣ, когда онъ пѣлъ заутреню. Отроки Бориса, замѣтивши подозрительныхъ людей, сказали о нихъ Борису; но Борисъ, окончивъ заутреню, спокойно легъ спать. Въ это время убійцы ворвались въ шатеръ и убили Бориса. Перебили они немилосердно и слугъ его: отроку *Георгію* они отрубили голову, чтобы снять съ шеи золотую гривну (вѣроятно, ожерелье); затѣмъ сломали шатеръ Бориса, холстомъ обернули тѣло его и помчали къ Святополку въ Вышгородъ.

Вскорѣ послѣ этого злодѣянія Святополкъ послалъ убійцъ и противъ другого брата своего—*Глѣба*. Глѣбъ былъ княземъ въ Муромѣ. Онъ не зналъ, что дѣлалось въ Кіевѣ. Сидѣлъ онъ, говорятъ, въ своемъ дворцѣ и смотрѣлъ на Оку. Вдругъ растворяется дверь, вбѣгаетъ гонецъ весь въ пыли и говоритъ: „Князь, родитель твой при смерти: спѣши въ Кіевъ". Это былъ слуга Святополка, который хотѣлъ выманить Глѣба на жертву убійцамъ. Глѣбъ былъ пораженъ этою вѣстію и, не раздумывая долго, поскакалъ въ Кіевъ. На Днѣпрѣ сѣлъ онъ въ лодку, но дорогою слуги Святополка схватили его, завели въ лѣсъ и тамъ убили. Тѣло его они скрыли между двухъ колодъ, и оно долго лежало безъ погребенія, потомъ было найдено и погребено съ честію вмѣстѣ съ тѣломъ князя Бориса въ Вышгородѣ.

Свв. братья Борисъ и Глѣбъ представляютъ собою образецъ преданности волѣ Божіей, покорности родителямъ, уваженія къ старшимъ и обычаямъ предковъ. Православная Церковь причла ихъ къ лику святыхъ и память ихъ празднуетъ 2 мая.

Ярославъ 1-й Мудрый (1015—1054).

Послѣ первыхъ злодѣяній у Святополка развилась мысль погубить всѣхъ своихъ братьевъ, чтобы владѣть русской землей одному. Погубивши Бориса и Глѣба, онъ успѣлъ погубить и третьяго брата—*Святослава*, князя древлянскаго; но Ярославъ, княжившій въ Новгородѣ, остановилъ злодѣйскіе замыслы его. Объ этихъ замыслахъ сообщила Ярославу изъ

Кіева сестра его *Предислава,* когда прислала вѣсть о кончинѣ родителя. Ярославъ собралъ дружину и выступилъ противъ Святополка. Святополкъ сдѣлалъ то же. Встрѣча произошла на Днѣпрѣ, подъ г. *Любечемъ.* Враговъ раздѣляла рѣка, и они стояли долго другъ противъ друга безъ дѣла. Они дождались того, что рѣка Днѣпръ покрылась льдомъ. Тогда Ярославъ велѣлъ своей дружинѣ перевязать головы бѣлыми повязками, чтобы въ битвѣ можно было отличать своихъ отъ враговъ, переправился черезъ Днѣпръ ночью и напалъ на Святополка въ то время, когда тотъ не ожидалъ нападенія. Ярославъ зналъ расположеніе непріятельскихъ войскъ, потому что въ лагерѣ ихъ имѣлъ много друзей. Святополкъ былъ пораженъ и бѣжалъ, а Ярославъ вступилъ въ Кіевъ и занялъ великокняжескій столъ. Но война этимъ не кончилась. Святополкъ вызвалъ на помощь тестя своего, польскаго короля *Болеслава.* Болеславъ поразилъ Ярослава и кіевскій столъ отдалъ опять Святополку; но Святополкъ вскорѣ разссорился и съ тестемъ своимъ. Болеславъ захватилъ себѣ Червеньскіе города и ушелъ въ Польшу. Тогда у Святополка съ Ярославомъ открылась снова война. Святополкъ былъ разбитъ на той самой рѣкѣ Альтѣ, гдѣ имъ убитъ былъ Борисъ, бѣжалъ и умеръ отъ ранъ, которыя получилъ въ этой битвѣ. Послѣ того Ярославъ утвердился на кіевскомъ престолѣ и потомъ сдѣлался княземъ единодержавнымъ.

За управленіе государствомъ онъ получилъ въ исторіи названіе „Мудраго". Войнъ онъ не любилъ и, если велъ ихъ, то только по необходимости, когда, напр., нападали враги. А чтобы этихъ нападеній было меньше и чтобы враги боялись его, онъ на границахъ своего государства старался строить крѣпости [1]). Такъ, ему приписывается постройка нѣкоторыхъ весьма важныхъ городовъ, напр., *Юрьева* (Дерпта) и *Ярославля,* что на р. Волгѣ.

Объ Ярославѣ извѣстно, что онъ любилъ книжное ученье и содержалъ у себя во дворѣ переписчиковъ, а во время досуга переписывалъ книги и самъ. Онъ заводилъ школы для юношества. Такъ, ему приписывается основаніе

---

[1]) Это были небольшія селенія, окруженныя землянымъ валомъ, деревянною стѣною и рвомъ. Тогда сражались попреимуществу копьями и стрѣлами, потому и такія укрѣпленія давали хорошую защиту.

школы въ Новгородѣ для 300 мальчиковъ. Ярославу же приписывается изданіе перваго письменнаго закона „Русской Правды“ [1]).

Ярославъ дожилъ до старости. Чувствуя приближеніе смерти, онъ призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и сказалъ имъ: „Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, милые дѣти мои. Любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если вы будете другъ друга любить, то Богъ будетъ съ вами и Онъ покоритъ вамъ всѣхъ вашихъ враговъ; если же вы будете ненавидѣть другъ друга и ссориться, то и сами погибнете, погубите и землю отцовъ вашихъ, которую они пріобрѣли тяжелымъ трудомъ“. Сыновья обѣщались жить въ мирѣ, и Ярославъ Мудрый скончался на 77 году своей жизни.

Начало монашества въ Россіи.

Антоній и Θеодосій.

Съ появленіемъ христіанства стали появляться у насъ и православные монастыри. Въ жизни русскаго народа монастыри имѣли весьма большое значеніе. Для новообратившихся въ христіанскую вѣру требовался образецъ жизни по уставамъ и правиламъ Церкви Христовой. Подвижническая жизнь святыхъ иноковъ и представляла въ себѣ этотъ образцовый примѣръ.

Изъ монастырей, возникшихъ въ первыя времена христіанства, у насъ особенно замѣчателенъ монастырь *Кіево-Печерскій*. Онъ возникъ такъ.

Невдалекѣ отъ Кіева было небольшое село Берестово. Въ этомъ селѣ жилъ священникъ *Иларіонъ*, который отличался строгостію жизни, чистотою вѣры, умомъ и краснорѣчіемъ. Любя труды и уединенную молитву, онъ любилъ удаляться въ лѣсъ на холмистый берегъ Днѣпра, чтобы предаваться тамъ уединенной молитвѣ и богоугоднымъ размышле-

---

1) До временъ Ярослава у насъ не было законовъ, которые бы подходили къ условіямъ нашей русской жизни. Прошло болѣе полувѣка, какъ Русь приняла христіанство, но въ ней еще держался языческій обычай кровавой мести. Русская Правда его ограничиваетъ. Она дозволяетъ мстить только самымъ близкимъ родственникамъ: отцу за сына, сыну за отца, племяннику за дядю и дядѣ за племянника. Но чаще месть замѣняется „вирою“ или штрафомъ. Въ тѣхъ же дѣлахъ, въ которыхъ нельзя было разыскать истины, дозволяется, съ разрѣшенія князя, употреблять испытаніе каленымъ желѣзомъ, горячею водою, что означало судъ Божій.

ніямъ. Здѣсь онъ выкопалъ пещеру. Въ с. Берестовѣ часто бывалъ великій *кн. Ярославъ.* Онъ зналъ Иларіона и уважалъ. Когда умеръ кіевскій митрополитъ, Ярославъ захотѣлъ поставить Иларіона на митрополію. Когда Иларіонъ переселился въ Кіевъ на митрополію, пещера его осталась пустою. Спустя нѣкоторое время, съ Аѳонской горы пришелъ одинъ благочестивый инокъ *Антоній.* Онъ былъ родомъ изъ Любеча, и въ мірѣ назывался *Антиппою.* Какъ иноку, желавшему подвиговъ, ему нужно было найти удобное мѣсто для жительства, и онъ обошелъ всѣ монастыри, которые тогда находились въ окресностяхъ Кіева, но ни въ которомъ изъ нихъ ему не понравилось. Тогда онъ сталъ ходить по дебрямъ и лѣсамъ около Кіева, чтобы отыскать себѣ мѣсто для уединенной молитвы и подвиговъ. Нашедши случайно пещеру Иларіона, Антоній остался въ ней жить и всецѣло предался самому строгому посту и молитвѣ. Пищею его здѣсь былъ только хлѣбъ и вода и то въ количествѣ самомъ умѣренномъ. Слава о подвижнической жизни его распространилась по окресностямъ скоро, и къ нему стали приходить ученики. Нѣкоторые селились въ одной съ нимъ пещерѣ, а другіе копали свои пещеры рядомъ съ его пещерою. Узналъ о подвижникѣ великій князь *Изяславъ Ярославичъ* и сталъ приходить къ нему для бесѣды; нерѣдко онъ приглашалъ св. Антонія и къ себѣ во дворецъ. Но когда иноковъ въ пещерахъ появилось много, Антоній. не желая принимать надъ ними начальства, ушелъ на другой сосѣдній кіевскій холмъ, выкопалъ въ немъ для себя новую пещеру и затворился въ ней съ тѣмъ, чтобы не выходить никогда, а братіи поставилъ настоятелемъ *Варлаама,* подвижника строгаго.

Великій князь Изяславъ питалъ глубокое уваженіе къ монашеской жизни и невдалекѣ отъ Кіева основалъ особый монастырь, который, въ честь своего ангела, назвалъ Дмитріевскимъ [1]). Желая поставить въ немъ жизнь по образцу печерскихъ подвижниковъ, онъ перевелъ сюда въ настоятели Варлаама. Тогда преп. Антоній благословилъ настоятелемъ Печерской обители быть *Ѳеодосію.*

Преподобный *Ѳеодосій* былъ инокъ, отличавшійся необыкновеннымъ смиреніемъ и послушаніемъ. Онъ родился въ кіевскихъ предѣлахъ, но потомъ родители его переселились въ г. Курскъ. Тамъ вскорѣ отецъ Ѳеодосія умеръ, и онъ остался

[1]) Димитрій было христіанское имя великаго князя Изяслава Ярославовича.

жить съ матерью. Средства для жизни у нихъ были достаточныя, но ему въ довольствѣ жить не хотѣлось: онъ желалъ монашескихъ подвиговъ. Матери крайне не хотѣлось отпустить его отъ себя, но онъ однажды пристàлъ къ богомольцамъ, которые шли ко святымъ мѣстамъ, и ушелъ съ ними изъ отцовскаго дома тайкомъ. Мать догнала его, жестоко била и даже заковала въ цѣпи, чтобы онъ не могъ уйти снова. Получивши затѣмъ свободу, Өеодосій каждодневно сталъ ходить за богослуженіе и занялся печеніемъ для церкви просфоръ. Матери не нравилось и это занятіе: и она такъ же бранила и била его. Увлекаясь подвигами благочестія, Өеодосій сковалъ себѣ желѣзныя вериги и сталъ носить ихъ на тѣлѣ своемъ постоянно. Мать замѣтила это и снова подвергла побоямъ. Өеодосій все выносилъ терпѣливо; но разъ въ церкви онъ обратилъ особенное вниманіе на слова св. Евангелія: „Если кто не оставитъ отца или мать и не пойдетъ вслѣдъ за Мною, тотъ недостоинъ Меня". Это такъ поразило его, что онъ рѣшилъ непремѣнно уйти въ монастырь. Уйти ему удалось, когда матери не было дома. Такъ какъ душа его стремилась къ печерскимъ подвижникамъ, то онъ пришелъ въ Кіевъ къ преподобному Антонію. Антоній, увидѣвъ пламенное желаніе подвиговъ, благословилъ его принять постриженіе и онъ былъ постриженъ. Мать долго искала Өеодосія и, наконецъ, нашла его въ Кіево-Печерской обители инокомъ. Она со слезами стала молить, чтобы онъ возвратился домой, но преп. Өеодосій убѣдилъ и ее постричься въ монахини.

Трудолюбіе, необыкновенное смиреніе и послушаніе остались въ немъ отличительными чертами и въ то время, когда онъ уже сталъ настоятелемъ Кіево-Печерской обители. Такъ, однажды келарь монастыря (завѣдывающій хозяйствомъ) доложилъ Өеодосію, что никто изъ иноковъ не хочетъ носить въ кухню воду. Өеодосій пошелъ носить воду самъ. Въ другой разъ келарь доложилъ ему, что въ кухнѣ нѣтъ дровъ, и просилъ, чтобы онъ заставилъ приготовить дрова того, кто изъ иноковъ празденъ. „Я празденъ", отвѣтилъ Өеодосій и пошелъ рубить дрова. Иноки, увидѣвши, что дрова рубитъ самъ настоятель, взяли топоры и хотѣли приняться за дѣло, но преп. Өеодосій велѣлъ имъ итти за трапезу, потому что пришло къ тому время. Послѣ трапезы иноки нарубили дровъ столько, что ихъ достало на много дней. Въ третій разъ случилось, что онъ пробылъ у великаго князя до ночи. Такъ какъ до обители было довольно далеко, то князь велѣлъ сво-

ему слугѣ отвезти преп. Ѳеодосія въ своей княжеской повозкѣ. Слуга, замѣтивъ, что одѣяніе на преп. Ѳеодосіи было плохое, подумалъ, что это простой монахъ, и дорогой вдругъ говоритъ ему: „Ты, черноризецъ, всегда праздень, а я такъ усталъ отъ работы, что теперь и сидѣть не могу. Садись ты на коня, а я на твоемъ мѣстѣ лягу и отдохну“. Преп. Ѳеодосій, не возражая ни слова, сѣлъ на мѣсто слуги, а слуга легъ въ повозку. Наступило утро; сталъ попадаться народъ. Многіе узнавали преп. Ѳеодосія и кланялись ему. Слуга, замѣтивъ, что черноризцу, котораго онъ везетъ, кланяются и знатные люди, смутился. Когда же подъѣхали къ воротамъ монастыря, вышли иноки и поклонились преп. Ѳеодосію до земли. Слуга испугался: онъ понялъ, что везетъ не простого чернеца, а самого настоятеля. Но преп. Ѳеодосій успокоилъ его, велѣлъ накормить и дать даже денегъ.

Жизнь иноковъ Кіево-Печерской обители при Ѳеодосіи была подчинена строгому уставу, который онъ получилъ изъ византійскаго Студійскаго монастыря. Этотъ уставъ запрещалъ инокамъ имѣть свою собственность, предписывалъ общій трудъ и общую трапезу. Всякое дѣло повелѣвалъ какъ начинать, такъ и оканчивать съ благословенія своего настоятеля. Строгость жизни привлекла въ монастырь Ѳеодосія иноковъ, такъ что число братіи въ немъ увеличилось до ста.

За праведную жизнь Господь заранѣе предвозвѣстилъ преподобному Ѳеодосію и кончину его. За семь дней до нея преп. Ѳеодосій собралъ къ себѣ иноковъ и сказалъ имъ: „Вотъ я отхожу отъ васъ, какъ предсказалъ мнѣ Господь во время поста, когда я былъ въ пещерѣ,—изберите себѣ другого настоятеля, чтобы я его благословилъ“. Избранъ былъ Стефанъ, и преп. Ѳеодосій благословилъ его, а потомъ и скончался въ той самой пещерѣ, въ которой любилъ молиться (1074 г.).

Удѣлы.

Послѣ Ярослава I-го русская земля раздѣлилась на удѣлы (отдѣльныя области). Удѣлы отдавались князьямъ, потомкамъ Рюрика, которые и управляли ими при участіи народнаго вѣча (собранія). Удѣлы раздѣлялись между князьями по старшинству *родовому*, въ которомъ дяди считались старше племянниковъ, хотя бы годами были и моложе ихъ. Старшимъ князьямъ давались лучшія княжества, а младшимъ—худшія. Самый старшій князь назывался княземъ *великимъ*.

Для всѣхъ другихъ князей онъ былъ „вмѣсто отца". Всѣ младшіе князья должны были слушаться его, какъ дѣти слушаются своихъ родителей. Престолъ великаго князя сначала былъ въ Кіевѣ.

Удѣльныхъ княжествъ иногда бывало много, и количество ихъ зависѣло отъ числа князей, имѣвшихъ право на княженіе. Это право получалъ всякій князь изъ Рюрикова дома, у котораго отецъ умиралъ великимъ княземъ. Но тѣ князья, у которыхъ отцы умирали князьями удѣльными, теряли свои права на удѣлы и могли получать ихъ только по милости прочихъ князей.

Для разсужденія объ общихъ дѣлахъ князья собирались на съѣзды (совѣты). На этихъ съѣздахъ они рѣшали общіе вопросы и судили виновныхъ.

Такое раздѣленіе русской земли на отдѣльныя княжества повело ее къ ослабленію. Князья, не смотря на родство, часто ссорились между собою и воевали. Это не укрывалось отъ враждебныхъ сосѣдей, и тѣ, пользуясь раздорами русскихъ князей, нападали на русскую землю и опустошали ее. Изъ такихъ враговъ тогда особенно были опасны *половцы*, которые замѣнили собой печенѣговъ.

Владимиръ Мономахъ (1113—1125).

Владимиръ прозванный Мономахомъ, былъ внукъ Ярослава (сынъ Всеволода Ярославича). Это былъ образецъ князя добраго и отважнаго.

Доброе сердце его сказалось особенно въ томъ, что во время удѣльныхъ ссоръ и войнъ между князьями онъ прилагалъ всѣ заботы къ тому, чтобы упрочить миръ въ русской землѣ. Такъ какъ онъ самъ распоряжаться безпокойными князьями не могъ, потому что былъ еще только княземъ удѣльнымъ, то обратился къ великому князю (Святополку II) и убѣдилъ его собрать всѣхъ русскихъ князей на общій совѣтъ, узнать кто изъ нихъ чѣмъ недоволенъ, раздѣлить удѣлы безобидно и расположить всѣхъ къ миру. По его настояніямъ, великій князь собралъ съѣздъ князей въ *г. Любечѣ* (1097 г.). На немъ все устроилось такъ, какъ желалъ Мономахъ: удѣлы были раздѣлены такъ, что всѣ князья остались довольны этимъ раздѣломъ. Давши затѣмъ другъ другу клятву въ томъ, что будутъ соблюдать миръ, князья поцѣловали крестъ и разъѣхались по своимъ княжествамъ. Болѣе всѣхъ радовался въ это время Владимиръ; но каково же было услышать ему

вскорѣ вѣсть, что на возвратномъ пути изъ г. Любеча одинъ князь, Давидъ Игоревичъ, выкололъ глаза другому князю, Васильку Ростиславичу, и что злодѣяніе это сдѣлано съ вѣдома самого великаго князя? Но Владиміръ Мономахъ не оставилъ своихъ заботъ о мирѣ и здѣсь. Онъ снова упросилъ великаго князя собрать на совѣтъ всѣхъ князей русской земли. По распоряженію великаго князя, всѣ князья съѣхались снова и виновнаго наказали тѣмъ, что лишили удѣла.

Заботясь о томъ, чтобы между князьями русской земли господствовалъ миръ, Владиміръ Мономахъ успѣшно боролся съ половцами. Половцы были кочевники и жили между рр. Дономъ и Днѣпромъ. Они очень часто нападали на предѣлы русской земли: можно сказать, что не проходило года, въ который бы они не сдѣлали набѣга на ея города и селенія. Бывало, что они вторгались и въ Кіевъ. Однажды они ворвались даже въ Кіево-Печерскую Лавру и разогнали всѣхъ иноковъ. Наши князья не разъ побѣждали ихъ и Владиміръ болѣе всѣхъ. Бывало, что половецкіе князья заключали съ нашими миръ, но тотчасъ же и опять нарушали его; много разъ половецкіе князья скрѣпляли мирные договоры съ нашими князьями браками, но и это не помогало покою русской земли. Владиміръ понялъ, что отъ половцевъ не освободиться русской землѣ, если русскіе князья не соберутся всѣ вмѣстѣ и не разорятъ половецкой земли. Онъ умолялъ великаго князя собрать всѣхъ русскихъ князей и напасть на половцевъ въ ихъ вежахъ (селеніяхъ); но великій князь колебался, потому что была весна и наступала пора сѣять хлѣбъ. Святополкъ и Владиміръ совѣтовались со своими дружинами, но и тѣ не выражали согласія. Наконецъ, Святополкъ пригласилъ Владиміра Мономаха къ себѣ въ шатеръ для окончательнаго рѣшенія этого великаго дѣла. Сѣли они за столомъ другъ противъ друга; тутъ же находились и дружины того и другого. Оба князя долго сидѣли молча, не зная какъ и чѣмъ начать рѣчь о столь трудномъ вопросѣ. Владиміръ заговорилъ все-таки первый: „Братъ,—сказалъ онъ Святополку, ты старшій,—начинай говорить, какъ же намъ охранять отъ половцевъ русскую землю?“ Святополкъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, братъ, лучше ты начинай“.—„Какъ же мнѣ говорить, —возразилъ Владиміръ,—когда противъ меня и ты,—и обѣ дружины: твоя и моя? Скажутъ, что я хочу погубить и пашни и поселянъ... Но вотъ мнѣ что удивительно: пашни и поселянъ вы жалѣете, а того никакъ не подумаете, что выѣдетъ

смердъ пахать на своей лошади, а придетъ половчинъ и убьетъ смерда стрѣлою. Лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ въ полонъ, да и гумно зажжетъ... Почему же вы не подумаете объ этомъ?" Выслушавъ такую рѣчь, дружины согласились съ Владимиромъ, и Святополкъ сказалъ: „Я готовъ итти, братъ, съ тобою".—„Великое добро сдѣлаешь ты, братъ, для русской земли", отвѣчалъ Владимиръ. Братья поцѣловались и послали приглашать всѣхъ князей въ походъ на половцевъ. Походъ былъ совершенъ внутрь половецкихъ степей, и половцы были совершенно разбиты. Въ жестокой битвѣ 20 половецкихъ князей положили свои головы, и половецкіе набѣги на русскую землю совсѣмъ прекратились.

Слава о подвигахъ Владимира Мономаха разнеслась не только по всей русской землѣ, но и по странамъ отдаленнымъ. Византійскій императоръ *Алексѣй Комненъ*, въ знакъ особеннаго уваженія, прислалъ ему царскую шапку (вѣнецъ) и бармы (золотая цѣпь). Эти драгоцѣнныя украшенія Владимиръ надѣлъ на себя торжественно въ храмѣ (короновался). Въ настоящее время примѣру его подражаютъ всѣ наши государи [1]). Цѣнили заслуги Владимира Мономаха русской землѣ и кіевляне. Когда Святополкъ II умеръ, они никого не хотѣли принимать къ себѣ на княженіе, кромѣ Владимира, и Владимиръ былъ кіевскимъ княземъ 12 годовъ.

Владимиръ Мономахъ умеръ въ старости, на 74 году своей жизни. Своимъ сыновьямъ онъ оставилъ поученіе, въ которомъ давалъ совѣты, какъ слѣдуетъ жить. Въ этомъ поученіи онъ говоритъ: „Больше всего имѣйте страхъ Божій, строго соблюдайте правосудіе и крестное цѣлованіе... Женъ своихъ любите, но власти надъ собой имъ не давайте... Хорошаго не забывайте. Чего не знаете, тому учитесь". Всѣ наставленія онъ выводитъ изъ опыта своей жизни. Такъ, говоря о своихъ трудахъ, онъ совѣтуетъ имъ вставать рано, чтобы въ постели не заставало ихъ солнце. Описывая свои военные подвиги, онъ говоритъ: „всѣхъ походовъ моихъ было 83 большихъ, а малыхъ столько, что и упомнить нельзя". Говоритъ, что храбро онъ сражался съ половцами: „19 разъ заключалъ съ ними договоры, около ста лучшихъ половецкихъ князей онъ выпустилъ отъ себя изъ оковъ, около 200 онъ избилъ". Говоритъ, что онъ очень любилъ охоту и былъ на ней отваженъ: „звѣрей разныхъ уганивалъ по сту въ лѣто". Не

[1]) Даръ византійскаго императора Владимиру Мономаху нынѣ хранится въ Московской Оружейной палатѣ.

мало было случаевъ, когда онъ подвергался опасностямъ. Такъ, онъ говоритъ: „дважды туръ металъ меня на своихъ рогахъ вмѣстѣ съ конемъ; одна лось топтала меня, а другая бодала; вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь схватилъ зубами подкладъ у колѣна, лютый звѣрь (барсъ) вскочилъ ко мнѣ на бедро и повалилъ коня со мною; но Богъ во всѣхъ опасностяхъ сохранилъ меня невредимымъ".

Такой образъ мыслей и жизни въ тѣ времена княжескихъ усобицъ былъ примѣрнымъ и рѣдкимъ.

Ростовско-Суздальская земля.

Между многими русскими княжествами, около половины XII в., въ сѣверныхъ предѣлахъ русской земли возвысилось ростовско-суздальское княжество.

Ростовъ—это одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ русской земли. Онъ былъ основанъ еще до Рюрика. Городъ *Суздаль* появился немного позднѣе. Около временъ Владимира Мономаха оба эти города встали во главѣ земли, которая получила отъ нихъ свое имя. Ростовско-Суздальская земля занимала пространство по верхнему теченію р. Волги и нижнему теченію р. Оки. Она заключала въ себѣ нынѣшнія губерніи: *московскую, владимирскую, ярославскую* и *костромскую*. Это была страна суровая, бѣдная и лѣсистая. Возвышенію ея содѣйствовали мѣстныя условія, дѣятельность князей и христіанство, а особенно монастыри.

Св. Леонтій епископъ ростовскій.

Христіанская вѣра проникла въ Ростовъ вскорѣ послѣ того, какъ ее приняли жители Кіева. Въ Ростовѣ, какъ городѣ древнемъ, сталъ жить христіанскій епископъ. Но язычество здѣсь было такъ сильно, что первые епископы подверглись изгнанію. Св. Леонтій, сдѣлавшись ростовскимъ епископомъ, рѣшился не оставлять ввѣреннаго ему стада. Онъ получилъ постриженіе въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и былъ достойнымъ ученикомъ преп. Антонія. Встрѣтивши въ ростовскихъ язычникахъ упорную грубость, святитель Леонтій вышелъ изъ города, построилъ себѣ близъ него въ полѣ хижину и церковь Михаила Архангела.

Не имѣя возможности расположить ко Христу взрослыхъ язычниковъ, онъ обратилъ свое вниманіе на малыхъ дѣтей. Встрѣчаясь съ ними гдѣ бы то ни было, святитель звалъ ихъ къ себѣ, ласкалъ, кормилъ и въ бесѣдахъ незамѣтно

училъ ихъ истинамъ вѣры Христовой. Дѣти любили его и слушали ученіе очень внимательно; нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ даже крестилъ. Отцы ихъ—язычники ожесточились за это противъ св. Леонтія и разъ пришли къ кельѣ святителя съ кольями, намѣреваясь убить его. Причтъ пришелъ въ страхъ, но святитель облекся въ святительскія одежды, взялъ св. крестъ и вышелъ къ мятежникамъ. Язычники были поражены его появленіемъ такъ, что пали на землю. Св. Леонтій сталъ говорить имъ объ Іисусѣ Христѣ. Они увѣровали въ Него и крестились.

Но св. Леонтій не избѣгъ мученической кончины. Преданіе говоритъ, что онъ умерщвленъ язычниками въ 1073 году. Мощи его открыты спустя около 90 лѣтъ послѣ смерти; но въ настоящее время онѣ почиваютъ подъ спудомъ въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ.

Андрей Боголюбскій. (1169—1175).

Изъ князей ростовско-суздальской земли особенное вниманіе обращаетъ на себя князь *Андрей Боголюбскій*. Это былъ сынъ Юрія Долгорукаго, внукъ Владимира Мономаха. Онъ былъ князь умный и добрый, щедрый и набожный. Понимая, насколько пагубно для русской земли раздробленіе на удѣлы, онъ твердо былъ убѣжденъ, что силу ей можетъ дать одно только самодержавіе князя. Но въ то же время онъ видѣлъ, что южнымъ княжествамъ трудно понять пользу самодержавія и единства русской земли, потому что они привыкли жить свободно, распоряжаться всѣмъ самостоятельно и вотъ, онъ устремился на сѣверъ: тамъ народъ былъ проще, бѣднѣе, покорнѣе, тамъ меньше было и внѣшнихъ враговъ.

Отцу его, Юрію Долгорукому, давно хотѣлось быть великимъ кіевскимъ княземъ, но до старости онъ оставался княземъ удѣльнымъ и жилъ во Владимирѣ (городѣ новомъ). Сдѣлавшись великимъ кіевскимъ княземъ, онъ сталъ усиленно стараться о томъ, чтобы утвердить великокняжескій столъ за родомъ своимъ. Въ этихъ видахъ онъ назначилъ Андрея княземъ въ Вышгородъ (близъ Кіева) и надѣялся передать ему послѣ своей смерти великокняжескій столъ. Но Андрей пробылъ въ Вышгородѣ не болѣе года. Зная, что отецъ на сѣверъ не отпуститъ его, онъ уѣхалъ во Владимиръ изъ Вышгорода тайно. При этомъ онъ взялъ съ собою изъ одного монастыря святыню Вышгорода, чудотворную икону Божіей Матери, написанную св. Евангелистомъ Лукою. Есть преда-

ніе, что онъ думалъ поставить св. образъ въ Ростовѣ, какъ городѣ древнемъ; но на пути ему было видѣніе: явилась Божія Матерь и повелѣла поставить св. образъ Ея во Владимирѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ было видѣніе, Андрей построилъ село, которое назвалъ селомъ *Боголюбовымъ*. Въ этомъ селѣ онъ построилъ великолѣпный дворецъ и храмъ (во имя Рождества Богородицы). Жители ростовско-суздальскаго края и владимирцы встрѣтили князя и принесенную имъ святыню съ великою радостью.

Когда Юрій умеръ, Андрей не захотѣлъ итти въ Кіевъ. Устроить миръ и порядокъ въ суздальской землѣ было у него главною мыслью. Но, не желая жить въ Кіевѣ, Андрей Боголюбскій завоевалъ потомъ этотъ городъ оружіемъ. Поводъ нашелся. Ему хотѣлось, чтобы Новгородъ не избиралъ себѣ безъ его вѣдома князей, и онъ уже достигъ-было цѣли, какъ вдругъ кіевскій князь, по просьбѣ нѣкоторыхъ новгородцевъ, далъ имъ въ князья своего сына. Андрей пригласилъ сѣверныхъ князей и съ ними послалъ на Кіевъ свои войска. Кіевъ былъ осажденъ, взятъ и разграбленъ (1169). Не было пощады ни домамъ, ни храмамъ, ни старцамъ, ни женамъ, ни дѣтямъ. Послѣ такого разгрома Кіевъ потерялъ все свое прежнее величіе. Послѣ этого Андрей принялъ титулъ великаго князя, но въ Кіевѣ посадилъ на престолъ своего брата *Глѣба*, а самъ остался жить во Владимирѣ.

Вслѣдъ затѣмъ Андрей вступилъ въ открытую борьбу и съ Новгородомъ. Новгородцы не хотѣли принимать къ себѣ князя, котораго указалъ имъ Андрей. Тѣ же князья, которые ходили на Кіевъ, пошли и на Новгородъ съ тѣмъ, чтобы исполнить волю Андрея. Новгородцы рѣшились сопротивляться. Союзныя войска Андрея окружили Новгородъ. Они въ побѣдѣ были увѣрены такъ, что составили даже планъ, какъ грабить городъ. Осажденные, видимо, были готовы уже подчиниться волѣ Андрея. Вдругъ совершается чудо. Новгородскій владыка *Іоаннъ* молился предъ образомъ Божіей Матери. Во время этой молитвы онъ услышалъ слова: „Иди на Ильину улицу, въ церковь Спаса, возьми икону Богоматери и поставь ее на самый верхъ городской стѣны: она спасетъ Новгородъ". Владыка поставилъ образъ Божіей Матери на стѣнѣ города, въ томъ самомъ мѣстѣ, на которое особенно напирали враги. Суздальцы продолжали стрѣлять и одна стрѣла ударила въ образъ... Тогда нашло на нихъ какое-то одурѣніе: они стали метать стрѣлы другъ въ друга.

Это заставило ихъ снять осаду и отступить отъ Новгорода.

Но, не успѣвши одолѣть новгородцевъ въ открытой борьбѣ, Андрей заставилъ ихъ покориться инымъ образомъ. Онъ запретилъ провозить черезъ свою землю въ Новгородъ хлѣбъ и другіе товары. Это, съ одной стороны, подрывало у новгородцевъ торговлю, съ другой—заставляло ихъ голодать. Новгородцы принуждены были просить у Андрея Боголюбскаго мира и отдаться на волю его.

Торжество Андрея Боголюбскаго надъ Кіевомъ и Новгородомъ утвердило первенство его надъ всѣми князьями русской земли. Живя во Владимирѣ, онъ сталъ распоряжаться ими, какъ великій князь, самовластно. Такъ, когда умеръ въ Кіевѣ братъ его Глѣбъ, онъ, обходя старшинство, поставилъ княземъ племянника своего, Романа Ростиславича; но потомъ ему донесли, что Глѣбъ убитъ, и указали убійцъ. Андрей потребовалъ, чтобы убійцы ему были выданы; но Ростиславичи, которыхъ онъ любилъ даже болѣе, чѣмъ младшихъ братьевъ своихъ, отказались исполнить волю его. Тогда Андрей послалъ сказать Роману: „Ты съ братьями своими не ходишь по волѣ моей, такъ ступай изъ Кіева вонъ... Давидъ изъ Вышгорода, а Мстиславъ изъ Бѣлгорода... Не велю вамъ быть въ русской землѣ“... Романъ послушался Андрея, но съ другими Ростиславичами Андрей велъ войну, въ которой сторону его держали уже до 20 русскихъ князей.

Распоряжаясь самовластно съ князьями, Андрей Боголюбскій такъ же хотѣлъ поступать и съ боярами. Бывали случаи, что онъ даже казнилъ ихъ. Это привело къ тому, что бояре, недовольные Андреемъ, составили заговоръ и убили его. Это произошло такимъ образомъ: когда Андрей находился въ с. Боголюбовѣ, заговорщики, числомъ до 20 человѣкъ, напали на дворецъ его ночью и стали ломиться въ двери. Андрей догадался, въ чемъ дѣло. У него въ спальнѣ постоянно былъ мечъ св. князя Бориса. Онъ вѣрилъ, что этотъ мечъ имѣлъ чудодѣйственную силу. Андрей сталъ искать его; но оказалось, что заговорщики унесли мечъ св. Бориса еще наканунѣ. Андрей защититься не могъ и палъ подъ ударами ножей (1175).

Тѣло князя Андрея убійцы бросили въ огородъ. Боясь убійцъ, никто къ нему не смѣлъ подойти; только вѣрный слуга его, кіевлянинъ *Кузьма*, осмѣлился прикрыть тѣло князя Андрея ковромъ и перенести его въ притворъ храма. На шестой день, послѣ кончины Андрея, пришло изъ Владимира духовенство съ народомъ, и тѣло его съ почестями было

перенесено во Владимиръ. Владимирцы встрѣтили останки усопшаго князя со слезами и погребли ихъ въ храмѣ Успенія Божіей Матери. Этотъ храмъ былъ построенъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ.

Простой же народъ любилъ Андрея Боголюбскаго. Народу въ немъ нравилось особенно то, что онъ былъ князь строгій въ правилахъ жизни: не пилъ ни вина, ни даже крѣпкаго меду, что былъ благочестивъ: построилъ много храмовъ и не жалѣлъ сокровищъ на ихъ украшеніе, что онъ былъ милостивъ къ бѣднымъ и щедръ на народныя угощенія. Мѣстное преданіе сохранило суевѣрное сказаніе о томъ, что будто убійцы князя Андрея Боголюбскаго были схвачены народомъ, зашиты въ мѣшки и брошены въ озеро, въ которомъ и потонуть не могли, такъ какъ „не приняла ихъ вода“; поэтому они долго плавали на поверхности озера и теперь превратились въ пловучія кочки.

Монголы и Чингисханъ.

Монголы—это дикіе варвары, которые издавна обитали въ степяхъ Средней Азіи и со своими стадами и кибитками бродили, гдѣ только находили кормъ для своего скота. Своею наружностью они были не похожи на насъ, европейцевъ. Ростъ у нихъ былъ низенькій, голова большая и съ корпусомъ несоразмѣрная, глаза узкіе, носъ приплюснутый, скулы выдавшіяся, губы толстыя, волосы на головѣ и бородѣ рѣдкіе, цвѣтъ кожи смуглый. Мужчины у нихъ жили постоянно на коняхъ: на коняхъ они и ѣли и спали, и о дѣлахъ разсуждали. Жены, которыхъ у нихъ бывало помногу, со своими дѣтьми жили въ кибиткахъ. Во время стоянокъ монголы раскидывали *юрты*. Эти юрты они строили изъ колышковъ, которые связывались вверху и покрывались войлокомъ или звѣриными шкурами. Когда монголамъ приходилось вступать съ кѣмъ-нибудь въ борьбу, они пощады не знали. Собравшись толпой, вооружившись луками и стрѣлами, копьями и щитами (изъ прутьевъ), они бросались на непріятеля, какъ охотники бросаются на дикаго звѣря.

Въ XIII вѣкѣ между отдѣльными племенами монголовъ явился храбрый завоеватель *Темучинъ*, который въ Азіи покорилъ подъ свою власть разныхъ кочевниковъ, а потомъ послалъ сына своего *Джучи* завоевать и земли, лежащія на западной сторонѣ Каспійскаго моря. Монголы называли Темучина *Чингисханомъ* (владыкою міра). О Темучинѣ говорили,

что онъ родился съ кускомъ запекшейся крови въ рукѣ, что онъ послѣ отца своего остался 13 лѣтъ и что былъ чрезвычайно жестокъ. Однажды, когда противъ него возстали мятежники, не желавшіе признавать надъ собой его власти, онъ велѣлъ перехватать ихъ и сварить. Виновныхъ оказалось такъ много, что варили ихъ въ 70 котлахъ. Исполняя волю такого жестокаго отца, Джучи изъ-за Каспійскаго и Аральскаго морей Каспійскими желѣзными воротами провелъ монголовъ въ предѣлы нынѣшней Россіи.

Битва на Калкѣ.

Прошедши черезъ Кавказскія горы, монголы въ предѣлахъ нынѣшней Южной Россіи встрѣтили прежде всего *половцевъ*.

Половцы сильно испугались и съ дарами прислали пословъ къ русскимъ гкнязьямъ. „Помогите намъ", говорили они князю Мстиславу алицкому, который былъ зятемъ князя ихъ Котяна: „напали на насъ сильные враги и разорили нашу землю. Если вы теперь намъ не поможете, то они и съ вами сдѣлаютъ то же. Зовутъ ихъ татарами". Русскіе князья собрались на совѣтъ. Было рѣшено выйти татарамъ навстрѣчу въ половецкую землю, доколѣ они не вторглись въ предѣлы русской земли. „Если мы не поможемъ половцамъ теперь", разсуждали наши князья на совѣтѣ, „то они передадутся гатарамъ и съ ними наступятъ на насъ. Тогда будетъ намъ хуже".

Наступала весна. Русскіе полки изъ разныхъ княжествъ собирались въ окресностяхъ Кіева. Приходили „кто на коняхъ. кто въ лодкахъ, кто пѣшій".

Узнавши о томъ, что собралась сильная русская рать, татары послали пословъ сказать русскимъ князьямъ: „Мы не на васъ пришли, а на половцевъ, нашихъ конюховъ (слугъ). Мы знаемъ, что они и вамъ, какъ и намъ, много зла причиняли; заключите съ нами миръ и бейте ихъ, если они къ вамъ прибѣгутъ, а имѣніе ихъ берите себѣ". Русскіе татарамъ не повѣрили (да и вѣрить было нельзя); вмѣсто отвѣта, они убили татарскихъ пословъ. Между тѣмъ татары послали свои передовые отряды посмотрѣть, велика ли русская сила идетъ противъ нихъ. Русскіе князья, завидѣвъ враговъ, бросились на нихъ и поразили. Но это была еще не побѣда. Огромная татарская орда стояла далѣе за рѣчкой *Калкой*, которая впадаетъ въ Азовское море.

Русскіе князья, увлеченные первой удачей, выступили смѣло впередъ. До р. Калки шли они 8 дней. Князь Мстиславъ галицкій съ княземъ Даніиломъ волынскимъ пошли впереди. Съ ними пошли и половцы. Переправившись черезъ рѣку, они пожелали сразиться одни, чтобы не дѣлить побѣды съ другими князьями. Князь Даніилъ волынскій тотчасъ открылъ съ татарами битву и въ первой же стычкѣ былъ раненъ копьемъ въ самую грудь. Изъ раны его струилась кровь, но онъ, не замѣчая того, продолжалъ биться съ татарами; половцы не выдержали напора татаръ и побѣжали. На пути этого бѣгства стройно стояла русская рать, готовая къ битвѣ. Но половцы до того напугались татаръ, что не рѣшились остановиться и тогда, когда встрѣтились съ главными нашими силами. Своими кибитками они сбили строй русской рати. Произошло замѣшательство. Татары воспользовались этой минутой, усилили напоръ, „жали и рубили" всѣхъ безъ разбора, такъ что бѣжать должны были и русскіе. Въ этой сѣчѣ погибло шесть нашихъ храбрыхъ князей и тысячъ до десяти только однихъ кіевлянъ. Одинъ изъ храбрѣйшихъ князей (Мстиславъ кіевскій) съ небольшимъ отрядомъ утвердился на одной высотѣ и долго отъ татаръ отбивался. Наконецъ, татары обманомъ взяли его себѣ въ плѣнъ. Взяли татары въ плѣнъ и еще нѣсколько русскихъ князей и всѣхъ потомъ погубили.

Поразивши русскихъ на берегахъ р. Калки, татары пошли къ Кіеву. Все на пути они опустошали и жгли. Въ нѣкоторыхъ городахъ русскіе выходили къ нимъ съ крестами и приносили покорность, но они всѣхъ избивали нещадно. До Кіева татарамъ оставалось дойти уже только верстъ 30-ть, какъ вдругъ, и неизвѣстно почему, они повернули назадъ и ушли въ свои степи. Это было въ 1224 году.

Нашествіе Батыя.

Послѣ битвы на р. Калкѣ прошло пять годовъ. Джучи умеръ. Чингисханъ передалъ его удѣлъ сыну его *Батыю*. Тогда слухи о татарахъ снова стали распространяться по русской землѣ. И дѣйствительно, на курултаѣ (совѣтѣ) у татаръ было рѣшено послать огромное войско для завоеванія земель, лежащихъ за Волгой. Дѣло это поручено было Батыю. И вотъ, цѣлыя сотни тысячъ татаръ, подъ начальствомъ Батыя, со стадами и кибитками появились на лѣвомъ берегу Волги и опустошили царство *камскихъ болгаръ*; потомъ они

перешли на правый берегъ р. Волги и разгромили *рязанское* княжество. Отъ рязанцевъ татары потребовали, чтобы они выдали имъ десятую часть всего имущества и людей; но рязанцы отвѣтили: „Когда насъ не будетъ, тогда все будетъ ваше“, и вышли татарамъ навстрѣчу къ г. *Воронежу*, чтобы не дать имъ возможности ворваться въ предѣлы русской земли.

Татаръ было несмѣтное множество, и рязанцы потерпѣли полное пораженіе. Рязань была взята и разграблена. Кто не хотѣлъ укрываться въ лѣсахъ, тотъ погибъ: въ городѣ не осталось ни одного человѣка, такъ что, говоритъ лѣтописецъ, „некому было о погибшихъ и плакать“.

Отъ Рязани татары пошли къ городу Владимиру, гдѣ тогда жилъ великій князь всей русской земли. Разсказываютъ, что на этомъ пути нагналъ татаръ одинъ рязанскій бояринъ, *Евпатій Коловратъ*. Съ нимъ было 1700 человѣкъ, которыхъ онъ собралъ въ лѣсахъ. Съ такимъ отрядомъ Евпатій Коловратъ бросился на татаръ и сталъ ихъ бить безъ пощады. Татары понять не могли такой отваги и мужества и спросили: „Кто вы такіе?“—„Мы слуги рязанскаго князя; пришли съ честію проводить васъ стрѣлами и копьями“, отвѣчали рязанцы. Всѣ они, разумѣется, за это были избиты. Послѣ того татары опустошили города *Коломну*, *Москву* и др.

Когда татары подошли къ г. Владимиру, великаго князя тамъ не было: онъ уходилъ на сѣверъ собирать войска, чтобы потомъ биться съ татарами. Татары, какъ саранча, со всѣхъ сторонъ обступили г. Владимиръ. Они привели съ собой юнаго князя Владимира Юрьевича, котораго плѣнили въ Москвѣ. Прежде, чѣмъ начать осаду города, они показывали его владимирцамъ и спрашивали: „Узнаете ли вы своего княжича?“ Владимирцы „не могли удержаться отъ слезъ“. Такъ плѣнный князь былъ „блѣденъ и худъ отъ неволи и горя“... Но и это не поколебало мужества гражданъ: они рѣшили биться съ врагомъ, доколѣ есть силы.

Пока дѣлались приготовленія къ осадѣ города, татары разослали отряды опустошать окрестные города и селенія, чтобы отъ нихъ не было подано г. Владимиру помощи; потомъ они стали бить стѣны таранами (стѣнобитными машинами) и скоро ихъ сокрушили. Юный сынъ великаго князя *Всеволодъ* съ нѣкоторыми боярами вынесъ татарамъ сокровища, но Батый велѣлъ его тутъ же, предъ народомъ, зарѣзать и тѣмъ показалъ, что пощады не дастъ никому. И дѣйствительно,

ворвавшись въ городъ, татары стали всѣхъ рѣзать и бить. Видя бѣду неизбѣжную, владимирскій епископъ *Митрофанъ*, великая княгиня съ дочерью, снохами и внучатами, нѣсколько бояръ и народа укрылись отъ татарскаго варварства въ храмѣ Успенія Божіей Матери на хорахъ, или палатяхъ. Входъ на хоры былъ устроенъ въ стѣнѣ. Онъ былъ такъ узокъ, что можно было входить только по одному человѣку. Не надѣясь, однако, спастись, всѣ они пріобщились св. Таинъ Христовыхъ. Епископъ Митрофанъ совершилъ надъ княгинею и нѣкоторыми другими постриженіе. Всѣ слезно молились. Но татары какъ-то провѣдали, что въ храмѣ скрылся народъ, отломали двери его, разграбили сокровища и, не имѣя возможности перебить укрывшихся ножами и стрѣлами, натаскали въ храмъ лѣсу и зажгли. Тогда всѣ, бывшіе на хорахъ, погибли отъ дыму и пламени.

Когда до великаго князя Юрія Всеволодовича дошла вѣсть о томъ, что случилось съ семействомъ его и столицею, онъ остановился на р. *Сити* (впад. въ р. Мологу), чтобы биться съ татарами до послѣдней возможности. Татары прійти сюда не замедлили. Произошла ужасная битва, которая трупами усѣяла огромное пространство отъ верховьевъ р. Сити до устья. Тамъ и теперь еще очень много кургановъ (земляныхъ холмовъ), подъ которыми погребены павшіе воины. Русскіе были разбиты; великій князь былъ убитъ.

Съ береговъ Сити татары пошли-было къ Новгороду, но наступала весна; предстояло вскрытіе рѣкъ. Татары должно-быть, узнали, что въ этой мѣстности рѣки во время разлива затопляютъ огромныя пространства, и вдругъ повернули на югъ. Предъ ними все трепетало отъ страха; только жители небольшого городка *Козельска* (Калуж. губ.) рѣшились лучше погибнуть, чѣмъ сдаться врагу ненавистному. Княземъ въ Козельскѣ тогда былъ младенецъ. Семь недѣль козельцы отбивались отъ татарскихъ безчисленныхъ полчищъ; наконецъ они сказали другъ другу: „Умремъ и примемъ на небѣ вѣнцы"! Съ этими словами козельцы вышли изъ стѣнъ города, дружно бросились на татаръ, перебили ихъ нѣсколько тысячъ, но погибли и сами.

Отъ Козельска татары пошли на берега Дона и Волги, а отсюда направились къ западу и отступили къ г. Кіеву. О томъ, что Кіевъ красивъ, Батый слышалъ ранѣе и послалъ племянника своего (Менгу-хана) осмотрѣть его и предложить кіевлянамъ, не сдадутся ли они ему добровольно. Красота

Кіева поразила посла: бѣлыя каменныя стѣны, множество храмовъ, зеленые сады, холмы, рѣка,—все это дѣлало видъ восхитительнымъ. Татарскій князь долго, говорятъ, любовался на Кіевъ, но, когда заговорилъ о покорности, кіевляне убили пословъ, потому что принять такое предложеніе сочли для себя дѣломъ постыднымъ. Тогда татары устремились на Кіевъ съ неимовѣрностью яростію. Они окружили городъ и стали бить стѣны таранами. Говорятъ, что „отъ скрипа телѣгъ, рева верблюдовъ, ржанія коней, грома орудій и крика татаръ кіевлянамъ въ городѣ трудно было разслушивать другъ друга, когда они разговаривали. Наконецъ, подъ ударами тарановъ рухнула городская стѣна. Кіевляне продолжали биться и на развалинахъ, но татары одолѣли. Кіевляне укрылись-было въ укрѣпленіи, которое построили кругомъ Десятиннаго храма; но и то татары разрушили скоро. Десятинный храмъ былъ разграбленъ, разрушена и Кіево-Печерская лавра (татары и храмъ ея разломали съ крыши до оконъ). Главнымъ защитникомъ Кіева былъ бояринъ *Димитрій* [1],—онъ взятъ былъ въ плѣнъ. Батый, уважая храбрость его, даровалъ ему жизнь. Послѣ того Батый послалъ татаръ опустошать окрестности Кіева, и тогда никому и ничему не было пощады.

Затѣмъ Батый водилъ свои войска на западъ, но тамъ былъ разбитъ чешскими рыцарями и вернулся опять на берега р. Волги. На одномъ рукавѣ этой рѣки (Ахтуба) онъ построилъ г. *Сарай*. Этотъ городъ и сталъ столицею татарскаго царства. Сюда на поклонъ хану Батыю должны были пріѣзжать всѣ русскіе князья съ богатыми дарами. Царство татаръ стало называться „Золотою [2]) ордою“, или „ордою Кипчакскою“ [3]).

Св. Александръ Невскій. (1252—1263),

Святый благовѣрный князь Александръ *Невскій* былъ сынъ великаго князя владимирскаго Ярослава Всеволодовича [4]). Онъ избавилъ Россію отъ опасныхъ враговъ: *шведовъ*, *нѣмцевъ* и *литовцевъ*; онъ спасалъ также Россію и отъ новыхъ татарскихъ погромовъ.

---

[1]) Кіевъ защищалъ бояринъ Димитрій потому, что кіевскій князь Даніилъ былъ въ то время въ Венгріи.

[2]) Орда названа „Золотою“ отъ золотыхъ украшеній на ханской палаткѣ.

[3]) Кипчакскою орда названа потому, что прежде на устьяхъ Волги жили кипчаки, или половцы.

[4]) Это былъ братъ Юрія Всеволодовича, который погибъ въ битвѣ съ татарами на р. Сити.

При Батыѣ русская земля была такъ обезсилена татарами, что необходимо должна была отдаться на полную волю татарскаго хана. Ханъ сталъ ею *владѣть:* собиралъ дань, вызывалъ князей на поклонъ, бралъ съ нихъ дары и распоряжался всѣмъ, какъ хотѣлъ; но защищать Русь отъ враговъ онъ и не думалъ. Русь принуждена была отъ нихъ отбиваться одна.

Шведы и нѣмцы были самыми опасными врагами русской земли. Шведы жили на Скандинавскомъ полуостровѣ. Они тогда владѣли Финляндiею и были нашими сосѣдями. Римскiе папы, желая распространить у насъ католичество и, не имѣя въ томъ успѣха, рѣшились дѣйствовать военною силою. Папа благословилъ шведовъ напасть на Новгородъ и отомстить новгородцамъ за то, что тѣ иногда обращали въ православiе жителей Финляндiи и литовской земли, которую папы стремились тоже обратить въ католичество. Съ другой стороны шведамъ и самимъ было выгодно завоевать Новгородъ: онъ былъ богатъ, потому что велъ торговлю съ нѣмецкими купцами. И вотъ, безъ всякаго другого повода, шведы устремились на Новгородъ. Новгородцы узнали о томъ только тогда, когда шведы въ своихъ лодкахъ пристали уже къ устью р. Ижоры (впад. въ Неву). Шведовъ велъ *Биргеръ*, который правилъ тогда шведскимъ государствомъ за болѣзнiю короля. Въ Новгородѣ княжилъ тогда Александръ Ярославичъ. Узнавши о приближенiи шведовъ, онъ собралъ рать, помолился у св. Софiи (въ соборномъ Софiйскомъ храмѣ) и рѣкою Волховомъ отправился навстрѣчу врагамъ. Шведы не ждали появленiя новгородцевъ и спокойно отдыхали въ своихъ шатрахъ, которые раскинули на берегу р. Невы, близъ своихъ лодокъ. Очень рано утромъ, при самомъ восходѣ солнца, Александръ Ярославичъ напалъ на шведовъ внезапно. Шведы до того испугались, что не успѣли схватить для своей защиты даже оружiе. Новгородскiе удальцы бросались на враговъ, не жалѣя себя. Одинъ новгородецъ, по имени Савва, съ простымъ топоромъ бросился въ самую середину непрiятельскаго лагеря, сталъ рубить златоверхiй шатеръ Биргера и уронилъ его. Самъ Александръ Ярославичъ острымъ копьемъ ударилъ Биргера прямо въ лицо, и тотъ ускакалъ отъ него. Видя свое пораженiе, шведы поспѣшили бѣжать, захвативъ, сколько было возможно, тѣла убитыхъ, чтобы похоронить ихъ въ своей землѣ. За эту побѣду русскiй народъ назвалъ Александра Ярославича *Невскимъ*, потому что побѣ-

ду надъ шведами онъ одержалъ на Невѣ. Это было въ 1240 году, въ то самое время, когда Батый находился на западѣ (въ Венгріи). Русскій народъ былъ обрадованъ этою побѣдою и сохранилъ преданіе, которое говоритъ, что здѣсь Александру Невскому являлись помогать св. благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ [1]).

Новгородцы были люди вообще безпокойные; своихъ князей слушались мало, и князья отъ нихъ уходили нерѣдко. Перестали они вскорѣ слушаться и Александра Ярославича Невскаго,—ушелъ отъ нихъ и онъ. Тогда для новгородцевъ открылась новая бѣда. Въ XII вѣкѣ на устьѣ Западной Двины утвердился нѣмецкій орденъ (общество рыцарей) „меченосцевъ“, которые получили благословеніе папы распространять католическую вѣру оружіемъ какъ между народами языческими, такъ и въ православной русской землѣ. Чтобы дѣйствовать успѣшнѣе, меченосцы соединились съ другимъ нѣмецкимъ орденомъ *тевтонскимъ*, который появился въ Европѣ около первой половины XII вѣка и занялъ мѣсто между Вислой и Нѣманомъ. Рыцари взяли Псковъ и напали на новгородскія земли. До Новгорода имъ оставалось дойти уже только верстъ 30-ть. Новгородцы поняли свое затрудненіе, собрались на вѣче и разсудили, что спасти ихъ можетъ только одинъ Александръ Ярославичъ. Къ нему немедленно послано было посольство. Александръ Ярославичъ, хотя и былъ оскорбленъ новгородцами, но, видя бѣду, оскорбленія невспомнилъ, потому что нѣмцы были врагами православной вѣры и всей русской земли. Александръ Ярославичъ сталъ наносить нѣмцамъ одно пораженіе за другимъ и скоро выгналъ ихъ изъ предѣловъ новгородской земли; но самая рѣшительная побѣда надъ нѣмцами была одержана на льду Чудскаго озера. Сраженіе началось рано утромъ. Предъ началомъ сраженія Александръ Ярославичъ скрылся въ засаду. Нѣмцы построили свои войска угломъ, пробились сквозь ряды русскихъ воиновъ и согнали ихъ на ледъ Чудскаго озера. Въ это время Александръ бросился на нихъ съ тылу и сталъ поражать. Нѣмцы очутились между двухъ опасныхъ огней, струсили и побѣжали. Русскіе гнали ихъ по льду цѣлыхъ семь верстъ. Лѣтописецъ говоритъ, что послѣ этой битвы „льда не было

---

[1]) Пелгусій, начальникъ стражи на берегу Финскаго залива, въ день битвы, рано поутру видѣлъ: плыветъ лодка и въ ней стоятъ въ пурпуровыхъ одеждахъ св. братья-князья Борисъ и Глѣбъ. Слышалъ онъ ясно, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ другому: „Братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе; поможемъ нашему сроднику Александру“.

видно: весь онъ залитъ былъ кровью". Эта битва въ народѣ зовется „Ледовымъ побоищемъ". Псковичи встрѣтили Александра Невскаго у себя съ иконами и крестами.

Послѣ того Александръ Ярославичъ уѣхалъ во Владиміръ проститься съ отцомъ, котораго Батый послалъ въ Татарію представиться великому хану (Великому Моголу), а рыцари ордена прислали пословъ сказать, что отступаютъ отъ всего, что „заяли мечемъ" въ земляхъ новгородской и псковской.

Чрезъ три года послѣ того на новгородскіе предѣлы напали литовцы, владѣнія которыхъ были между Нѣманомъ и Западной Двиной. Александръ Ярославичъ нанесъ и имъ нѣсколько пораженій, такъ что остался полнымъ побѣдителемъ всѣхъ враговъ русской земли, которые появлялись съ запада.

Но съ татарами вступать въ борьбу онъ не думалъ. Татары казались непобѣдимыми; поэтому Александръ Ярославичъ велъ съ ними другую политику.

Батый слыхалъ о подвигахъ Александра Невскаго въ борьбѣ въ врагами и захотѣлъ видѣть его. Онъ прислалъ сказать ему: „Мнѣ Богъ покорилъ много народовъ, ужели ты одинъ мнѣ не покоришься? Если хочешь сберечь свои земли, то приходи ко мнѣ и увидишь честь и славу моего царства". Александръ отправился въ орду Батыя. Батый въ то время былъ уже старъ и дѣлами управлялъ сынъ его *Сартакъ*. Когда Александръ вошелъ въ ставку Батыя, онъ сидѣлъ на дорогомъ восточномъ коврѣ, окруженный татарскими вельможами. Увидѣвши Александра, онъ восхитился величественнымъ видомъ его и сказалъ: „Правда все, что о немъ говорили: подобнаго ему нѣтъ".

Въ знакъ особеннаго расположенія, Батый предложилъ Александру Ярославичу итти на поклонъ къ великому Моголу въ Татарію, куда путешествовалъ отецъ его Ярославъ Всеволодовичъ [1]). Отказаться было невозможно: непослушаніемъ можно было навлечь бѣду на всю русскую землю, и Александръ совершилъ это путешествіе благополучно. Великій ханъ остался также доволенъ Александромъ Ярославичемъ.

Послѣ этого Александръ Невскій долженъ былъ путешествовать въ сарайскую орду, по разнымъ случаямъ, нѣсколь-

---

[1]) Ярославъ Всеволодовичъ былъ принятъ великимъ ханомъ любезно; но на возвратномъ пути заболѣлъ и умеръ.

ко разъ и по смерти Батыя. Онъ былъ сдѣланъ княземъ великимъ. Однажды ему стало извѣстно, что ханъ хочетъ сдѣлать всенародную перепись для того, чтобы обложить всю Русь данью. Очень горько было ему это слышать, но ничто не могло измѣнить ханской воли. Переписи должны были подвергнуться и новгородцы. Александръ Ярославичъ согласился допустить ханскихъ чиновниковъ произвести перепись какъ въ землѣ суздальской, такъ и въ Новгородѣ. Новгородцы не хотѣли допустить ханскихъ чиновниковъ и возмутились; посадника, который объявилъ имъ волю хана, убили. Тогда Александръ прибылъ въ Новгородъ самъ и уговаривалъ новгородцевъ. Новгородцы не слушали его и, когда явились переписчики, открылся мятежъ. Тогда Александръ съ ханскими чиновниками выѣхалъ на площадь и объявилъ, что оставляетъ непослушный Новгородъ на волю татарскаго хана, а самъ уѣзжаетъ.

Новгородцы поколебались и согласились на перепись. Александръ послѣ этого выхлопоталъ новгородцамъ у хана право представлять дань въ орду чрезъ великихъ князей[1]).

Въ другой разъ Александру Ярославичу пришлось ѣхать въ орду по случаю безпорядковъ, случившихся въ нѣкоторыхъ городахъ русской земли. Въ русскую землю съ татарами для торговли проникли такъ называемые „бесерменскіе купцы“. Они продавали свои товары дорогою цѣною и, вдобавокъ, покупали у хана право собирать дань съ народа. Притѣсненіямъ и разнымъ обидамъ народъ не видѣлъ конца. Многихъ они грабили, многихъ брали себѣ въ рабство. Русскій народъ по мѣстамъ возставалъ и избивалъ бесерменскихъ купцовъ. Такъ случилось во *Владимирѣ, Суздалѣ и Ростовѣ.* Въ Ярославлѣ народъ убилъ какого-то Зосиму, бывшаго монаха, который принялъ магометанство и ругался надъ христіанствомъ. Александръ Ярославичъ, какъ великій князь, за все это долженъ былъ дать хану отвѣтъ. Не дожидаясь вызова, онъ съ богатыми дарами отправился въ орду и на этотъ разъ долженъ былъ прожить тамъ зиму и лѣто. Цѣли своей онъ достигъ, но на возвратномъ пути тяжко заболѣлъ и скончался на 44 году своей жизни. Предъ кончиною онъ принялъ постриженіе въ иноки подъ именемъ *Алексія.*

---

[1]) Деньги съ русской земли обыкновенно собирали чиновники хана, которые назывались „баскаками“ (выжиматели). Они обращались съ народомъ жестоко: кто не отдавалъ дани, того они обыкновенно выводили на площадь и били палками до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ жалости не соглашался заплатить за нихъ дань.

Вся Русь горько плакала, когда узнала о смерти его. Во Владимирѣ митрополитъ Кириллъ, получивши вѣсть о кончинѣ Александра Ярославича, собралъ въ храмъ духовенство и народъ и произнесъ: „Солнце отечества нашего закатилось" и залился слезами... „Не стало Александра", прибавилъ онъ потомъ, когда собрался съ духомъ... Отвѣтомъ ему были горькіе вопли: „уже погибаемъ".

Митрополитъ и народъ выходили встрѣчать тѣло благовѣрнаго князя Александра Ярославича до с. Боголюбова, не смотря на глубокіе снѣга и морозъ. Оно было погребено въ монастырѣ Рождества Богородицы и покоилось тамъ до временъ Петра Великаго, который перенесъ св. мощи его въ С.-Петербургъ, какъ бы на мѣсто, гдѣ онъ совершалъ свои великіе подвиги. Въ настоящее время св. мощи Александра Невскаго почиваютъ въ Санктпетербургской Александро-Невской лаврѣ. Св. Церковь празднуетъ память его 23 ноября.

Литовское княжество.

Татары опустошили южную Русь гораздо болѣе, чѣмъ сѣверную, оттого, когда сѣверная Русь торжествовала свои побѣды надъ шведами, нѣмцами и литовцами, южная Русь не имѣла силы отразить нападеніе своихъ враговъ. Тѣ же самые литовцы, которыхъ легко разбивалъ Александръ Невскій, отвоевали огромное пространство русской земли на юго-западѣ. Они заняли все теченіе рѣки Днѣпра, и русская земля раздѣлилась на двѣ части: на Русь *сѣверо-восточную* и Русь *юго-западную*. Послѣдняя получила названіе Руси литовской, потому что стала управляться князьями литовскими и вмѣстѣ съ литовскою землею составила сильное *Литовское княжество.*

Завоеваніе русскихъ областей литовцами.

Юго-западная Русь переходила подъ власть литовскихъ князей постепенно. Первый литовскій князь, усилившій Литву завоеваніями, былъ *Миндовгъ*. Онъ соединилъ мелкія литовскія племена въ одно государство, нападалъ на земли полоцкую и гродненскую, доходилъ до р. Припяти, такъ что, кромѣ чистой Литвы, въ его владѣнія входила вся Бѣлоруссія (все пространство между рр. Западной Двиной, Днѣп-

ромъ и Припятью). Но въ 1263 году его убилъ князь Довмонтъ.

Другой замѣчательный литовскій князь былъ *Гедиминъ*. Это былъ князь умный и дальновидный. Чтобы увеличить свои владѣнія на счетъ русскихъ земель, онъ старался вступать съ русскими князьями въ родство. Такъ, онъ былъ дважды женатъ на русскихъ княжнахъ и каждый разъ бралъ въ приданое земли. Но, при случаѣ, не отказывался и отъ войнъ со своими русскими родственниками, при чемъ пользовался возможностью пріобрѣтать отъ нихъ новыя земли, такъ что подъ властью его очутился почти весь правый берегъ Днѣпра, а именно: *вся Волынь, сѣверная часть* княжества *кіевскаго* и *южная часть* княжества *черниговскаго*. Русскіе города подъ власть его переходили охотно какъ потому, что онъ не стѣснялъ православной вѣры Христовой, хотя самъ былъ язычникомъ, такъ и потому, что подъ властью литовскихъ князей русскимъ городамъ было лучше, чѣмъ подъ властью татаръ. Чтобы поднять значеніе своего литовскаго княжества, онъ при соединеніи рѣкъ Виліи и Вилейки построилъ городъ *Вильну* и сдѣлалъ его своею столицею, а самъ принялъ титулъ „великаго князя литовскаго и русскаго".

Третій завоеватель русскихъ областей былъ литовскій князь *Ольгердъ*. Это былъ сынъ Гедимина, князь тоже осторожный и умный. Онъ, говорятъ, не пилъ ни вина, ни даже крѣпкаго меда, что въ тѣ времена было рѣдкостью. О его стремленіяхъ завоевать юго-западную Русь разсказываютъ, что онъ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ отца: такъ же, какъ и онъ, не чуждался родства съ русскими князьями и такъ же охотно, при случаѣ, пріобрѣталъ отъ нихъ земли оружіемъ. Онъ завоевалъ *южную часть* княжества *черниговскаго*, княжество *сѣверское* и *Подолію*. Завоевалъ бы онъ, можетъ, и болѣе, если бы ему не пришлось отбиваться отъ татаръ, которые стали нападать на его владѣнія.

Послѣ Ольгерда литовскимъ княземъ сталъ сынъ его *Ягайло*. Онъ женился на наслѣдницѣ польскаго престола, красавицѣ *Ядвигѣ* (1386 г.). Вмѣстѣ съ ея рукою онъ получилъ и польскую корону, но въ управленіи двумя государствами ему пришлось встрѣтить не мало трудностей, такъ что онъ добровольно уступилъ литовское княжество двоюродному брату своему Витовту. И этотъ князь не хотѣлъ оставлять въ покоѣ юго-западной Руси. Онъ за-

воевалъ *смоленское* княжество, которое, впрочемъ, скоро опять соединилось съ сѣверо-восточною Русью.

Крещеніе Литвы.

(1386).

Сначала литовскій народъ былъ въ язычествѣ. Въ г. Вильнѣ, предъ главнымъ идоломъ, Перкуномъ, постоянно горѣлъ священный огонь. Какъ особыя божества, у литовцевъ почитались ужи (особый видъ безвредныхъ змѣй) и чтились, какъ святыня, нѣкоторыя вѣтвистыя зеленыя деревья.

О распространеніи между литовцами католической вѣры много заботились сначала меченосцы. Но такъ какъ они принуждали литовцевъ принимать вѣру Христову мечомъ, то литовцы не любили ихъ и оставались язычниками, а если когда и принимали отъ нихъ христіанство, то дѣлали это по большей части только для вида. Наконецъ Ягайло, надѣвая на себя польскій королевскій вѣнецъ, далъ обѣщаніе крестить весь литовскій народъ въ католичество. Возвратившись послѣ своей коронаціи въ г. Вильну, онъ повелѣлъ священный огонь угасить, священныхъ ужей перебить, а священныя деревья рубить; народу велѣлъ собраться на рѣку Вилію и креститься. Видя что языческія божества сами себя отъ воли князя не защищаютъ никакими знаменіями и чудесами, литовцы дѣйствительно шли на рѣку для крещенія. Католическія священники окропляли ихъ святою водою и нарекали имъ имена. Такъ крестилось до 30-ти тысячъ литовцевъ. Чтобы удобнѣе было давать христіанскія имена такому множеству народа, литвиновъ дѣлили на группы, и каждой группѣ давалось одно общее имя. Желая, чтобы литвины принимали католическую вѣру охотнѣе, Ягайло привезъ съ собою для раздачи новокрещеннымъ бѣлыя куртки. Литвины были очень бѣдны: они носили одежду холстинную: бѣлыя суконныя одежды имъ очень нравились, такъ что нѣкоторые приходили креститься по нѣскольку разъ только для того, чтобы получить лишнюю одежду. Тѣ литвины, которые приняли христіанство ранѣе по обрядамъ православной Церкви, не хотѣли-было принимать католичества. Ягайло велѣлъ принуждать ихъ. Двое литовскихъ православныхъ бояръ не захотѣли принять католической вѣры и были за это замучены.

Русскихъ православныхъ людей на этотъ разъ не принуждали переходить въ католичество, но послѣ не упускали

случаевъ стѣснять ихъ права въ государственной службѣ.

Такъ южно-русскія области перешли подъ власть литовскихъ князей и такъ совершился переходъ Литвы въ католичество.

Московское княжество.

Между тѣмъ какъ юго-западная Русь съ обоими берегами р. Днѣпра была завоевана литовскими князьями и называлась Русью *литовскою*, Русь сѣверо-восточная подчинилась власти московскихъ князей и стала называться Русью *московскою*.

Москва была сначала усадьбою одного боярина *Кучко*. Отецъ Андрея Боголюбскаго, Юрій Долгорукій, за что-то казнилъ его, а Москву взялъ себѣ. Послѣ того Москва передавалась въ наслѣдство младшимъ князьямъ; но князья, владѣвшіе ею, были умные, дѣятельные и дальновидные. Они сдѣлали то, что Москва въ короткое время стала первопрестольнымъ городомъ всей русской земли. Для возвышенія Москвы больше другихъ сдѣлалъ *Іоаннъ Калита*.

Іоаннъ Калита.

(1328—1340).

Іоаннъ Даніиловичъ Калита былъ внукъ Александра Невскаго. (сынъ Даніила Александровича). Получивъ Москву и съ нею еще семь городовъ въ наслѣдство отъ отца и отъ старшаго своего брата *Юрія*, онъ понялъ, что этотъ городъ находится въ самой désrединѣ русской земли и, что, стало-быть, къ ней удобнѣе всего можно будетъ собирать другія города и княжества русской земли.

Но тогда Москва была бѣдна и малолюдна, а потому Калита постарался обогатить ее и усилить, а затѣмъ и возвысить. Цѣлей своихъ онъ старался добиться черезъ татарскаго хана, который владѣлъ русской землей. Поэтому Калита ѣздилъ въ орду часто и возилъ дорогіе подарки не только самому хану, но и женамъ его, и вельможамъ. Ханъ былъ доволенъ и утвердилъ за нимъ достоинство великаго князя всей русской земли.

Во время своего княженія Іоаннъ Даніиловичъ Калита былъ въ ордѣ девять разъ и нашелъ источникъ, который много поддержалъ его средства. Въ то время сборъ дани съ русской земли ханъ отдавалъ на откупъ „бесерменскимъ" купцамъ. Калита умѣлъ убѣдить хана, что какъ ему, такъ и

русской землѣ будетъ выгоднѣе, если русскіе князья будутъ представлять дань ему сами. Ханъ поручилъ сборъ дани ему, какъ болѣе надежному князю. Калита только того и желалъ. Теперь стали собирать дань безъ притѣсненій и грабежей; ханъ былъ доволенъ тѣмъ, что ему Калита привозилъ, а между тѣмъ и московская казна богатѣла, потому что онъ отдавалъ хану не все, что собиралъ. Остатковъ въ рукахъ Калиты скоплялось иной разъ немало, и онъ старался употреблять ихъ на пользу Москвы и народа. Такъ, онъ скупалъ у бѣдныхъ князей города и селенія и включалъ ихъ въ свое московское княжество [1]). Много денегъ онъ раздавалъ и бѣднымъ, которые нуждались въ его помощи. Въ этихъ видахъ онъ, говорятъ, велѣлъ постоянно носить за собою мѣшокъ съ деньгами, за что и названъ былъ „Калитою" (мѣшокъ, кошель).

Другимъ важнымъ дѣломъ Калиты, которое помогло возвышенію Москвы въ средѣ другихъ русскихъ княжествъ и городовъ, была близость его къ митрополиту *св. Петру*. Митрополиты ранѣе жили въ г. Владимирѣ, а митрополитъ св. Петръ опредѣленнаго мѣста для жительства своего не избралъ. Онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, чтобы лично поучать народъ вѣрѣ Христовой и утѣшать его въ несчастной судьбѣ. Бывалъ нерѣдко онъ и въ Москвѣ. Видя, какъ Іоаннъ Даніиловичъ много заботился о бѣдныхъ, святитель Петръ полюбилъ его, а съ нимъ полюбилъ и Москву, такъ что рѣшился, наконецъ, остаться въ ней жить. Заботясь о Церкви, онъ просилъ Іоанна Калиту построить въ Москвѣ каменный храмъ во имя Успенія Божіей Матери и при этомъ пророчески говорилъ: „если, ты, князь, меня послушаешь и построишь храмъ Богоматери, то святители будутъ жить въ твоемъ городѣ, и онъ будетъ славнѣе всѣхъ городовъ русской земли".

Іоаннъ Калита не замедлилъ приступить къ постройкѣ Успенскаго собора; но святитель Петръ не дождался окончанія этой постройки: онъ умеръ на другой же годъ послѣ своего переселенія въ Москву. Умирая, онъ завѣщалъ похоронить его въ новосозидаемомъ храмѣ. Гробъ его прославился чудесами во время самого погребенія, и преемникъ его святый *Ѳеогностъ* не ушелъ отъ него. Съ тѣхъ поръ

---

[1]) Такъ, покупкою онъ пріобрѣлъ города: *Галичъ, Угличъ и Бѣлозерскъ;* много селъ онъ скупилъ въ Новгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Ростовѣ.

Москва стала мѣстомъ пребыванія митрополитовъ. Русская земля чтила митрополита, какъ представителя Церкви, и г. Москву, какъ его резиденцію, она стала чтить, какъ городъ священный.

Святый митрополитъ Алексій.

Митрополиты у насъ всегда были заступниками предъ ханомъ за русскую землю и ходатаями за первенство Москвы. Митрополитъ Ѳеогностъ по разнымъ дѣламъ ѣздилъ въ орду пять разъ, щедро дарилъ хана и каждый разъ привозилъ съ собою ханскія милости. Не одинъ разъ долженъ былъ ѣздить въ орду и преемникъ его, митрополитъ св. Алексій.

Митрополитъ св. Алексій былъ сынъ черниговскаго боярина Ѳеодора-Бяконта. Онъ принялъ монашество на 19 году своей жизни, епископство онъ получилъ на 57 году отъ рожденія, а въ митрополиты поставленъ на 61 году. Славы и чести себѣ онъ не искалъ, но Господь Богъ Самъ прославилъ его. Имя его стало извѣстно въ ордѣ, и ханъ былъ благосклоненъ къ нему. Въ татарской ордѣ прославило его дивное чудо. Жена хана Чанибека *Тайдула* разъ заболѣла глазами; никакія лѣкарства не могли поправить здоровья ея. Ханъ послалъ великому московскому князю письмо: „Мы слышали", писалъ ханъ, „что Небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ вашего главнаго попа, —пусть онъ испроситъ здоровье супругѣ моей". Святитель Алексій взялъ свѣчу отъ гроба святителя Петра, прибылъ въ орду, помолился, и Тайдула стала здорова. Послѣ этого св. Алексій возвратился изъ орды хана съ великими почестями. Онъ ѣздилъ потомъ въ орду еще дважды ходатайствовать за русскую землю, когда преемники Чанибека грозили бѣдою, и, по заступничеству Тайдулы, оба раза возвращался въ Москву съ полнымъ успѣхомъ. Въ память чуда, совершеннаго св. Алексіемъ въ ордѣ, въ Москвѣ построенъ Чудовъ монастырь.

Святый Сергій, игуменъ Радонежскій.

Святый Сергій былъ сынъ ростовскаго боярина Кирилла. Въ міру онъ назывался *Варѳоломеемъ*. Во времена Іоанна Калиты родители его изъ Ростова переселились въ Радо-

нежъ [1]). Когда они умерли, Варѳоломей отказался отъ наслѣдства и вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Стефаномъ* удалился въ пустыню. Верстахъ въ 10-ти отъ Радонежа оба они построили для себя келью и небольшую деревянную церковь во имя Святыя Троицы. Стефанъ затѣмъ перешелъ въ московскій Богоявленскій монастырь, и тогда Варѳоломей остался одинъ. Онъ постригся въ иноки и принялъ священство. Слава о святой его жизни распространилась по окрестностямъ, и къ нему стали приходить ученики; около кельи его скоро построилось еще нѣсколько келлій. Вся братія, собравшаяся къ нему, должна была снискивать себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ. Святый Сергій былъ настоятелемъ, но трудился болѣе всѣхъ: днемъ рубилъ дрова, мололъ муку, пекъ хлѣбы, ходилъ за водою, а ночью молился Богу. Но и при такихъ трудахъ въ обители Св. Троицы сначала была крайняя бѣдность. Бывало, что для богослуженія не доставало вина, ладана; вмѣсто свѣчъ часто въ храмѣ горѣла лучина; богослужебныя книги писались на берестѣ. Бывало, что дня по два и по три ни у кого въ обители нельзя было найти куска чернаго хлѣба, такъ что всѣ должны были голодать. Случалось, что малодушные падали духомъ и роптали на настоятеля за то, что онъ не позволяетъ инокамъ просить помощи у благочестивыхъ и богатыхъ людей; но святый Сергій не внималъ этому ропоту. Наконецъ, для успокоенія братіи, онъ оставилъ обитель Святыя Троицы и ушелъ на Киржачъ, гдѣ основалъ новую обитель. Но, съ удаленіемъ преп. Сергія въ обители св. Троицы пошли безпорядки, такъ что св. митрополитъ Алексій повелѣлъ ему возвратиться въ нее.

О подвигахъ св. и преп. Сергія стало извѣстно далеко. Константинопольскій патріархъ прислалъ ему благословеніе, схиму и крестъ, а митрополитъ св. Алексій обращался къ нему нерѣдко за совѣтами. Зналъ о немъ и московскій великій князь Димитрій Донской (внукъ Калиты) и посѣщалъ его, какъ святого подвижника.

Со славой имени св. Сергія стала возрастать и слава обители. Народъ во множествѣ сталъ приходить къ нему за благословеніемъ и приносить жертвы на нужды братіи и монастыря. Съ тѣхъ поръ Свято-Троицкая лавра преподобнаго Сергія явилась мѣстомъ истиннаго утѣшенія православ-

[1]) Это былъ городъ въ предѣлахъ нынѣшней московской губерніи. Теперь его уже нѣтъ.

наго русскаго народа во время бѣдъ, которыя онъ терпѣлъ отъ татаръ, и въ короткое время стала имѣть такое же значеніе, какое пріобрѣла себѣ Кіево-Печерская лавра.

Святый Сергій скончался на 78 году жизни. Гробъ его прославленъ множествомъ чудесъ; къ нему и нынѣ каждый годъ приходитъ безчисленное множество богомольцевъ помолиться и сдѣлать въ монастырь посильное свое приношеніе.

Мамаево побоище.

(1380).

Подчинившись татарамъ, русскій народъ привыкъ-было считать ихъ непобѣдимыми: русскіе князья по заведенному порядку продолжали ѣздить въ орду и дарить хана; то же были принуждены дѣлать и митрополиты; но вотъ, на московскій престолъ сѣлъ внукъ Калиты *Димитрій* Іоанновичъ.

Въ то время московское княжество было еще не обширно, но мудрая дѣятельность князей сдѣлала то, что Москву и московскаго князя стали уважать всѣ другія русскія княжества. Димитрій Іоанновичъ понималъ это ясно и рѣшилъ дани татарамъ не давать и въ орду хана больше не ѣздить.

На русскія владѣнія по временамъ нападали толпы татаръ и производили въ нихъ грабежи,—Димитрій велѣлъ истреблять ихъ. Онъ былъ увѣренъ, что весь русскій народъ возстанетъ съ нимъ противъ татаръ, если татарскій ханъ вздумаетъ сдѣлать на Русь нападеніе.

Въ татарской ордѣ въ то время произошла перемѣна: она раздѣлилась. Наконецъ, одинъ изъ полководцевъ хана, *Мамай*, соединилъ орду снова и сталъ управлять ею отъ имени хана (Махмедъ-Салтана).

Мамай не могъ выносить непокорныхъ поступковъ русскаго князя и захотѣлъ наказать его. Онъ послалъ на Русь свои войска; русскіе встрѣтили татаръ въ Ряз. губ. на берегахъ р. Вожи (1378 г.). Татары, завидѣвши русскихъ, тотчасъ перешли рѣку и бросились на нихъ съ страшнымъ крикомъ; но Димитрій Іоанновичъ такъ расположилъ свои войска, что они дружно ударили на татаръ съ трехъ сторонъ сразу. Татары оробѣли и бросились бѣжать за рѣку, покинувъ и копья свои, и обозъ. При этомъ множество татаръ потонуло въ рѣкѣ Вожѣ, множество ихъ было избито. Эта неудача раздражила Мамая. Онъ нещадно опустошилъ рязанскую землю. но и тѣмъ не утолилъ своего страшнаго гнѣва.

Спустя немного времени, Мамаю удалось сдѣлаться ханомъ, и тогда онъ рѣшилъ поднять на Русь всю орду; нанявши въ походъ множество кочевниковъ, онъ сговорился еще съ литовскимъ княземъ Ягайломъ. Свое войско онъ направилъ снова на рязанскую землю. Узнавши объ этомъ, Димитрій Іоанновичъ велѣлъ собирать свои войска. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ г. *Коломна.* Всѣ удѣльные князья набирали свои войска и охотно вели ихъ подъ знамена великаго князя. Добровольно пришли къ нему и два храбрые сына литовскаго князя Ольгерда (Андрей полоцкій и Димитрій брянскій). Въ Коломнѣ собралось до 200 тысячъ русскаго войска.

Но великій князь не столько надѣялся на силу своихъ войскъ, сколько на Божію помощь. Прежде, чѣмъ выступить въ славный походъ, онъ усердно молился на гробахъ своихъ предковъ, почивающихъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ, и у гроба св. митрополита Петра. Посѣтилъ онъ и Свято-Троицкую обитель преп. Сергія. Преподобный Сергій пригласилъ Димитрія Іоанновича къ своей братской трапезѣ и, благословляя на борьбу со страшнымъ врагомъ, предсказалъ побѣду; только, говорилъ онъ, эта побѣда будетъ куплена кровопролитіемъ и жизнью многихъ князей и славныхъ героевъ. Отпуская отъ себя великаго князя, св. Сергій далъ ему изъ своего монастыря двухъ схимонаховъ, отличавшихся богатырскою силою (Пересвѣта и Ослябя).

Мамай скоро узналъ, что для борьбы съ татарами московскій князь собираетъ огромныя силы, и прислалъ въ Коломну пословъ съ мирными предложеніями. Онъ теперь желалъ только одного, чтобы великій князь платилъ ему дань, какъ было въ первое время; но Димитрій Іоанновичъ не согласился на это.

На верховьяхъ Дона, съ правой стороны, есть обширная равнина, которая называется полемъ Куликовымъ. На этой равнинѣ и сошлись русскія и татарскія силы, чтобы сразиться не на-животъ, а на-смерть.

Чѣмъ ближе наступали рѣшительныя минуты, тѣмъ болѣе великій князь безпокоился за судьбу русской земли. Устроивши свои полки на Куликовомъ полѣ, онъ въ ночь, наканунѣ предстоящаго боя, вмѣстѣ съ бояриномъ волынскимъ *Боброкомъ* выѣхалъ въ поле, и оба рѣшились прибѣгнуть къ гаданіямъ. Припали они ухомъ къ землѣ, и слышались имъ на татарской сторонѣ стоны и вопли, а на рус-

ской сторонѣ была тишина. Бояринъ Боброкъ объяснилъ это, какъ добрый знакъ, и утѣшалъ князя обѣщаніемъ побѣды.

Битва съ татарами произошла 8 сентября, въ праздникъ Рождества Богородицы. Въ этотъ день утромъ на Куликовомъ полѣ стоялъ густой туманъ, но, несмотря на это, князь Димитрій Іоанновичъ велѣлъ строить войска въ боевые ряды. За свободу русской земли онъ хотѣлъ биться самъ: онъ всталъ въ переднихъ рядахъ своего храбраго войска, а подъ знамя великаго князя поставилъ своего любимца, боярина *Бренка*. Напрасно бояре говорили ему, что дѣло князя наблюдать за ходомъ битвы, стоя въ отдаленіи; Димитрій говорилъ: „Гдѣ вы, тамъ и я".

Татары показались на Куликовомъ полѣ часу въ 12 дня. Сраженіе открылось поединкомъ. Изъ рядовъ татарскаго войска вышелъ богатырь необыкновеннаго роста и силы. Звали его *Телебей*. Изъ среды русской рати выступилъ схимонахъ Пересвѣтъ, котораго далъ Димитрію Іоанновичу преп. Сергій. Они сошлись и ударили другъ на друга такъ, что, какъ говоритъ лѣтописецъ, „земля потряслась". Съ перваго же удара они пали мертвыми оба. Тогда пошла сѣча жестокая, какой до того времени на Руси не бывало: кровь лилась по полю потоками. Черезъ нѣсколько часовъ жестокаго боя кони могли ступать уже только по трупамъ убитыхъ, и пѣшая русская рать лежала „какъ скошенное сѣно". Побѣда склонилась на сторону татаръ, и русскія войска побѣжали. Всѣмъ казалось, что судьба русской земли была рѣшена... Но дальновидный князь Димитрій Іоанновичъ предъ битвой распорядился, чтобы двоюродный братъ его, князь *Владимиръ Андреевичъ*, и *Боброкъ* съ значительными силами до времени скрылись въ засадѣ (въ дубравѣ выше по Дону). Это Русь и спасло. Татары, увлекшись пораженіемъ, продолжали утомляться въ рѣзнѣ и, преслѣдуя русскихъ, пробѣжали мимо дубравы, въ которой была наша засада. Тогда Боброкъ сказалъ: „Насталъ часъ... Товарищи, подвизайтесь: случай благопріятенъ". Съ этими словами засадные наши отряды дружно бросились на татаръ и стали бить съ тылу. Татары были такъ удивлены ихъ появленіемъ, что бросились бѣжать въ разныя стороны. Мамай съ знатнѣйшими своими вельможами стоялъ на холмѣ и думалъ-было уже торжествовать свою побѣду, какъ вдругъ видитъ: татары бѣгутъ. Чтобы спасти себя, онъ тоже бѣжалъ.

Во всей этой рѣзнѣ много было перебито и русскихъ,

но татаръ больше того. Когда рѣзня кончилась, Владимиръ Андреевичъ велѣлъ трубить сборъ. Оказалось, что на сборный пунктъ собралась развѣ только десятая часть нашей рати. Не явился на сборный пунктъ и великій князь. Стали собирать о немъ вѣсти. Вѣсти приходили все разныя: одни говорили, что видѣли его между трупами убитыхъ и раненыхъ; другіе говорили, что видѣли его, какъ онъ въ одно время отбивался отъ четырехъ татаръ, напавшихъ на него; третьи доносили, что онъ, измученный, едва шелъ съ побоища. Долго искали его; наконецъ нашли подъ срубленнымъ деревомъ. Онъ былъ безъ чувствъ и отъ утомленія еле дышалъ. Латы его были изсѣчены, но тяжелыхъ ранъ на тѣлѣ не оказалось. Въ чувство привели его только звукомъ военной трубы.

Извѣстіе о славной побѣдѣ ободрило его. Онъ возблагодарилъ Бога за помощь, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ войскамъ поздравить съ побѣдой. Объѣхалъ онъ потомъ и поле Куликово, усѣянное трупами. Онъ узнавалъ павшихъ героевъ и плакалъ. Тѣла убитыхъ погребены потомъ въ общихъ могилахъ, на которыхъ насыпаны холмы земли. Димитрій Іоанновичъ тогда же установилъ, чтобы вся Русь и во всѣ времена чтила спасительный день битвы съ Мамаемъ и въ субботу предъ 26 октября совершала бы поминовеніе усопшихъ. Эта суббота у насъ называется „Димитріевскою“.

За славную побѣду на берегахъ р. Дона Димитрій получилъ названіе „Донского“. На Куликовомъ полѣ теперь стоитъ памятникъ.

Іоаннъ Васильевичъ III.

(1462—1505).

Іоаннъ III Васильевичъ былъ правнукъ Димитрія Донского. Важнѣйшими заслугами его отечеству были: присоединеніе къ Москвѣ самыхъ сильныхъ и богатыхъ удѣловъ и сверженіе татарскаго ига, которое тяготѣло надъ Русью два съ половиною вѣка.

Русскіе князья и послѣ битвы на Куликовомъ полѣ не прочь были вести войны между собою. Іоаннъ былъ человѣкъ характера сдержаннаго, но рѣшительный и въ дѣлѣ настойчивый.

Со времени Іоанна Калиты всѣмъ становилось ясно, что московскіе князья стремятся объединить подъ своею властію всѣ русскія княжества для того, чтобы русская земля была

могуча и страшна для враговъ. Мелкія княжества, поэтому, старались соединиться съ Москвой добровольно, но области сильныя и богатыя не желали разстаться со своею свободою. Изъ такихъ областей была область *Новгородская*.

Новгородская область тогда заключала въ себѣ весь сѣверный край нынѣшней Россіи. Первымъ лицомъ въ Новгородѣ былъ посадникъ. Управленіе находилось въ рукахъ народнаго вѣча. Іоаннъ Калита и всѣ преемники его, московскіе князья, старались держать Новгородъ въ зависимости отъ себя: назначали въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ, брали съ новгородцевъ пошлину (черный боръ) и клятву въ вѣрности договорамъ. Зависѣлъ Новгородъ отъ Москвы и по дѣламъ церковнымъ: онъ признавалъ зависимость своего архіепископа отъ московскаго митрополита. Но въ Новгородѣ было немало богатыхъ купцовъ, которые на вѣчахъ всегда имѣли большое вліяніе. Видя, что московскіе князья намѣрены лишить Новгородъ свободы, эти богатые и знатные люди надумали лучше подчиниться добровольно литовско-польскому королю Казимиру IV, нежели царю московскому Іоанну III. Для нихъ это и дѣйствительно могло быть выгоднѣе, потому что въ Польшѣ и Литвѣ богатые и знатные паны жили на свободѣ и своего короля слушали мало. Польскій король за добровольное подчиненіе могъ дать новгородскимъ боярамъ такія же права, коими пользовалось польское дворянство. Но бѣдный новгородскій народъ зналъ, что польскіе паны въ Литвѣ безчеловѣчно поступаютъ съ крестьянами, бьютъ ихъ и грабятъ; поэтому простой народъ въ Новгородѣ хотѣлъ лучше соединиться съ Москвой. Московскій князь—государь самодержавный, онъ защитникъ народа; къ тому же и вѣра въ Москвѣ православная, а въ Польшѣ и Литвѣ заставляютъ всѣхъ быть католиками. Такъ разсуждалъ простой народъ въ Новгородѣ.

Но, когда на вѣчѣ приступили къ рѣшенію этого важнаго дѣла, богатые граждане взяли верхъ и отправили пословъ къ Казимиру IV съ просьбой, чтобы онъ принялъ Новгородъ подъ свое покровительство. Казимиръ далъ обѣщаніе прислать новгородцамъ, когда будетъ нужно, свои войска.

Іоанну III сказали объ этомъ, и онъ никакъ не могъ допустить того, чтобы Новгородъ усилилъ собою сосѣднее и враждебное Москвѣ государство. Онъ рѣшилъ вмѣшаться въ новгородскія дѣла, и вотъ что случилось.

Въ Новгородѣ (1470 г.) умеръ архіепископъ. На его мѣ-

сто обычнымъ порядкомъ былъ избранъ другой. Требовалось новоизбранному дать посвященіе. Прежде новгородцы посвящали своихъ архіепископовъ въ Москвѣ; и теперь въ Москву посланы были послы просить Іоанна III, чтобы онъ дозволилъ новоизбранному архіепископу прибыть въ Москву для своего посвященія. Іоаннъ далъ охранную грамоту, въ которой писалъ: „велю быть нареченному владыкѣ какъ у себя, такъ и у митрополита, по прежнему обычаю, безъ всякихъ зацѣпокъ“. Приверженцы Москвы были довольны этимъ отвѣтомъ, а польско-литовская сторона подняла смуту и одержала верхъ. Іоаннъ III узналъ объ этомъ и отправилъ посла для переговоровъ съ увѣщаніемъ, чтобы новгородцы жили съ Москвою по старинѣ и отъ православія не отступали. То же съ своей стороны писалъ въ Новгородъ и митрополитъ. Новгородцы не обратили на это никакого вниманія и продолжали сноситься съ польскимъ королемъ Казимиромъ. Тогда Іоаннъ послалъ на Новгородъ свои войска. Произошла битва на берегахъ р. *Шелони*. Новгородцы были разбиты. Получивъ вѣсть о побѣдѣ, Іоаннъ ждалъ, что новгородцы пошлютъ пословъ просить мира, но тѣ и не думали. Они заперлись въ Новгородѣ и порѣшили выдерживать осаду. Іоаннъ придвинулъ къ Новгороду свои войска. Новгородцы къ продолжительной осадѣ не приготовились: у нихъ скоро обнаружился голодъ; рознь партій усилилась, и московская сторона взяла верхъ. Нареченный архіепископъ съ другими послами явился къ Іоанну просить мира, какъ милости. Іоаннъ согласился на миръ, но взялъ съ Новгорода 15,500 руб. и уѣхалъ въ Москву. Нареченный архіепископъ получилъ посвященіе въ Москвѣ. Съ этого времени власть Іоанна III въ Новгородѣ утвердилась прочнѣе: онъ сталъ судьей новгородцевъ; и многіе изъ нихъ охотно приходили къ нему искать справедливости; но польская партія не прекращала интригъ. Іоаннъ слѣдилъ за всѣмъ этимъ внимательно и рѣшилъ покончить съ Новгородомъ. Предлогъ къ развязкѣ дѣла онъ нашелъ въ такомъ обстоятельствѣ.

Разъ изъ Новгорода пришли къ нему два посла и въ своей челобитной назвали его „государемъ“, тогда какъ прежде называли его „господиномъ“. Іоаннъ обратилъ на это вниманіе и спросилъ: „Почему вы называете меня теперь „государемъ“, а не господиномъ, какъ звали прежде? Не желаете ли вы имѣть меня такимъ же государемъ, какимъ я въ Москвѣ?“ Послы не осмѣлились дать Іоанну отвѣтъ. Іоаннъ тот-

часъ же отправилъ своихъ пословъ спросить новгородское вѣче, что значитъ новое къ нему обращеніе? На вѣчѣ поднялись безпорядки; бояре, которые сочувствовали Москвѣ, были избиты, а московскому князю посланъ отвѣтъ, что новгородцы зовутъ его по прежнему „господиномъ". Іоаннъ разгнѣвался за измѣну, собралъ войска, пригласилъ въ походъ удѣльныхъ князей, велѣлъ идти на Новгородъ также и Пскову, который считался *младшимъ братомъ* „Новгорода". Началась осада. Новгородцы не разъ посылали къ Іоанну пословъ просить мира, но Іоаннъ говорилъ имъ одно: „Захочетъ наша отчина, Новгородъ, бить намъ челомъ, такъ она знаетъ, какъ бить челомъ".

Дѣло въ концѣ концовъ кончилось тѣмъ, что новгородцы отдались на волю Іоанна III и сознались въ томъ, что въ челобитной называли его „государемъ" и потомъ заперлись. Тогда Іоаннъ III сказалъ новгородцамъ: „И мы, въ такомъ случаѣ, хотимъ, чтобы въ Новгородѣ было такое же управленіе, какое у насъ въ Москвѣ..." И потомъ добавилъ: „Вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику тоже не быть, а государство все намъ держать, волостями и селами намъ владѣть". Новгородцы согласились на все. Іоаннъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы 500 семействъ изъ числа богатыхъ и знатныхъ новгородцевъ немедленно переселились въ Москву, а изъ Москвы столько же въ Новгородъ, чтобы вѣчевой колоколъ съ вѣчевой башни былъ снятъ, отправленъ тоже въ Москву и повѣшенъ на кремлевской колокольнѣ, въ ряду другихъ колоколовъ.

Предъ отъѣздомъ изъ Новгорода Іоаннъ велѣлъ схватить вдову послѣ посадника Борецкаго *Марѳу* и заточить, а имѣнье ея взять въ казну московскаго князя. Такъ поступилъ онъ съ Марѳой Борецкой потому, что она была главною виновницею всѣхъ безпорядковъ. Присоединеніе Новгорода къ Москвѣ было въ 1478 году.

Вскорѣ послѣ того присоединены были къ Москвѣ: княжество *тверское*, область *вятская* и земля *рязанская*, такъ что московское княжество стало вдругъ обширнѣйшимъ государствомъ въ Европѣ.

Сверженіе татарскаго ига.

(1480 г.).

Въ 1472 году Іоаннъ III женился на византійской царевнѣ *Софіи* Палеологъ. Это была племянница послѣдняго ви-

зантійскаго императора Константина XI Палеолога. Константинополь былъ завоеванъ Османскими турками въ 1453 году. Императоръ Константинъ XI при защитѣ его былъ убитъ. Софія вмѣстѣ съ отцомъ удалена была въ Римъ. Здѣсь принялъ ее подъ свое покровительство папа. Она была еще малолѣтняя, и папа велѣлъ воспитать ее въ католической вѣрѣ, чтобы она, по выходѣ замужъ, поддерживала католичество. Когда она выросла, папа предложилъ ея руку Іоанну III. Іоаннъ женился на Софіи, и она имѣла на него большое вліяніе. Но Софія Палеологъ осталась вѣрна православію, въ которомъ родилась. Она помнила Византію и любила величіе, которымъ тамъ окруженъ былъ императоръ. Зависимость отъ татарской орды ей была тяжела, и она говорила Іоанну III, чтобы онъ прекратилъ сношенія съ татарской ордой. Орда предъ тѣмъ распалась на три отдѣльныя царства: *астраханское, крымское и казанское.* Іоаннъ и самъ видѣлъ, что, при такомъ раздѣленіи въ ордѣ, не трудно будетъ ему освободиться отъ власти татарскаго хана. Онъ сблизился съ ханомъ крымской орды и обѣщалъ ему свое покровительство, а самъ желалъ одного, чтобы ханскія царства взаимной враждой ослабляли другъ друга. Пользуясь этой враждой, Іоаннъ прекратилъ посылать въ орду дань. Сарайскій ханъ не требовалъ дани девять годовъ. Въ это время Іоаннъ III привыкъ уже считать себя свободнымъ отъ дани. Вдругъ ханъ сарайской орды, Ахматъ, присылаетъ въ Москву за данью пословъ. Послы привезли съ собой ханскую басму (изображеніе хана). Іоаннъ, по прежнему обычаю, вышелъ къ посламъ хана навстрѣчу; когда послы подали ему басму, онъ бросилъ ее на землю и затопталъ, а пословъ велѣлъ перебить.

Получивши вѣсть о такомъ оскорбленіи со стороны русскаго князя, ханъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва и ярости и рѣшилъ наказать Русь разграбленіемъ.

Для большаго успѣха и этотъ ханъ, какъ и Мамай, заключилъ договоръ съ польско-литовскимъ королемъ Казимиромъ IV, который, по условію, долженъ былъ соединиться съ нимъ на р. Окѣ. Іоаннъ III собралъ свои войска и велѣлъ воеводамъ идти съ ними также на эту рѣку. Русскія войска пришли сюда раньше татарскихъ и поспѣшили занять всѣ перевозы и броды. Іюня 23 дня отправился изъ Москвы къ войскамъ и самъ великій князь Іоаннъ, а супругу свою Софію съ казною отправилъ на Бѣло озеро; велѣлъ ей идти и далѣе, если ханъ захватитъ Москву.

На Руси всѣ были рады тому, что великій князь рѣшился свергнуть татарское иго. Духовенство отворило храмы, народъ усердно молился въ нихъ и благословлялъ князя на спасительную войну. Но прошло цѣлое лѣто, а битвы съ татарами не было; огромныя полчища русскихъ и татаръ стояли другъ у друга въ виду; ихъ раздѣляла только рѣка *Угра* (притокъ Оки). По временамъ бывали черезъ эту рѣку перестрѣлки, но онѣ не имѣли значенія. Въ такомъ положеніи враги дождались конца октября. Рѣка Угра замерзла такъ, что по ней можно стало ходить. Ахматъ раньше только того и желалъ. Онъ стращалъ русскихъ: „Вотъ,—говорилъ онъ, —дастъ Богъ зиму на васъ, тогда дорогъ на Русь будетъ много". Но теперь многое кругомъ его измѣнилось: у татаръ истощился провіантъ, износилась одежда, такъ что имъ приходилось страдать отъ холода и отъ голода. Вдобавокъ къ тому, Іоаннъ III послалъ по рѣкѣ Волгѣ двухъ своихъ воеводъ грабить татарскіе улусы, а самъ отступилъ на поля *Боровскія*. Тогда Ахматъ оробѣлъ: онъ понялъ, что Казимиръ къ нему не придетъ, и подумалъ, что русскіе сдѣлали засады и теперь переманиваютъ его черезъ Угру, чтобы окружить и разбить; поэтому онъ Угры перейти не рѣшился. Когда же дошла до него вѣсть, что русскія войска грабятъ улусы его, онъ бросилъ все дѣло и пошелъ грабить литовскія области за то, что Казимиръ IV не вышелъ ему помогать. Съ награбленной добычей онъ остановился зимовать на устьѣ р. Донца и здѣсь былъ убитъ (1481 г.).

Такъ кончилась зависимость русской земли отъ татаръ. Въ память такого счастливаго освобожденія своего отъ татарскаго ига Іоаннъ повелѣлъ, чтобы въ Москвѣ 23 іюля (въ день, когда онъ выступилъ противъ Ахмата) вѣчно совершался крестный ходъ изъ Кремля въ Срѣтенскій монастырь. На мѣстѣ, гдѣ Іоаннъ сокрушилъ басму хана, послѣ построенъ храмъ св. Спаса, что на Болвановкѣ.

Царствованіе Іоанна IV.

(1533—1584).

Іоаннъ IV Васильевичъ былъ внукъ Іоанна III Васильевича. Послѣ смерти своего отца онъ остался трехъ лѣтъ. Воспитаніе взяла на себя мать его *Елена* (Глинская); но по смерти своего мужа, Василія III, она жила только пять лѣтъ. Говорятъ, ее отравили бояре за то, что она болѣе всѣхъ довѣряла молодому боярину *Телепневу-Овчинѣ-Оболенскому*.

Воспитаніе Іоанна IV.

Іоанну IV было семь лѣтъ, когда умерла его мать. Это—возрастъ, въ который у насъ начинается правильное воспитаніе дѣтей. Но Іоанна воспитывать и учить было некому. Бояре, на рукахъ которыхъ онъ остался, думали только о себѣ; каждый изъ нихъ думалъ только о томъ, какъ бы встать къ великому князю поближе, какъ бы захватить его именемъ власти побольше и какъ бы погубить тѣхъ, которые представлялись опасными. Такъ, замѣтили бояре, что у юнаго *князя пользуется довѣріемъ митрополитъ (Іосафъ)*, и они рѣшили его устранить. И вотъ, разъ ночью заговорщики напали на домъ митрополита и стали бросать въ окна каменьями. Митрополитъ испугался и скрылся во дворецъ великаго князя. Заговорщики побѣжали за нимъ. Они ворвались даже въ спальню великаго князя и шумомъ разбудили его. Это было часа за три до свѣта. Митрополитъ едва не былъ убитъ. Бояре послѣ сослали его въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (Новгородской губ.).

Въ другой разъ бояре замѣтили, что великій князь сталъ слушать боярина *Воронцова*, и вотъ однажды они, въ присутствіи великаго князя, били его по щекамъ, рвали одежду и готовы были его растерзать. Іоаннъ со слезами просилъ бояръ пощадить Воронцова, посылалъ и митрополита просить ихъ о томъ же. Бояре пощадили Воронцова, но сослали его въ Кострому.

Занятые враждой между собою, бояре оставили великаго князя себѣ самому. Учить его добру какъ будто боялись; напротивъ, какъ будто нарочно старались потворствовать всѣмъ дурнымъ дѣтскимъ забавамъ его. Не мѣшали, напр., ему мучить животныхъ и потѣшаться невинными страданіями ихъ; развивали въ немъ страсть къ охотѣ, за которою онъ сталъ проводить много времени. Никто не хотѣлъ остерегать его, когда онъ, набравши себѣ сверстниковъ изъ боярскихъ дѣтей, скакалъ на конѣ по самымъ люднымъ улицамъ Москвы, давилъ народъ и потѣшался смущеніемъ попадавшихся ему на дорогѣ.

Отъ природы Іоаннъ былъ одаренъ способностями необыкновенными и былъ ко всему воспріимчивъ. Онъ понималъ, когда всѣ говорили, что онъ государь русской земли, что все ему должно покоряться, и къ дѣламъ правленія готовился самъ. Читалъ онъ много, но безъ разбора; изучалъ

св. писаніе, св. исторію; но безъ опытныхъ руководителей все понималъ въ нихъ посвоему, какъ умѣлъ понять его дѣтскій умъ. Въ такой средѣ прошли юные годы его, когда дѣти приготовляются къ жизни ученьемъ.

Вѣнчаніе Іоанна на царство и женитьба.

Самовластіе бояръ и безпорядки, наконецъ, наскучили Іоанну, и онъ рѣшилъ прекратить ихъ. Достигнувши 13 лѣтняго возраста, онъ захотѣлъ показать, что онъ государь русской земли. Съ этою цѣлію онъ созвалъ бояръ и объявилъ, что пора положить конецъ беззаконіямъ, что въ безпорядкахъ виновнѣе всѣхъ кн. Андрей Шуйскій и что онъ отдаетъ его на волю псарей. Андрей Шуйскій тотчасъ же былъ схваченъ и растерзанъ предъ народомъ на улицѣ. Бояре послѣ того стали осторожнѣе.

Когда Іоанну исполнилось 17 годовъ, онъ рѣшилъ жениться и это намѣреніе открылъ митрополиту. Митрополитъ одобрилъ его, созвалъ бояръ на совѣтъ и со всѣми ими былъ потомъ у государя. Бояре плакали отъ радости, когда узнали намѣреніе великаго князя. Іоаннъ объяснилъ, что хочетъ вступить въ бракъ непремѣнно съ русскою дѣвицей. Митрополитъ благословилъ это намѣреніе, а бояре сказали. что „Самъ Богъ внушилъ ему это". Въ то же время Іоаннъ объявилъ, что прежде женитьбы онъ желаетъ вѣнчаться на царство, по древнему обычаю предковъ. Вѣнчаніе на царство совершилось. Съ того времени великій князь Іоаннъ Васильевичъ сталъ именоваться „царемъ".

Не затянулся вопросъ и о бракѣ. Іоаннъ выбралъ себѣ невѣсту изъ русскаго боярскаго рода Захарьиныхъ *Анастасію* Романовну, сироту, которая жила только съ матерью. Она была красива, умна и добра.

Въ первое время послѣ этого брака Іоаннъ замѣтно перемѣнился: вмѣстѣ съ супругою онъ въ зимнюю пору пѣшкомъ ходилъ на богомолье въ Троицкую лавру и провелъ тамъ первую недѣлю Великаго поста. Но вообще небрежное воспитаніе такъ испортило его, что и доброе сердце любимой супруги не смягчило жестокости нрава его. У него были любимцы, которые жестоко поступали съ народомъ. Изъ нихъ ближе другихъ стояли къ нему Глинскіе. Народъ не любилъ ихъ. но они на это не обращали вниманія, потому что царь жалобъ на нихъ не принималъ. Разсказываютъ, что однажды псковскіе граждане въ числѣ 70 человѣкъ вздумали

обратиться съ жалобою на своего намѣстника, угодника Глинскихъ,—царь разгнѣвался на нихъ, кричалъ, грозилъ, палилъ имъ бороды и т. п. только за то, что они обратились къ нему съ жалобою. Это было вскорѣ послѣ женитьбы.

Сильвестръ и Адашевъ.

Черезъ три съ половиною мѣсяца послѣ брака царя, въ Москвѣ случился такой страшный пожаръ, какого дотолѣ въ ней не было. Загорѣлось во время сильной бури. Постройки были деревянныя, а средства тушить пожаръ были плохія. Сгорѣли торговыя лавки со всѣми товарами, и пламя перекинуло въ Кремль. Въ Кремлѣ сгорѣли монастыри, Благовѣщенскій соборъ, Оружейная Палата, митрополичій домъ; на Успенскомъ соборѣ и на дворцѣ сгорѣли крыши. Народу въ пожарѣ погибло до 1700 человѣкъ. Едва не погибъ и самъ митрополитъ. Царь уѣхалъ въ с. *Воробьево.* Пожаръ подѣйствовалъ на него потрясающимъ образомъ. Чтобы изгладить изъ сердца тяжелое чувство, царь велѣлъ скорѣе исправить кремлевскія зданія. Богатымъ было наказано скорѣе строить дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь велѣлъ разузнать и причину пожара. Стали искать; но въ то время розыски производились не такъ, какъ производятся нынѣ. Бояре вышли къ народу и спрашивали: „Кто зажегъ Москву?“ послышались голоса: „Глинскіе, Глинскіе“. Сейчасъ же сложили сказку, будто княгиня Анна Глинская вынимала сердца изъ мертвыхъ людей, мочила ихъ въ водѣ и тою водою кропила дома, оттого они и сгорѣли. Сама княгиня Анна Глинская въ это время была въ своей усадьбѣ, но на площади находился сынъ ея (Юрій) и его убили. Затѣмъ разграбили домъ Глинскихъ, а слугъ разогнали.

Мятежъ продолжался нѣсколько дней. Многіе изъ мятежниковъ бросились даже въ с. Воробьево и дерзко требовали у царя, чтобы онъ выдалъ имъ Анну Глинскую; но царь велѣлъ стрѣлять въ бунтовщиковъ, и тогда они разбѣжались.

Царь Іоаннъ Васильевичъ не могъ не встревожиться такими событіями. И вотъ, въ это время пришелъ къ нему священникъ Сильвестръ, который рѣшился сказать прямое и откровенное слово: „Судъ Божій“,—говорилъ онъ,—гремитъ надъ твоей головой. Огнь небесный превратилъ Москву въ пепелъ... Сила Вышняя волнуетъ народъ“. При этомъ онъ разсказалъ о какихъ-то видѣніяхъ и до того потрясъ душу

Іоанна, что тотъ совсѣмъ измѣнился. Онъ сталъ слушать добрую супругу свою; іерей Сильвестръ сдѣлался у него самымъ близкимъ совѣтникомъ. Онъ приблизилъ къ нему и еще одного незнатнаго, но благоразумнаго и честнаго человѣка, *Алексѣя Адашеева.* Близость Іоанна съ этими лицами имѣла на него вліяніе самое доброе. Царь сталъ милостивъ къ бѣднымъ и заботливъ о царствѣ.

На двадцатомъ году отъ рожденія Іоаннъ созвалъ соборъ изъ людей всякаго чина и изъ всѣхъ городовъ. Въ одинъ воскресный день, послѣ обѣдни, онъ вмѣстѣ съ духовенствомъ и крестами вышелъ на площадь, которая называется „Лобнымъ мѣстомъ“. Когда былъ отслуженъ молебенъ, онъ обратился къ народу и сталъ говорить: „Святый владыко, будь мнѣ поборникомъ“. Потомъ жаловался на бояръ, что они много зла причинили какъ ему, такъ и государству, пока онъ былъ малъ. Затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, просилъ, чтобы народъ забылъ ему всѣ вины, а вражду и злобу между собою оставилъ. Алексѣю Адашеву онъ поручилъ принимать челобитныя (просьбы).

Взятіе Казани.

(1552).

На 22 году отъ рожденія Іоаннъ принужденъ былъ вступить въ упорную войну съ татарами царства казанскаго. Это случилось такъ.

Послѣ того какъ сокрушилось могущество Золотой, или Сарайской орды. казанское царство осталось самымъ сильнымъ между татарскими царствами. Москва смотрѣла на казанскихъ татаръ, какъ на опасныхъ враговъ, хотя казанскіе татары и предоставили Іоанну IV право назначать въ Казань своихъ намѣстниковъ. Іоаннъ IV, дѣйствительно, въ виду прекращенія безпорядковъ, назначилъ въ Казань намѣстникомъ своего боярина (Микулинскаго). Казанцы согласились принять его и дали присягу въ вѣрности какъ царю, такъ и его намѣстнику; но, какъ только Микулинскій явился къ Казани, они въ городъ его не пустили и приняли хана изъ Крыма. Объ этомъ немедленно было доведено до свѣдѣнія Іоанна IV. Іоаннъ не захотѣлъ сносить оскорбленія. На Казань было собрано огромное войско; за нимъ подъ Казань пошелъ и самъ царь.

Этотъ дальный и трудній походъ совершенъ былъ лѣтомъ, въ самое жаркое время. Подступивъ къ Казани, царь на лугу развернулъ свое царское знамя [1]).

Когда былъ отслуженъ молебенъ, царь сказалъ рѣчь, въ которой убѣждалъ воиновъ не щадить своей жизни и не думать ни о женахъ своихъ, ни о дѣтяхъ: всѣхъ обѣщалъ не забыть своими царскими милостями. Въ заключеніе рѣчи онъ возвелъ свой взоръ на образъ Спасителя и громко воскликнулъ: „Владыко, движемся о имени Твоемъ".

Казань была поставлена въ строгую осаду. Молодой царь самъ объѣхалъ кругомъ города и осмотрѣлъ мѣста, гдѣ было лучше ставить укрѣпленія. Чтобы ближе подобраться къ городской стѣнѣ, русскіе плели высокія корзины изъ прутьевъ, наполняли ихъ землей, ставили предъ собою рядами и тѣмъ защищались отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Наши казаки копали себѣ норы въ землѣ и изъ нихъ мѣтко стрѣляли въ казанцевъ. Много разъ казанцы дѣлали изъ города вылазки; часто происходили съ татарами схватки, которыя кончались, обыкновенно, тѣмъ, что наши войска заставляли казанцевъ укрываться въ городъ. Такъ удачно началась наша осада Казани.

Но у казанцевъ въ городѣ были сдѣланы большіе запасы провіанта, и осада для нихъ была не страшна. Между тѣмъ, на нашу бѣду (къ осени), наступило дождливое и бурное время; въ нашемъ станѣ вѣтромъ срывало шатры; на Волгѣ разбивало суда, которыя шли къ намъ подъ Казань съ провіантомъ. Наши войска утомлялись, но отдыхать было некогда: на городской стѣнѣ сталъ часто появляться большой флагъ. Оказалось, что это былъ знакъ, по которому татарскій князь Япанча долженъ былъ дѣлать нападенія на наши войска изъ сосѣдняго лѣса [2]).

Наши войска сначала не знали объ этомъ и терпѣли немало потерь. Царь, наконецъ, послалъ двухъ воеводъ уничтожить отрядъ Япанчи. Порученіе было исполнено, и лѣсъ отъ татаръ былъ очищенъ.

---

[1]) На этомъ знамени былъ написанъ образъ Спасителя и на верху его былъ водруженъ тотъ самый крестъ, который былъ у Димитрія Донского въ битвѣ Куликовской.

[2]) По уговору съ казанцами, Япанча долженъ былъ нападать на наши войска въ то время, какъ казанцы задумывали сдѣлать изъ города вылазку Это свое намѣреніе они и передавали Япанчѣ флагомъ.

Послѣ этого царь велѣлъ приступить къ осадѣ Казани рѣшительнымъ образомъ. Первою заботою было поставлено то, чтобы лишить казанцевъ возможности получать себѣ воду. Доступъ къ рѣкамъ былъ прегражденъ, но казанцы устроили подземный ходъ къ ключу, который билъ изъ берега рѣчки Казанки. Когда наши объ этомъ узнали, устроили подкопы подъ ключъ и взорвали его порохомъ.

Въ одно время съ этимъ сдѣланы были подкопы и подъ стѣны Казани. Къ празднику покрова Богородицы работы были окончены и все было приготовлено къ тому, чтобы разрушить стѣны Казани. Іоаннъ послалъ сказать, чтобы казанцы сдались, но тѣ отвѣчали, что скорѣе умрутъ, чѣмъ сдадутся. Утромъ 2 октября царь велѣлъ полкамъ приготовиться къ приступу, а самъ пошелъ въ церковь молиться. Литургія началась рано. Царь молился усердно. И замѣчательно было совпаденіе обстоятельствъ осады съ молитвой царя. Первый взрывъ послѣдовалъ въ то самое время, когда діаконъ окончилъ Евангеліе словами: „И будетъ едино стадо и единъ Пастырь“. Іоаннъ вышелъ посмотрѣть, что совершается, и, увидѣвши разрушеніе, возвратился дослушивать литургію. Когда діаконъ на сугубой ектеніи произнесъ: „И покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“, послѣдовалъ другой взрывъ. Русскіе послѣ того бросились на приступъ, и пошла ужасная рѣзня. Русскіе не щадили себя, татары обливали ихъ горячей смолой, бросали въ нихъ бревна, каменья. Забывши всякую опасность, русскіе схватывались съ непріятелемъ за руки, рѣзались ножами.—Трупы лежали по улицамъ уже цѣлыми грудами... Наконецъ, татары взяли своего царя (Эдигера), вывели на городскую стѣну и сказали: „Пока стоялъ юртъ, мы бились; теперь Казань ваша, возьмите и нашего царя, а мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу“. По грудамъ труповъ выбрались они изъ города Казани и побѣжали къ лѣсу. Такъ какъ сдаться въ плѣнъ они не хотѣли, то и были избиты. Іоаннъ вступилъ въ Казань. На томъ мѣстѣ, гдѣ во время осады стояло царское знамя, онъ собственными руками водрузилъ крестъ и велѣлъ построить храмъ Нерукотвореннаго Спаса. Скоро подчинились Іоанну и окрестности Казани.

Очистивъ городъ отъ труповъ и установивъ въ немъ управленіе, Іоаннъ уѣхалъ въ Москву и здѣсь былъ встрѣченъ духовенствомъ и народомъ, какъ защитникъ вѣры и сокрушитель ненавистныхъ враговъ.

Оборона Пскова.

Іоаннъ IV одержалъ побѣду надъ казанскими татарами и владѣнія ихъ присоединилъ къ царству московскому, но у него явился болѣе опасный врагъ: это польскій король Стефанъ *Баторій*. Стефанъ Баторій былъ человѣкъ умный, воинственный и настойчивый. Съ Іоанномъ IV онъ вступилъ въ войну изъ-за Ливоніи. Іоанну хотѣлось присоединить эту область къ московскому царству, такъ какъ она прежде принадлежала русской землѣ и теперь открывала ему возможность владѣть берегомъ Балтійскаго моря.

Въ первое время война шла успѣшно: литовскіе города сдавались ему, и орденъ ливонскихъ рыцарей понялъ, что сохранить независимость ему невозможно; поэтому магистръ ордена *Кетлеръ* добровольно отдалъ Ливонію Польшѣ, Эстонію—шведамъ, а о. Эзель—датчанамъ. Ясно, что теперь Польша и Швеція стали смотрѣть на Ливонію, какъ на свое владѣніе, и вотъ, когда на польскій престолъ вступилъ Стефанъ Баторій, Іоанну было объявлено, чтобы онъ отдалъ Польшѣ всѣ города, которые завоевалъ у Ливоніи. Іоаннъ отказалъ. Тогда Стефанъ Баторій вступилъ съ нимъ въ войну и совершилъ на Русь нѣсколько удачныхъ походовъ. Въ послѣдній походъ онъ осадилъ г. Псковъ. Стотысячная польская армія Баторія обложила городъ осадою. Въ то же время на московское государство поднимались и шведы. Положеніе Іоанна становилось затруднительнымъ, потому что кромѣ этихъ враговъ могли на Русь подняться еще татары и турецкій султанъ. Іоаннъ сталъ склоняться на миръ. Въ Польшу посланы были послы, которымъ было наказано, чтобы они во время переговоровъ были уступчивы. Разрѣшалось имъ уступить Польшѣ Ливонію, кромѣ четырехъ городовъ; но Стефанъ Баторій, кромѣ Ливоніи, запросилъ еще 400,000 венгерскихъ золотыхъ за военныя издержки. Тогда Іоаннъ рѣшилъ продолжать войну, и война сосредоточилась на г. Псковѣ.

Псковъ тогда былъ у насъ самою лучшею крѣпостью. Онъ укрѣпилъ себя, когда нападали на него нѣмцы. Стефанъ Баторій понималъ, что эту крѣпость взять не легко, но продолжилъ осаду. Осада была упорная и жестокая; осажденные псковичи страдали, но выносили неимовѣрные трудности. Мужественный духъ ихъ много поддерживали князь Иванъ Петровичъ *Шуйскій* и игуменъ *Тихонъ*. Игуменъ Тихонъ въ трудныя минуты не разъ выходилъ къ войскамъ съ иконами

и мощами и умолялъ не щадить своего живота за отечество и за православную вѣру; Шуйскій поддерживалъ мужество защитниковъ Пскова своею безпримѣрною храбростію. Примѣръ отважныхъ вождей, мольбы ихъ и слезы воодушевляли псковичей, такъ что на защиту города возстало все населеніе: выступили женщины, старцы и дѣти. Всякій для обороны города старался сдѣлать, что могъ; но поляки добились того, что взяли двѣ башни и на нихъ водрузили знамена. Между тѣмъ осаждавшихъ застала зима и морозы; провіантъ истощился, и Баторій рѣшилъ оставить приступы, хотя осаду еще продолжалъ. Наконецъ, война стала тяжела и той и другой сторонѣ. Іоаннъ сталъ хлопотать о перемиріи первый; перемиріе было заключено при участіи папскаго посла *Антонія* Поссевена. Іоаннъ долженъ былъ уступить полякамъ всю Ливонію.

Такимъ образомъ Стефанъ Баторій заставилъ Іоанна IV отказаться отъ Ливоніи, но Псковъ отстоялъ честь оружія и далъ Іоанну IV возможность получить миръ при самыхъ трудныхъ для него обстоятельствахъ.

Опричники.

Въ то время, какъ шла у насъ война съ Польшею за Ливонію, въ Іоаннѣ совершилась новая перемѣна: онъ сталъ снова жестокъ.

Въ 1560 году Анастасія Романовна умерла; прежніе совѣтники Іоанна, Сильвестръ и Адашевъ, утратили довѣріе царя, и онъ отстранилъ ихъ отъ себя. Іоаннъ тосковалъ о супругѣ и эту свою тоску думалъ заглушить въ себѣ пирами и попойками съ людьми другого рода, со льстецами и угодниками. Желая упрочить къ себѣ расположеніе царя, эти льстецы, развивали въ немъ подозрительность къ другимъ. Когда Іоаннъ выражалъ намѣреніе кого-нибудь погубить, они являлись первыми слугами его. Замѣчая постоянную угодливость, Іоаннъ положился на нихъ во всемъ, какъ на самыхъ надежныхъ исполнителей его царской воли, и доносамъ ихъ вѣрилъ. Начались опалы и казни, которыя прежде всего обрушились на родственниковъ и друзей Сильвестра и Адашева. Но и этимъ душа Іоанна не успокоилась. Онъ сталъ какъ-то угрюмъ. Постоянно подозрѣвая въ боярахъ измѣну, Іоаннъ пришелъ, наконецъ, къ мысли оставить Москву и престолъ. И вотъ, въ одинъ день на кремлевской площади появилось множество саней; стали говорить, что царь собира-

ется на богомолье, но замѣчали, что сборы идутъ не попрежнему: царь на этотъ разъ велѣлъ собрать съ собою всѣ свои драгоцѣнности, всю свою казну. Боярамъ которые должны были съ нимъ ѣхать, было объявлено, чтобы и они брали съ собою своихъ женъ и дѣтей и все, что имъ нужно и дорого. Предъ отъѣздомъ царь былъ за обѣдней, слушалъ молебенъ, милостиво допускалъ всѣхъ къ рукѣ, затѣмъ сѣлъ въ сани и выѣхалъ изъ Москвы. Никто не могъ понять, куда и надолго ли царь уѣзжаетъ.

Іоаннъ велѣлъ ѣхать въ с. Коломенское, потомъ къ Троицѣ-Сергію и отсюда въ Александровскую слободу. Здѣсь царь велѣлъ остановиться и потомъ объявилъ, что онъ отъ царства отказывается и жить въ Москву не пойдетъ, потому что тамъ развелось много измѣнниковъ. Получено повелѣніе слободу укрѣпить и въ ней построить дворецъ. Въ первое время прекращены были съ Москвой всѣ сношенія, такъ что цѣлый мѣсяцъ тамъ не знали, гдѣ живетъ царь. Наконецъ Іоаннъ послалъ митрополиту грамоту, въ которой жаловался на бояръ, что они и теперь не радятъ о государевой службѣ, какъ и въ его малолѣтство. Когда же царь захочетъ кого наказать, заступается за того духовенство; поэтому онъ рѣшилъ оставить Москву и поселиться тамъ, гдѣ Богъ укажетъ ему. Москва была поражена этою вѣстію. Всѣ обратились къ митрополиту, чтобы онъ съ духовенствомъ шелъ просить Іоанна не оставлять ихъ сиротами. Митрополитъ ѣздилъ къ Іоанну, и онъ согласился принять управленіе, но только съ тѣмъ, чтобы ему позволено было завести *опричину*. Послѣ того царь прибылъ въ Москву. Говорятъ, его узнать было трудно. Такъ онъ измѣнился отъ заботъ и душевныхъ тревогъ. Было объявлено, что при царѣ составится особый штатъ служилыхъ людей всякаго рода (бояръ, князей, дворянъ и пр.) и даже стрѣльцовъ. Опричникамъ назначено содержаніе съ 20 городовъ. Въ самой Москвѣ для опричниковъ отдѣлены были особыя улицы, изъ которыхъ прежніе жители переселены въ другія мѣста. Сказано было, что эту опричину царь учреждаетъ съ тѣмъ, чтобы изводить враговъ государства; поэтому опричникамъ даны особые значки. Это— метла и собачья голова. Эти значки выражали собою, что опричникамъ дано право грызть и выметать изъ государства враговъ его.

Прибывши въ Александровскую слободу снова, Іоаннъ выбралъ себѣ изъ опричниковъ 300 человѣкъ и велѣлъ имъ

сверху золотыхъ кафтановъ носить черныя рясы, а на головѣ тафьи; въ такую же одежду облекся и самъ. Избранныхъ опричниковъ онъ назвалъ „братіею“, а себя „игуменомъ“. Время жизни у него было распредѣлено такимъ образомъ: утромъ онъ вставалъ отъ сна въ 4 часа и шелъ на колокольню звонить къ церковной службѣ. За богослуженіемъ онъ самъ пѣлъ и читалъ. Часовъ въ 10 всѣ собирались за трапезу. Царь читалъ за нею братіи своей поученія. Въ 8 часовъ вечера ходили всѣ за вечерню, а часовъ въ 10 Іоаннъ ложился спать. Время между богослуженіемъ часто употреблялось на жестокій судъ и безчеловѣчныя казни. Всѣхъ опричниковъ сначала было записано въ штатъ 1000 человѣкъ, а потомъ явилось ихъ тысячъ до шести. Опричники ѣздили по городамъ и селеніямъ русской земли, грабили и губили все, что хотѣли. Жалобъ на нихъ царь не слушалъ, а потому опричина стала сущей бѣдой для бояръ и народа. Опальные обращались обыкновенно за ходатайствомъ къ митрополиту. Митрополитомъ въ то время былъ святый *Филиппъ*.

Митрополитъ св. Филиппъ.

Митрополитъ св. Филиппъ происходилъ изъ боярскаго рода. Онъ сначала былъ инокомъ, а потомъ игуменомъ въ Соловецкомъ монастырѣ. Іоаннъ зналъ его съ малыхъ лѣтъ, потому что онъ воспитывался при Дворѣ, и захотѣлъ сдѣлать его митрополитомъ. Филиппъ былъ человѣкъ прямой. Онъ объявилъ царю открыто, что санъ митрополита можетъ принять только въ томъ случаѣ, если царь согласится уничтожить опричину. Іоанну было непріятно слышать это и онъ требовалъ, чтобы Филиппъ не вмѣшивался въ дѣла управленія. Филиппъ уступилъ. Прошелъ годъ; между митрополитомъ и царемъ замѣчалась тѣсная дружба. Вдругъ отношенія измѣнились. Опричники открыли царю какую-то измѣну бояръ. Начались ужасныя казни. Обвиненныхъ выводили на городскую площадь десятками и казнили. Тогда митрополитъ св. Филиппъ рѣшился предложить царю свое увѣщаніе. Бывали у него съ Іоанномъ бесѣды уединенныя, но онѣ не останавливали царя отъ жестокостей. Тогда Филиппъ рѣшился предложить Іоанну свое увѣщаніе въ храмѣ. Іоаннъ на первый разъ отвѣтилъ митрополиту: „Что тебѣ за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Возстали на меня друзи мои и искреннія мои ищутъ мнѣ зла“. Чѣмъ болѣе возражалъ Іоанну митрополитъ, тѣмъ болѣе онъ выходилъ изъ себя и говорилъ:

„Молчи, не прекословь нашей Державѣ, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ“. Митрополитъ отвѣтилъ ему: „Я не употреблялъ ни мзды, ни ходатайствъ, ни просьбъ, чтобы получить этотъ санъ, ты самъ лишилъ меня пустыни“. Царь на этотъ разъ вышелъ изъ храма въ большомъ раздумьѣ.

Затѣмъ въ одинъ воскресный день царь пришелъ въ Успенскій соборъ. На немъ и на опричникахъ надѣты были черныя монашескія рясы и высокія тафьи (колпаки). Митрополитъ Филиппъ стоялъ на своемъ мѣстѣ. Царь три раза обращался къ нему за благословеніемъ, но митрополитъ какъ будто не замѣтилъ того. Наконецъ опричники сказали ему: „Святый владыко! благочестивый государь требуетъ твоего благословенія“. Филиппъ взглянулъ на Іоанна и произнесъ: „Не узнаю въ семъ образѣ странномъ царя православнаго... Кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія... Здѣсь мы приносимъ безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская... Ты самъ просишь прощенія у Бога, прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою“...

Съ этихъ поръ Іоаннъ сильно возненавидѣлъ Филиппа, и опричники рѣшили погубить его. Рѣшительный случай къ тому былъ во время крестнаго хода въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. У святыхъ воротъ митрополитъ приготовился читать св. Евангеліе. Обратившись назадъ для благословленія народа, онъ увидѣлъ, что одинъ опричникъ не снялъ съ головы тафьи. Митрополитъ сейчасъ же сказалъ объ этомъ царю. „Кто такой?“ спросилъ Іоаннъ; но опричникъ уже успѣлъ тафью снять. Царь послѣ распрашивалъ объ этомъ, но опричники объяснили ему, что митрополитъ царскихъ слугъ не любитъ и теперь сказалъ на опричника неправду. Съ этой минуты царь порѣшилъ лишить св. Филиппа митрополіи. Нашлись ложные доносчики, которые возвели на св. Филиппа вины небывалыя. Царь составилъ соборъ для суда надъ митрополитомъ Филиппомъ. Соборъ присудилъ лишить его митрополичьяго сана. И вотъ, св. Филиппъ совершалъ богослуженіе въ каѳедральномъ соборѣ; вдругъ въ храмъ является царскій любимецъ *Басмановъ* и читаетъ приговоръ собора о низложеніи митрополита Филиппа. Опричники тотчасъ же бросились на святителя, сорвали съ него облаченіе, одѣли въ худую монашескую рясу и метлами изгнали изъ храма, а потомъ посадили его на дровни и повезли въ Твер-

ской Отрочь монастырь. Народъ любилъ святителя Филиппа и провожалъ его за городъ со слезами. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ самый страшный изъ опричниковъ Малюта *Скуратовъ* задушилъ святителя въ кельѣ его.

Ермакъ и покореніе Сибири.

(1582).

Въ послѣдніе годы своей жизни Іоаннъ IV былъ обрадованъ тѣмъ, что подъ его власть подчинилась *Сибирь*.

Сибирью называлась область, расположенная по р. Иртышу, за Уральскимъ горнымъ хребтомъ. Прежде эта область была заселена разными мелкими народцами татарскаго происхожденія. Главнымъ городомъ сибирскаго царства былъ г. *Сибирь*. Сибирскіе народцы нерѣдко переходили черезъ Уральскія горы и грабили земли, принадлежавшія московскому царству. Со стороны Москвы иногда принимались мѣры къ ихъ оборонѣ. Такъ, боярамъ Строгановымъ московскій царь далъ право не только заселять и обработывать земли по рр. Камѣ и Чусовой, но и строить въ этихъ земляхъ свои укрѣпленія, равно какъ и набирать свои войска. Бывало, что сибирскіе народцы выражали желаніе подчиниться московскому царю и присылали ему дань. Въ послѣднее время сибирскій ханъ *Кучумъ* также платилъ Іоанну дань, но потомъ измѣнилъ, сталъ грабить и въ плѣнъ брать людей, подвластныхъ московскому государю. Строгановымъ онъ былъ опасенъ прежде всего потому, что былъ ихъ сосѣдомъ, и они стали пользоваться случаями усилить себя: стали принимать къ себѣ на службу воинственныхъ и отважныхъ людей. Въ это самое время съ низовьевъ Волги пришла къ нимъ шайка казаковъ (300 чел.), подъ начальствомъ атамана *Ермака* Тимофеева, и Строгановы приняли ее. Ермакъ желалъ военныхъ подвиговъ. Онъ взялъ съ собою отъ Строгановыхъ 840 человѣкъ и пошелъ за Уральскія горы воевать съ сибиряками. Строгановы снабдили его провіантомъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, о которомъ жители Сибири вовсе не слыхивали. За Уральскими горами попался Ермаку въ плѣнъ одинъ сибирякъ. Ермакъ распросилъ его о сибирскомъ царствѣ,о силахъ его и отпустилъ. Огнестрѣльное оружіе поразило этого плѣнника, и онъ послѣ разсказывалъ Кучуму: „Идутъ на насъ сильные люди. Когда они стрѣляютъ изъ своихъ луковъ, пышетъ огонь, выходитъ дымъ и раздается громъ. Стрѣлъ не видно, но ранятъ и убиваютъ. Защищаться отъ нихъ никакими сбруями невоз-

можно: все пробиваютъ навылетъ". Услышавши такія рѣчи, Кучумъ задумался, но послалъ противъ Ермака свое войско. Произошло нѣсколько сраженій, въ которыхъ побѣждали казаки. Кучумъ построилъ-было себѣ укрѣпленіе и засѣлъ въ немъ, но казаки сдѣлали приступъ, и сибиряки разбѣжались. Бѣжалъ и Кучумъ. Онъ понялъ, что съ лукомъ противъ ружья невозможно сражаться, забралъ богатства изъ своего дворца и ушелъ дальше, на востокъ. Сибирью овладѣли казаки. Татары вслѣдъ затѣмъ стали приносить Ермаку покорность, и Ермакъ позволялъ имъ селиться въ прежнихъ ихъ юртахъ... Цѣлый годъ потомъ Ермакъ велъ съ Кучумомъ войну и покорилъ, кромѣ сибирскаго царства, многихъ другихъ мелкихъ хановъ; но владѣть своими завоеваніями онъ былъ не въ силахъ. Желая искупить свои вины предъ московскимъ царемъ, онъ послалъ къ нему своего атамана *Кольцо* просить, чтобы Іоаннъ принялъ Сибирь подъ свою руку. Іоаннъ былъ доволенъ. Онъ послалъ Ермаку подкрѣпленіе и, желая наградить его, подарилъ шубу со своего царскаго плеча и назначилъ его сибирскимъ княземъ. Но Ермаку не пришлось дождаться милостей царскихъ: онъ утонулъ въ рѣкѣ во время борьбы съ Кучумомъ.

Начало книгопечатанія въ Москвѣ.

При Іоаннѣ Грозномъ въ первый разъ въ Москвѣ стали печатать книги.

До тѣхъ поръ книги у насъ были только рукописныя и и покупались за дорогую цѣну, потому что переписывать ихъ было трудно. Облегчалась эта работа развѣ только тѣмъ, что распространители книгъ набирали людей, умѣющихъ писать, помѣщали ихъ въ одной комнатѣ, раздавали имъ бумагу или пергаментъ и заставляли одного диктовать вслухъ, а всѣ переписчики должны были писать за нимъ то, что онъ имъ сказывалъ. Медленно, конечно, шла эта работа: чтобы переписать большую книгу, требовались не только мѣсяцы, но даже цѣлые годы; за то, когда работа оканчивалась, являлось вдругъ столько книгъ, сколько было переписчиковъ.

Въ западной Европѣ подобный способъ распространенія книгъ давно былъ оставленъ. Тамъ въ XV вѣкѣ одинъ нѣмецъ *Гуттенбергъ* нашелъ способъ печатать книги. Онъ сталъ вырѣзывать отдѣльныя буквы азбучнаго алфавита такъ, чтобы изъ нихъ можно было набирать слова какія угодно. Эти буквы, набранныя для цѣлой страницы, зажимались въ доски, намазывались краской и накладывались на бумагу, на ко-

торой и производился ихъ оттискъ. Такимъ образомъ, стоило набрать буквы для страницы однажды, а оттисковъ потомъ можно было дѣлать сколько угодно. Чѣмъ больше печаталось оттисковъ, тѣмъ дешевле становился каждый изъ нихъ.

Первая типографія въ Москвѣ построена была на казенный счетъ (1553). Первыми типографщиками были *Иванъ Ѳедоровъ*, дьяконъ одной московской церкви, и Петръ Тимофеевъ *Мстиславцевъ*.

Первою печатною книгою въ Москвѣ была книга Апостолъ (1564). Затѣмъ въ Москвѣ напечатанъ былъ Часословъ (1565).

Что же касается судьбы первыхъ печатниковъ въ Москвѣ, то она была несчастная: ихъ обвинили въ ереси, типографію сожгли, и типографщики тогда разбѣжались. Иванъ Ѳедоровъ работалъ послѣ во Львовѣ, а потомъ переселился въ г. Острогъ и въ 1581 году напечаталъ полную славянскую Библію.

Самозванщина.

Послѣ смерти Іоанна IV Грознаго вступилъ на престолъ болѣзненный сынъ его *Ѳеодоръ* Іоанновичъ. При немъ совершилось ужасное событіе, которое поразило неутѣшнымъ горемъ всю Русь. Младшій братъ Ѳеодора, царевичъ *Димитрій*, единственный (послѣ Ѳеодора) членъ царствовавшей династіи Рюрикова дома, жилъ въ г. Угличѣ (Яросл. губ.). Однажды онъ вышелъ во дворъ погулять. Вдругъ, откуда ни взялись лихіе люди, которые сговорились погубить его. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ царевичу и началъ съ нимъ ласковый разговоръ. Царевичъ, какъ дитя, былъ довѣрчивъ и отъ нихъ не ушелъ. Злодѣй всталъ къ царевичу близко и, какъ будто любуясь его ожерельемъ, спросилъ: „А у тебя, царевичъ, новое ожерелье?“—„Нѣтъ старое“, отвѣчалъ царевичъ. Злодѣй наклонился къ нему, какъ будто для того, чтобы разсмотрѣть, дѣйствительно ли ожерелье старое, и въ этотъ моментъ ударилъ его въ горло ножемъ. Царевичъ умеръ, а убійцы бѣжали.

Черезъ 7 лѣтъ послѣ того скончался и царь Ѳеодоръ Іоанновичъ; дѣтей послѣ него не осталось, и тогда это злодѣяніе стало особенно тяжело русской землѣ. Начались смуты, которыя чувствительнѣе всего сказывались по поводу избранія на престолъ того или другого царя. Такъ, послѣ Ѳео-

дора царемъ русской земли былъ избранъ бояринъ *Борисъ Годуновъ.* Это былъ человѣкъ умный и въ дѣлахъ правленія опытный, но народъ не любилъ его и главнымъ образомъ потому, что онъ былъ татарскаго рода. Народная молва не замедлила возвести на него обвиненіе въ смерти царевича Димитрія. Этимъ подозрѣніемъ народа воспользовались враги Бориса и выдвинули противъ него сомозванца. Самозванецъ былъ, говорятъ, бѣглый монахъ московскаго Чудова монастыря Григорій *Отрепьвъ.* Онъ выдалъ себя за царевича Димитрія, когда жилъ въ Польшѣ у одного богатаго пана. Поляки были рады завести смуты въ русской землѣ, и у Отрепьева скоро собрались войска, съ которыми онъ и двинулся къ Москвѣ. Когда Отрепьевъ явился въ Россіи, смутились многіе и изъ русскихъ людей. Недовольство на Бориса усилилось, и русскіе города стали сдаваться самозванцу одинъ за другимъ. Борисъ Годуновъ испугался и умеръ внезапно, а Отрепьевъ занялъ московскій престолъ. Но не прошло и года, какъ русскимъ людямъ стало ясно, что онъ сомозванецъ, а не царевичъ Димитрій. Составился заговоръ. Заговорщики подступили ко дворцу, который былъ запертъ, и стали ломать двери. Лже-Димитрій, видя бѣду, бросился изъ окна и повредилъ себѣ ногу. Его убили и ужасно ругались надъ трупомъ, который потомъ сожгли, пепелъ положили въ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, изъ которой самозванецъ пришелъ. Послѣ того на престолъ былъ возведенъ бояринъ Василій Ивановичъ *Шуйскій,* но и онъ царствовалъ не болѣе четырехъ лѣтъ. Ему поставлено было въ вину, что онъ выбранъ въ цари не народомъ, а партіей приверженныхъ лицъ. Составился заговоръ и противъ него. Заговорщики также проникли во дворецъ и заставили Шуйскаго принять постриженіе. Русскимъ царствомъ стала управлять боярская Дума; но въ это время русской землѣ пришлось хуже всего.

Еще во время царя Василія Шуйскаго, со стороны Польши и Литвы явился другой самозванецъ, который выдалъ себя тоже за Димитрія царевича (лже-Димитрія 1-го), спасшагося, будто бы, отъ убійцъ. Его сопровождали поляки и казаки. Онъ дошелъ съ ними до с. *Тушина* (въ 15 вер. отъ Москвы) и здѣсь поставилъ свой лагерь. Страшенъ онъ былъ и при Василіи Шуйскомъ, но теперь, безъ царя, онъ сталъ страшнѣе того. При такихъ обстоятельствахъ польскій король Сигизмундъ рѣшился отнять у Россіи г. Смоленскъ и осадилъ его. Смоленскъ защищалъ *Шеинъ* геройски, но въ

Москвѣ нѣкоторые бояре стали подавать мысль избавиться отъ бѣды избраніемъ на всероссійскій престолъ польскаго королевича *Владислава*. Разсчетъ у нихъ былъ такой: если на престолъ будетъ избранъ Владиславъ, то Польша враждовать съ Россіей не станетъ; тогда и самозванецъ не будетъ опасенъ. Эти соображенія взяли верхъ надъ всѣми другими, и Москва дала Владиславу присягу. Присяга давалась на Дѣвичьемъ полѣ предъ паномъ Жолкѣвскимъ, который стоялъ подъ Москвою съ большимъ польскимъ отрядомъ. Послѣ того подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду отправлено было посольство съ предложеніемъ Владиславу россійскаго трона. Въ этомъ посольствѣ были: ростовскій митрополитъ *Филаретъ*, князь *Голицынъ* и до 500 другихъ разныхъ лицъ. При такихъ обстоятельствахъ на поляковъ у насъ стали-было смотрѣть, какъ на друзей, и боярская Дума пустила ихъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы они держали городскую стражу. Поляки заняли Кремль, Китай-городъ и Бѣлый городъ. Но вскорѣ отъ посольства, которое отправлено было къ Смоленску, была получена вѣсть, что оно взято въ плѣнъ и отправлено въ Польшу, что Сигизмундъ сына своего Владислава на русскій престолъ не отпускаетъ, а сѣсть на него хочетъ самъ. Этого допустить было нельзя, и народъ русскій возсталъ.

Гермогенъ, патріархъ Московскій.

Патріархъ Гермогенъ былъ старецъ преклонныхъ лѣтъ. Когда стали говорить объ избраніи Владислава на русскій престолъ, онъ не одобрялъ этихъ мыслей, но, тяготясь безначаліемъ, много не возражалъ. Теперь же, когда стали ясны планы Сигизмунда, Гермогенъ написалъ грамоты, которыми призывалъ русскій народъ на защиту Москвы отъ поляковъ. Грамоты его народъ встрѣтилъ съ восторгомъ: онѣ быстро передавались изъ города въ городъ. Сторонники Польши грозили патріарху. Одинъ изъ такихъ (бояринъ *Салтыковъ*) разъ приступилъ къ патріарху съ ножомъ и требовалъ, чтобы онъ написалъ новыя грамоты, которыми бы воспретилъ ополчаться народу; но Гермогенъ отвѣтилъ ему: „Напишу, если ты, измѣнникъ, выйдешь вонъ изъ Москвы вмѣстѣ со всѣми литовскими людьми, а если нѣтъ, то всѣхъ благословлю умереть за вѣру. Вижу я ей поруганіе и не могу терпѣть“. Потомъ, сотворивши крестное знаменіе, прибавилъ: „а противъ ножа твоего да будетъ крестное знаменіе“. Патріарха отдали подъ стражу, а потомъ заключили въ темницу. Между тѣмъ опол-

ченія собирались подъ Москву съ разныхъ сторонъ. Насчитывали уже до 25-ти такихъ ополченій. Въ Москвѣ начались битвы съ поляками. Поляки терпѣли пораженія. Наконецъ они сожгли Бѣлый городъ и заперлись въ Кремлѣ, гдѣ стали терпѣть тѣсноту и лишенія. Чтобы облегчить свое положеніе, они обращались также къ патріарху Гермогену, обѣщали ему славу и честь; но Гермогенъ былъ непреклоненъ. Онъ говорилъ только одно: „Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на защиту отечества". Говорятъ, что поляки уморили патріарха въ темницѣ голодною смертію.

Неудачное ополченіе противъ поляковъ Прокопія Ляпунова.

Ополченія, собравшіяся къ Москвѣ отъ 25-ти городовъ, не имѣли успѣха: вмѣсто того, чтобы дѣйствовать дружно, они завели между собою раздоры. У каждаго ополченія былъ свой начальникъ; каждому изъ этихъ начальниковъ хотѣлось играть видную роль. Наконецъ для прекращенія ссоръ было рѣшено выбрать распорядителей. Выбрали князя *Трубецкаго* и *Заруцкаго*, которые пришли съ казаками, и думнаго дворянина Прокопія *Ляпунова*, который привелъ ополченіе изъ Рязани. Прокопій Ляпуновъ былъ человѣкъ честолюбивый и неуступчивый; къ тому же онъ болѣе всѣхъ другихъ заботился о благѣ отечества. Въ ополченіяхъ во время стоянки подъ Москвой развелись грабежи и разбои. Это ужасно возмущало его, и онъ выхлопоталъ постановленіе Думы, чтобы воровъ и грабителей ловить и казнить безъ суда. Въ грабежахъ больше другихъ были виновны казаки, и между ними развивалась вражда къ Ляпунову. Отъ имени Ляпунова была составлена подложная грамота, въ которой было написано, „чтобы казаковъ ловили и топили въ рѣкахъ". Казаки возмутились, составили сходку, вызвали Ляпунова и изрубили въ куски. Послѣ этого казаковъ стали бояться и другіе вожди: они стали дѣйствовать вяло, а потомъ и совсѣмъ ушли отъ Москвы, не сдѣлавши для нея почти ничего.

Троице-Сергіева лавра.

Со смертію патріарха Гермогена настало для Россіи самое трудное время: не было царя, не стало и патріарха; Россія была безъ главы, а бѣдствіямъ не видно было конца. Въ московскомъ Кремлѣ сидѣли поляки; подъ Смоленскомъ стоялъ Сигизмундъ; къ Новгороду двигались шведы, которые также имѣли своего претендента на русскій престолъ. Мало-

душные падали духомъ. Тогда на спасеніе отечества и Церкви возстала Свято-Троицкая лавра преподобнаго Сергія.

Эта обитель обнесена была толстыми каменными стѣнами и являлась прекрасною крѣпостью. Трудолюбіемъ иноковъ и жертвами благочестивыхъ людей въ ней собраны были богатства, которыми она могла помогать отечеству въ трудныя минуты его. Поляки нашли нужнымъ взять эту обитель ранѣе самой Москвы, и съ этою цѣлію къ ней посланы были отряды *Лисовскаго* и *Сапѣги*. Но братія монастыря, которой было не болѣе 300 человѣкъ, и до тысячи ратныхъ мужей, надѣясь на прочность монастырскихъ стѣнъ, рѣшились отстаивать эту святую обитель. Польское войско стояло подъ стѣнами Свято-Троицкой лавры 11-ть мѣсяцевъ и громило ее, но она не сдавалась. Не имѣя никакой возможности взять ее, поляки ушли. За то сколько горя осталось послѣ нихъ окрестному населенію... Села были опустошены, народъ ограбленъ, измученъ; многіе были изувѣчены такъ, что на нихъ взглянуть было страшно; всюду по полямъ и лѣсамъ лежали трупы убитыхъ.

Но, какъ только поляки ушли отъ стѣнъ Свято-Троицкой лавры, иноки отворили ворота и предались дѣламъ милосердія; одни копали могилы и погребали въ нихъ мертвыхъ, другіе шли къ умирающимъ. Для больныхъ на монастырскій счетъ построены были больницы; данъ былъ пріютъ и бѣднымъ, ограбленнымъ. Архимандритъ лавры *Діонисій* и келарь Авраамій *Палицынъ* составили къ народу воззванія, чтобы всѣ спѣшили на помощь отечеству. „Бога ради", писали они, „помогите собственнымъ вашимъ страданіямъ. Соединитесь всѣ и спѣшите къ Москвѣ. Не опускайте времени: что можно сдѣлать сегодня, того уже нельзя сдѣлать завтра"...

Такія посланія быстро разлетались по государству и произвели сильное впечатлѣніе. Въ Нижнемъ-Новгородѣ они были встрѣчены особенно глубокимъ сочувствіемъ. Здѣсь руководителемъ народнаго движенія явился земскій староста Кузьма *召Мининъ Сухорукій*.

Мининъ и Пожарскій.

Кузьма Мининъ былъ человѣкъ простой, но честный и прямодушный. Когда протоіерей прочелъ въ соборѣ Троицкую грамоту, Мининъ, выйдя изъ церкви, сталъ говорить простою народною рѣчью: „А захотимъ помочь Русской землѣ, такъ не жалѣть намъ имѣнья своего, не жалѣть ничего: дво-

ры продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ, кто бы у насъ былъ начальникомъ". — „А гдѣ намъ казны взять?" спросилъ кто-то. — „Насъ вотъ собралось въ ополченіе 2.500 человѣкъ, отвѣчалъ Мининъ, — и мы набрали денегъ 1.700 р. У меня было денегъ всего 300 руб., и я отдалъ 100 руб. Такъ поступайте и вы". По его примѣру жертвы посыпались щедрой рукой: кто несъ деньги, кто — вещи. Одна вдова, у которой было 12 т. руб., принесла въ жертву 10 т. руб. И такихъ примѣровъ былъ не одинъ.

Когда былъ поднятъ вопросъ о вождѣ ополченія, указали на князя Димитрія Михайловича *Пожарскаго*. Это былъ человѣкъ вполнѣ преданный отечеству и воинъ отважный. Онъ уже былъ подъ Москвою и въ битвахъ съ поляками получилъ нѣсколько ранъ. Теперь онъ жилъ въ своей усадьбѣ (Užд. уѣзда) и уже выздоравливалъ. Къ нему немедленно отправлено было посольство. Пожарскій сказалъ: „Радъ я вашему совѣту и готовъ итти, но вы позаботьтесь о томъ, кто бы у насъ казну собиралъ", и съ своей стороны указалъ на Минина. Минину и было поручено собирать казну и хранить ее. Мининъ съ честію исполнилъ это, по тому времени, весьма великое дѣло.

Во главѣ этихъ лицъ нижегородское ополченіе пришло подъ Москву, продолжило осаду поляковъ въ Кремлѣ и заставило сдаться. Польскій король Сигизмундъ, узнавши о трудномъ положеніи поляковъ въ Московскомъ Кремлѣ, пошелъ-было помогать имъ, но дорогою услышалъ, что все дѣло его уже потеряно, и воротился назадъ.

Восшествіе на престолъ династіи Романовыхъ.

(1613).

Послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы приступили къ избранію государя. Безначаліе тяжело стало всѣмъ. Собрался земскій соборъ. Всѣ соглашались на томъ, чтобы выбрать царя крови русской, и послѣ нѣкоторыхъ преній вниманіе собора остановилось на Михаилѣ Ѳеодоровичѣ *Романовѣ*, котораго и ранѣе желалъ видѣть на престолѣ патріархъ Гермогенъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ тогда еще юноша (16 лѣтъ), но происходилъ изъ рода знаменитаго, имѣлъ родителя, митрополита Филарета, который всѣмъ былъ извѣстенъ своимъ высокимъ умомъ и любовію къ отечеству. Избраніе Михаила Ѳеодоровича состоялось; Москва дала ему присягу на вѣр-

ность и по всей Россіи посланы были гонцы съ грамотами о томъ.

Въ то время Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ въ своей усадьбѣ (Костр. губ.) вмѣстѣ съ матерью (инокинею Марѳою). Вѣсть о томъ, что онъ избранъ на престолъ, дошла до Костромы скоро и была вѣстью особенно радостною. Но близъ Костромы и Ярославля бродило много поляковъ, прогнанныхъ отъ Москвы. Избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича извѣстно стало и имъ, и вотъ одна шайка поляковъ надумала схватить Михаила и погубить. Отыскивая дорогу къ усадьбѣ Романовыхъ, поляки остановились въ селеніи *Деревницахъ*. Здѣсь злодѣйскіе замыслы ихъ свѣдалъ одинъ старецъ, крестьянинъ села Домнина, Иванъ *Сусанинъ*. Въ простое и доброе сердце его запала рѣшимость погибнуть и тѣмъ спасти царя для русской земли. Сусанинъ изъявилъ желаніе указать полякамъ дорогу и довести ихъ до самой усадьбы Романовыхъ. Тѣ согласились принять эту услугу. Дождавшись вечера, Сусанинъ повелъ ихъ, но не къ усадьбѣ Романовыхъ, а въ лѣсъ, который находился совсѣмъ въ другой сторонѣ. Мятель, которая на этотъ разъ поднялась, дала возможность Сусанину нарочно сбиться съ дороги, такъ что поляки того не замѣтили. Сусанинъ ночью завелъ поляковъ въ непроходимую глушь лѣса и къ утру объявилъ, что итти дальше нельзя, что онъ завелъ ихъ въ глушь лѣса съ тѣмъ, чтобы спасти для Россіи царя. Поляки за это изрубили его, но и сами отъ холода и голода тоже должны были погибнуть. Между тѣмъ Михаилу Ѳеодоровичу дано было знать о томъ, что его ищутъ поляки, и онъ уѣхалъ въ костромской Ипатіевскій монастырь.

Въ Москвѣ, по опредѣленію земскаго собора, составлено было посольство и отправлено въ Кострому просить Михаила Ѳеодоровича, чтобы онъ принялъ всероссійскій престолъ. Ожидали, что онъ будетъ отказываться отъ этой высокой чести, поэтому съ посольствомъ была отправлена въ Кострому глубокочтимая святыня Москвы, Владимирскій образъ Божіей Матери, написанный св. евангелистомъ Лукою, чтобы предъ ликомъ Ея Михаилъ Ѳеодоровичъ не рѣшился отказаться отъ народнаго избранія.

Когда въ Костромѣ узнали, что посольство идетъ изъ Москвы съ иконою Богоматери, подняли изъ соборнаго храма чудотворную икону Божіей Матери, которая именуется *Ѳеодоровскою*. Встрѣча посольства произошла при Ипатіев-

скомъ монастырѣ. Михаилъ Өеодоровичъ и мать его, инокиня Мареа, вышли за ворота монастыря и предъ святыми иконами повергшись ницъ.

Въ соборномъ храмѣ монастыря рязанскій архіепископъ Өеодоритъ, пришедшій въ московскомъ посольствѣ, объявилъ, что Михаилъ Өеодоровичъ избранъ на всероссійскій престолъ и что посольство принесло ему знаки царскаго достоинства. Но Михаилъ отказывался принимать власть, а мать не соглашалась дать ему благословеніе. Шесть часовъ посольство и народъ молили Михаила Өеодоровича согласиться на народное избраніе, но все казалось напраснымъ. Наконецъ, архіепископъ Өеодоритъ взялъ образъ Божіей Матери, подошелъ къ Михаилу и сказалъ: „Вѣрь, что не мы, а эта святыня совершила твое избраніе. Волею Бога сіи святыя иконы совершили путь отъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся“. Этимъ Михаилъ былъ пораженъ, палъ предъ иконою и плакалъ. Палъ онъ потомъ къ ногамъ матери и просилъ, чтобы она благословила его, но она дать благословенія все еще не рѣшалась. Тогда архіепископъ Өеодоритъ сказалъ: „Совершилось! Да будетъ по вашему. Мы идемъ обратно къ Москвѣ и скажемъ, что вы отвергли всѣ мольбы наши и слезы... Пусть русская земля бѣдствуетъ снова“. Не могла послѣ того дольше держаться и Мареа: она произнесла свое благословеніе сыну принять царскій скипетръ. На Михаила Өеодоровича тотчасъ же, по обычаю, возложенъ былъ наперсный крестъ и врученъ ему царскій жезлъ. Послѣ литургіи юный царь, возсѣдая на тронѣ, принималъ искреннія поздравленія. Когда онъ вышелъ изъ храма, народъ привѣтствовалъ его кликами радости, какъ желаннаго царя своего. Три дня продолжался колокольный звонъ, и этотъ день (14 марта) въ Костромѣ положено праздновать каждогодно. Съ тѣхъ поръ династія Романовыхъ царствуетъ въ Россіи до настоящаго времени.

Появленіе въ Литвѣ и юго-западной Руси іезуитовъ.

Въ то время, какъ московская Русь при Іоаннѣ III и Іоаннѣ IV усиливалась новыми завоеваніями, Русь литовская находилась въ упорной внутренней борьбѣ съ Польшею. Полякамъ было выгодно, конечно, соединить юго-западную Русь съ Польшею окончательно, и они всѣми силами старались добиться этого соединенія. Между тѣмъ русское населеніе юго-западной Руси всячески старалось сохранить свою само-

бытность. Со времени Ягайла около двухъ вѣковъ тянулся этотъ вопросъ о соединеніи литовской Руси съ Польшею и не могъ никакъ разрѣшиться. Наконецъ, поляки прибѣгли къ средству, которое казалось имъ самымъ надежнымъ и вѣрнымъ: они приняли къ себѣ іезуитовъ, которыхъ потомъ провели въ Литву и Русь юго-западную.

Іезуитами назывались члены такъ называемаго іезуитскаго ордена. Этотъ орденъ основанъ въ половинѣ XVI в. однимъ испанскимъ дворяниномъ, Игнатіемъ *Лойолой*. Главною цѣлью этого ордена была борьба съ новой вѣрой, которую образовалъ *Лютеръ*, профессоръ одного нѣмецкаго университета. Въ орденъ іезуитовъ имѣлъ право поступать всякій желающій, но принимался только тотъ, который выдерживалъ продолжительное испытаніе и обнаруживалъ въ себѣ способности быть надежнымъ іезуитомъ. Небходимымъ требованіемъ отъ каждаго іезуита было безпрекословное подчиненіе старшимъ. Главнымъ правиломъ жизни была поставлена ложная мысль: „добрая цѣль (намѣреніе) оправдываетъ и порочныя средства". Такимъ образомъ іезуиты были люди преданные тому дѣлу, которое имъ поручалось, и добивались своихъ цѣлей всякими способами. Такихъ-то людей поляки и провели въ литовскую Русь, чтобы они уничтожали тамъ православіе и сближали русскій народъ съ польскимъ народомъ.

Сигизмундъ-Августъ, послѣдній король польскій изъ дома Ягайло, сильнѣе всѣхъ своихъ предковъ желалъ, чтобы народъ юго-западной Руси былъ соединенъ съ польскимъ народомъ. Онъ первый допустилъ іезуитовъ въ Польшу, а потомъ и въ Вильну, столицу литовскаго княжества. Въ юго-западную Русь іезуиты были приняты при королѣ Стефанѣ Баторіи.

Люблинская унія.

Соединеніе Польши съ литовскимъ государствомъ окончательно состоялось на сеймѣ въ г. *Люблинѣ* (1569), а потому оно получило названіе *Уніи Люблинской.*

Литовцамъ очень не хотѣлось соединенія съ Польшею, такъ какъ они опасались, что поляки, подчинивши себѣ Литву и съ нею юго-западную Русь, станутъ распоряжаться въ этихъ земляхъ, какъ и въ Польшѣ; вслѣдствіе этого они своего согласія на унію не давали. Но дѣло устроилось и безъ того. Король Сигизмундъ-Августъ собралъ представителей отъ поляковъ и литовцевъ у себя во дворцѣ, дозволилъ имъ

засѣдать въ двухъ смежныхъ комнатахъ и во время засѣданій постоянно переходилъ отъ однихъ къ другимъ, то уговаривая къ уступкамъ, то настаивая на нихъ. Старанія его сдѣлали то, что обѣ стороны согласились имѣть у себя одного короля, одинъ общій сеймъ и одинъ общій сенатъ; но какъ полякамъ, такъ и литовцамъ дозволялось выбирать себѣ своихъ особыхъ начальниковъ: канцлеровъ, подканцлеровъ, маршала, гетмана и проч. И поляки, и литовцы имѣли право содержать особыя свои войска и судиться по своимъ особымъ законамъ.

Брестскій соборъ.

Соединеніе государствъ польскаго и литовскаго, принятое на Люблинскомъ сеймѣ, казалось полякамъ непрочнымъ; поэтому іезуиты стали стараться о томъ, чтобы соединить литовско-русскій народъ съ польскимъ и по религіи. Такъ какъ православные чуждались католичества, то придумано было воспользоваться уніею, которая была выработана еще слишкомъ за полтораста лѣтъ до того во Флоренціи. По Флорентинской уніи, православнымъ (грекамъ) предоставлялось право содержать православное ученіе вѣры и православные обряды, но предписывалось обязательно признавать папу главою Церкви. Католики оставались при своемъ ученіи. Эта унія на соборѣ въ Флоренціи была утверждена, но православнымъ народомъ отвергнута. Чтобы ввести ее теперь въ Руси литовской нужно было собирать соборъ снова. И вотъ, при польскомъ королѣ Сигизмундѣ III (изъ фамиліи Ваза) это дѣло было внесено на соборъ въ г. *Брестѣ*. Этотъ соборъ благословилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, который по дѣламъ своей церкви пріѣзжалъ тогда въ Москву. Брестскій соборъ открылъ свои засѣданія въ 1590 году; но съ первыхъ же засѣданій рѣшенія его стали клониться въ пользу уніи, хотя въ то же время сильна была и сторона православная. Тогда іезуиты постарались склонить на свою сторону нѣкоторыхъ православныхъ епископовъ, и по ихъ мысли секретно отъ православныхъ составленъ былъ актъ о рѣшеніи собора подчиниться папѣ. Съ этимъ подложнымъ актомъ отправились въ Римъ къ папѣ послами два архіерея (со стороны православныхъ): *Кириллъ* Терлецкій (еп. луцкій) и *Ипатій* Поцѣй (еп. владимирскій). Папѣ Клименту VIII очень отрадно было слышать о такомъ рѣшеніи южно-русскаго собора, и онъ устроилъ по этому случаю въ Римѣ особое торжество: нака-

нунѣ дня Рождества Христова въ храмѣ св. Петра онъ совершилъ вечерню вмѣстѣ съ южно- русскими послами, которымъ было дозволено быть въ православномъ облаченіи.

Когда же названные послы возвратились домой, ихъ встрѣтили съ негодованіемъ. Князь Острожскій, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ защитниковъ православія, и другіе представители православія заявили королю, что православный народъ уніи не принимаетъ. Король велѣлъ собрать соборъ въ томъ же г. Брестѣ (1596). Соборъ составился изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ какъ православныхъ, такъ и католиковъ. Депутатовъ на соборъ явилось много. На сторонѣ православныхъ были и два экзарха отъ восточныхъ патріарховъ [1]). Приверженцы уніи не захотѣли засѣдать съ православными вмѣстѣ. Ипатій Поцѣй, въ епархіи котораго собрался соборъ, устроилъ дѣло такъ, что уніаты собрались въ храмѣ, а православные принуждены были открыть свои засѣданія въ частномъ домѣ, потому что Поцѣй всѣ храмы въ городѣ велѣлъ запереть. Православные отъ имени собора подали королю Сигизмунду III актъ, которымъ было рѣшено *унію не принимать;* а уніаты подали ему свое рѣшеніе—*унію ввести* и противниковъ ея отлучить отъ Церкви. Сигизмундъ, слушавшій болѣе іезуитовъ, отвѣтилъ на это разногласіе манифестомъ, въ которомъ объявлялъ унію православною, а противниковъ ея еретиками... Православной сторонѣ было поставлено въ вину даже и то, что представители ея собрались не во храмѣ.

Послѣ этого іезуитамъ открылся полный просторъ для борьбы съ православіемъ, и они повели эту борьбу хитро и искусно. Самое главное вниманіе они обратили на школы, въ которыхъ за обученіе не брали платы. Безмездное обученіе привлекало въ школы и православныхъ, которые изъ нихъ стали выходить уже католиками.

Патріархъ Никонъ.

Патріархъ Никонъ былъ сынъ крестьянина нижегородской губерніи, села Вильдеманова. Въ миру звали его *Никитой.* Отецъ Никиты былъ очень бѣденъ, и дѣтство его оставило въ немъ воспоминанія горькія. Такъ, когда Никита былъ еще ребенокъ, умерла у него мать. Отецъ женился въ другой разъ, но мачиха не возлюбила Никиту: онъ дол-

---

[1]) Отъ константинопольскаго—Никифоръ и александрійскаго—Кириллъ.

женъ былъ выносить отъ нея часто напрасную брань и побои. Нелюбовь мачихи къ Никитѣ доходила иногда до того, что она готова была погубить его, но это ей не удавалось [1].

Впрочемъ, нужда и горе не погубили Никиты: онъ былъ мальчикъ способный и нашелъ для себя утѣху и поддержку въ ученьѣ. Никто не замѣтилъ, какъ онъ научился читать и писать; никто не видалъ, какъ и гдѣ онъ доставалъ себѣ книгъ. Книги попадались ему больше божественныя; онъ увлекался чтеніемъ ихъ, описаніемъ подвиговъ благочестивыхъ людей и съ дѣтства сталъ думать о спасеніи своей души. И вотъ, когда ему было еще только 12 годовъ, онъ ушелъ изъ родительскаго дома на житье въ монастырь. Здѣсь строгостью жизни онъ сталъ удивлять даже монаховъ: что ни заставляли его дѣлать, онъ исполнялъ безпрекословно и съ удовольствіемъ. За церковную службу онъ приходилъ ранѣе всѣхъ. Чтобы не проспать заутрени, онъ иногда ложился спать на колокольнѣ подъ самыми колоколами.

Но семья у отца его была большая и все родство бѣдное. Всѣ родные смотрѣли на Никиту, какъ на добраго помощника и надежную поддержку, а потому стали просить, чтобы онъ вышелъ изъ монастыря, женился и занялся хозяйствомъ. Никита уступилъ просьбѣ родныхъ и оставилъ монастырь.

Возвратившись въ свое родное село, Никита занялся крестьянскими работами, но читать книги не переставалъ. О вѣрѣ и благочестіи онъ зналъ уже много и въ крестьянской средѣ рѣзко отличался отъ всѣхъ. О немъ много говорили, хотя онъ и былъ еще молодъ.

Грамотныхъ людей тогда у насъ было мало; школы были рѣдкостью; архіереи иной разъ не находили кого ставить во священники. Никитѣ шелъ 20-й годъ, когда въ сосѣднемъ селѣ не стало священника. Приходъ обратился къ Никитѣ съ просьбою, чтобы онъ согласился принять священство. Никита согласіе далъ и былъ посвященъ.

Въ г. Макарьевѣ, невдалекѣ отъ села, гдѣ Никита священствовалъ, тогда была знаменитая *Макарьевская* ярмарка;

[1]) Однажды зимой Никита очень озябъ. Чтобы согрѣться, онъ влѣзъ въ печь и тамъ уснулъ. Мачиха замѣтила это, наложила въ печь дровъ и затопила ее, разсчитывая, что нелюбимый пасынокъ въ печи погибнетъ, а она объяснитъ дѣло нечаянностью. Но чего она хотѣла, того не случилось: отъ дыма въ печи Никита проснулся и закричалъ. Крикъ услышала сосѣдка и спасла его. Въ другой разъ мачиха надумала его отравить. Въ кушанье она подсыпала мышьяку, но и здѣсь ей не удалось: Никита ѣлъ мало и, почувствовавши тошноту, сталъ пить воду, такъ что ядъ не подѣйствовалъ.

на нее съѣзжались купцы не только изъ разныхъ городовъ русской земли, но изъ разныхъ странъ. Московскіе купцы, бывавшіе на этой ярмаркѣ, наслушались о Никитѣ много хорошаго и пожелали, чтобы онъ перешелъ служить къ нимъ въ Москву. Никита перешелъ въ столицу, прослуживъ въ селѣ только два года. Жить и служить въ Москвѣ было ему хорошо, но его постигло жестокое горе: у него умерли дѣти. Оставшись безсемейнымъ, Никита уговорилъ свою жену постричься въ монахини и самъ ушелъ въ монастырь.

Въ монастырь онъ ушелъ не для славы и почестей, а для подвиговъ благочестія; поэтому онъ выбралъ себѣ обитель самую бѣдную и отдаленную. Это—Анзерскій скитъ на Бѣломъ морѣ. При постриженіи онъ получилъ имя *Никона*. Изъ Анзерскаго скита, вслѣдствіе непріятностей, ему пришлось скоро уйти въ другой, еще болѣе бѣдный скитъ, гдѣ трудно было добывать себѣ пропитаніе. Строгая жизнь въ этомъ скиту обратила на него вниманіе иноковъ, и онъ избранъ былъ въ настоятели. По нуждамъ монастыря теперь ему приходилось нерѣдко ѣздить въ Москву, гдѣ разъ онъ былъ представленъ даже самому царюАлексѣю Михайловичу. Царь съ нимъ бесѣдовалъ. Высокій ростъ, величественная осанка умная рѣчь Никона царю очень понравились, и онъ велѣлъ перевести его въ московскій (Новоспасскій) монастырь. Царь сблизился съ нимъ: сталъ часто приглашать его къ себѣ для бесѣды какъ о дѣлахъ вѣры, такъ и для разсужденій по дѣламъ управленія. Никонъ сочувствовалъ бѣднымъ, обиженнымъ и предъ царемъ сталъ ходатайствовать за нихъ. Царю это нравилось, и онъ велѣлъ Никону являться съ челобитными каждую пятницу. Между царемъ и Никономъ образовалась тѣсная дружба. Никонъ тогда былъ архимандритомъ.

Когда Никону минуло 42 года, въ Новгородѣ умеръ митрополитъ; царь пожелалъ, чтобы митрополитомъ сдѣланъ былъ Никонъ. Въ Новгородѣ Никонъ оказалъ царю большую услугу. Новгородцы произвели бунтъ противъ нѣмцевъ. Мѣстныя гражданскія власти не могли усмирить этотъ бунтъ. Никонъ явился къ бунтовщикамъ, надѣясь уговорить ихъ, но тѣ подвергли его такимъ жестокимъ побоямъ, что онъ потомъ харкалъ кровью и едва въ этотъ день отслужилъ литургію. Затѣмъ Никонъ снова явился къ бунтовщикамъ и добился того, что они успокоились и раскаялись. Царь благодарилъ Никона и въ письмѣ называлъ его „страстотерпцемъ“. Онъ полюбилъ Никона еще болѣе, и когда въ Мо-

сквҍ умеръ патріархъ *Іосифъ*, царь пожелалъ, чтобы патріархомъ сдѣланъ былъ Никонъ. Никонъ сначала отказывался отъ патріаршества: онъ уже замѣтилъ, что въ церкви завелось много безпорядковъ, которые находилъ нужнымъ исправить. Исправленіе должно было вызвать противодѣйствіе. Услышавъ отказъ Никона отъ патріаршества, царь и народъ собрались въ Успенскомъ соборѣ, пали предъ Никономъ ницъ и со слезами молили о томъ, чтобы онъ принялъ патріаршій престолъ. Тогда Никонъ, обратившись ко всѣмъ, спросилъ: „будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца и дадутъ ли исправить церковь". Послѣдовало общее согласіе съ клятвою. Никонъ сдѣлался патріархомъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Царь до того расположился къ Никону, что дозволилъ ему именоваться въ грамотахъ „Великимъ Государемъ".

Но Никонъ былъ человѣкъ вообще нрава крутого. Съ боярами иногда онъ обращался гордо, а съ духовенствомъ даже жестоко. Тѣ и другіе не возлюбили его и постарались смутить какъ царя, такъ и народъ.

Недоброжелатели Никона постарались внушить царю, что Никонъ хочетъ быть выше его. Они повели дѣло такъ искусно, что цѣлей достигли. Царь сталъ на Никона гнѣваться, перестаъ приглашать его къ себѣ и вообще сталъ избѣгать всякихъ встрѣчъ съ нимъ. Никонъ это понялъ и рѣшилъ удалиться отъ царскаго гнѣва. Видѣться съ царемъ и объясниться съ нимъ Никону враги не дозволили. И вотъ, однажды, послѣ литургіи, Никонъ снялъ съ себя патріаршее облаченіе, надѣлъ простую монашескую рясу и уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, который названъ былъ Новымъ Іерусалимомъ. Здѣсь онъ прожилъ восемь годовъ. Царь вообще тяготился этимъ раздоромъ; много разъ онъ выражалъ желаніе примириться съ Никономъ; но недруги Никона помѣшали и этому. Они склонили царя отдать Никона на судъ собора. Царь пригласилъ въ Москву восточныхъ патріарховъ. Прибыли патріархи антіохійскій и александрійскій и составили въ Москвѣ соборъ вмѣстѣ съ русскими архіереями. На соборѣ (1666) Никонъ обвиненъ былъ въ томъ, что самовольно оставилъ престолъ. Оправданій его не приняли, и онъ сосланъ былъ на житье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ этомъ монастырѣ онъ прожилъ 15 годовъ. Простилъ его уже царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ: онъ позволилъ ему возвратиться въ Воскресенскій монастырь; но Никонъ былъ уже старъ и на пути умеръ въ Ярославлѣ (ему тогда было 76 л.).

Соборный судъ и болѣе того навѣты враговъ смутили насчетъ Никона и народъ. Весьма многіе стали думать и говорить, что Никонъ, бывши патріархомъ, исказилъ вѣру и древнее благочестіе, испортилъ древнія книги, ввелъ новые церковные обряды. Такое мнѣніе о Никонѣ утвердилось въ народѣ такъ крѣпко, что и доселѣ у насъ много такихъ, которые называютъ его еретикомъ и даже антихристомъ.

На самомъ же дѣлѣ Никонъ ни въ чемъ томъ не виновенъ. Дѣло было такъ: православная вѣра Христова при Владимирѣ принята была нами отъ грековъ. Тогда же пришли къ намъ православные священники и научили насъ православному богослуженію и обрядамъ. Какъ учили они совершать богослуженіе и обряды, это осталось неизвѣстнымъ, но послѣ обнаружилось, что на Руси какъ въ богослуженіи, такъ и въ обрядахъ появились разности [1]). Разности стали замѣчаться и въ богослужебныхъ книгахъ. Онѣ произошли отъ того, что до временъ Іоанна IV книги у насъ не печатались, а писались. Переписчики иной разъ ошибались. Къ тому же многіе изъ нихъ бывали настолько невѣжественны, что, не понимая нѣкоторыхъ словъ, сами замѣняли ихъ невѣрными и неточными выраженіями, которыя иногда давали рѣчи смыслъ, несогласный съ ученіемъ истинной вѣры. Когда книги стали печатать, ошибки остались и въ нихъ. По недостатку просвѣщенія, сначала не замѣтили ихъ, а потомъ, когда стали обращать на нихъ вниманіе, стали и исправлять. Исправленіе книгъ производилось и ранѣе Никона, при патріархахъ *Филаретѣ* и *Іосифѣ*, но справщики были неопытные. Книгъ они не исправили, но напечатали въ громадномъ количествѣ и разослали по церквамъ. Никонъ обращалъ вниманіе на разность въ книгахъ и церковныхъ обрядахъ, еще въ то время, когда былъ новгородскимъ митрополитомъ. Онъ разсуждалъ, что какъ церковь Христова одна, такъ одно дол-

[1]) Одни, напр., крестное знаменіе во время молитвы изображали на себѣ тремя перстами, а другіе—двумя. Въ однихъ монастыряхъ и церквахъ крестные ходы, равно какъ и всѣ хожденія, совершали по солнцу, а въ другихъ—противъ солнца. Въ однѣхъ церквахъ напрестольные кресты употреблялись четырехконечные, а въ другихъ—пятиконечные, шести-,семи-и восьмиконечные. Въ однихъ мѣстахъ пѣли „аллилуіа“ дважды и въ третій разъ прибавляли „Слава, Тебѣ Боже“, а въ другихъ пѣли „аллилуіа„ трижды и кромѣ того прибавляли „Слава, Тебѣ Боже“. Слово Іисусъ въ книгахъ писалось также различно: въ однѣхъ встрѣчалось „іс҃ъ“, въ другихъ „исусъ“, въ третьихъ „Іисусъ“ и т. д.

жно быть въ ней и ученіе, одинаковы и обряды. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ задался мыслію привести церковное дѣло къ единообразію. Заручившись согласіемъ царя и народа на исправленіе церковныхъ дѣлъ, при своемъ вступленіи на патріаршій престолъ, Никонъ испросилъ еще одобреніе этого дѣла у патріарха константинопольскаго и потомъ въ Москвѣ составилъ соборъ. На соборѣ и въ Москвѣ, кромѣ русскаго духовенства были два патріарха—*антіохійскій* и *сербскій*. Соборъ положилъ исправить богослужебныя книги; не согласился съ этимъ только епископъ коломенскій *Павелъ*, но на него не обращено было вниманія, потому что это былъ человѣкъ гордый, самолюбивый и непокорный.

Принявшись за дѣло, Никонъ поручилъ его ученому іеромонаху Епифанію *Славинецкому* съ товарищами его. Самъ Никонъ старался доставить Славинецкому все, что было нужно для исправнаго исполненія дѣла. Такъ, онъ отдалъ въ его распоряженіе типографію, которая была въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ, собралъ множество древнихъ рукописей изъ разныхъ русскихъ монастырей; до 500 древнихъ рукописей было привезено съ Аѳонской горы. Вновь исправленныя книги Никонъ велѣлъ напечатать и разослать по всѣмъ русскимъ церквамъ, а прежніе книги велѣлъ отъ церквей отобрать.

Рѣшительными дѣйствіями Никона оскорбились прежде всего справщики богослужебныхъ книгъ, напечатанныхъ до Никона. Они возстали и смутили народъ, внушая ему, что Никонъ книги испортилъ и древнее благочестіе, въ которомъ спасались св. отцы, исказилъ. Порицая патріарха Никона, они не воздерживались произносить хулы и на святую православную церковь, какъ русскую, такъ и греческую. Противъ нихъ тотчасъ же были приняты мѣры: кого наказали, кого сослали, а кого и казнили; кто принесъ раскаяніе, тотъ былъ прощенъ. Но строгія мѣры не уничтожили смуты. Смущенныхъ оказалось такъ много, что они образовали въ православной русской церкви „расколъ старообрядчества“, который существуетъ доселѣ.

Такимъ образомъ изъ хода дѣла видно, что Никонъ ревностно принялся за исправленіе ошибокъ въ богослужебныхъ книгахъ и уклоненій въ обрядахъ, что онъ слишкомъ круто повелъ это дѣло и раздражилъ упорныхъ противниковъ, которые смутили народъ. Что же касается самаго исправленія книгъ, то оно сдѣлано было исправно. Соборъ (1666 года),

осудившій Никона и лишившій его патріаршей каѳедры, разсматривалъ исправленныя при немъ книги и одобрилъ ихъ, а православная русская церковь по этимъ книгамъ совершаетъ свое богослуженіе и до настоящихъ временъ.

Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи къ Россіи.

Малороссія (Малая Россія), отторгнутая отъ Руси Великой еще при первыхъ литовскихъ князьяхъ, соединилась съ московскимъ царствомъ только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (въ XVII вѣкѣ). Случилось это такъ: поляки и іезуиты разсчитывали перевести литовско-русскій народъ въ католичество. Многіе литовскіе дворяне дѣйствительно скоро стали католиками, потому что съ переходомъ въ католичество они получали въ Литвѣ права польской шляхты. Но простой народъ ни за что не хотѣлъ отстать отъ православія и готовъ былъ выносить всѣ притѣсненія. Православный русскій простолюдинъ доведенъ былъ до того, что не могъ ни продать, ни купить безъ того, чтобы не заплатить пошлину пану. Чтобы помолиться въ храмѣ, освятить себя таинствами или священными обрядами церкви, ему было нужно также платить аренду жиду, которому православные храмы отдавались на откупъ.

Слишкомъ полвѣка страдалъ такимъ образомъ православный южно-русскій народъ отъ поляковъ. Наконецъ терпѣніе его истощилось, и онъ возсталъ противъ польскаго ига. На помощь ему здѣсь явились днѣпровскіе казаки съ гетманомъ Богданомъ *Хмельницкимъ*.

Богданъ Хмельницкій былъ казакъ, но человѣкъ умный и ловкій. Свое образованіе онъ получилъ сначала въ кіевскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ одной іезуитской школѣ. Какъ грамотный и смышленый казакъ, онъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ казаковъ, и они выбрали его войсковымъ писаремъ. Это была должность видная, потому что писарь завѣдывалъ всѣми дѣлами казачества. Хмельницкій умѣлъ ладить и съ поляками, и съ казаками; но случилось обстоятельство, которое заставило его встать открыто противъ Польши за Малороссію.

Послѣ отца ему достался въ наслѣдство хуторъ. Хуторъ этотъ понравился одному польскому пану *Чаплинскому*, и

онъ его у Хмельницкаго отнялъ. Девятилѣтній сынъ Хмельницкаго сказалъ ему что-то грубое, и онъ засѣкъ его розгами до смерти. Говорятъ, что Чаплинскій взялъ къ себѣ и жену Хмельницкаго.

Хмельницкій обращался съ жалобой на Чаплинскаго въ судъ, но въ судѣ отъ польскихъ пановъ встрѣтилъ однѣ только насмѣшки. Тогда онъ отправился къ польскому королю Владиславу, но въ Польшѣ король безъ согласія пановъ не могъ распорядиться ничѣмъ. Онъ, говорятъ, выразилъ Хмельницкому свое сочувствіе, но возвратить хуторъ ему отказался. Послѣ того Хмельницкій рѣшилъ обратиться къ казакамъ, чтобы возбудить ихъ къ возстанію противъ поляковъ.

Поѣхалъ онъ изъ Польши домой и останавливался чуть ли не въ каждомъ селеніи, собиралъ народъ въ кругъ и говорилъ, что въ Польшѣ нѣтъ правды, что русскій народъ можетъ облегчить свое положеніе только возстаніемъ, что возстанію помогутъ казаки. Вездѣ встрѣчалъ онъ сочувствіе и убѣждался въ успѣхѣ возстанія.

Послѣ того Хмельницкій побывалъ въ Запорожьѣ. Запорожскіе казаки обѣщались помочь. Былъ Хмельницкій затѣмъ у крымскихъ татаръ, обѣщались помочь ему и они.

По воззваніямъ Хмельницкаго быстро стали собираться казацкіе полки. Поляки узнали о казацкомъ движеніи, собрали значительныя силы и выступили къ потоку *„Желтыя воды"*. Главнымъ предводителемъ ихъ былъ коронный гетманъ *Потоцкій*. Поляки посмотрѣли на казаковъ съ полнымъ презрѣніемъ. „Противъ такого сброда не стоитъ пуль тратить,—говорили они,—мы ихъ разгонимъ плетьми". У нихъ было не мало пушекъ, тогда какъ у казаковъ не было ни одной.

Но при Желтыхъ водахъ поляки потерпѣли полное пораженіе. Хмельницкому удалось нанести полякамъ пораженіе еще подъ *Корсунемъ*. Первые успѣхи воодушевили украинскій народъ. Крестьяне шли толпами къ казакамъ. Иные, вооружась чѣмъ попало, нападали на имѣнія пановъ и разоряли ихъ, жгли католичекіе костелы, а жидовъ-арендаторовъ мучили и убивали. Возстаніе охватило всю Украйну, и ни разу Польша не была еще въ такомъ затруднительномъ положеніи, въ какомъ очутилась теперь. Въ это время король Владиславъ умеръ; на его мѣсто избранъ былъ *Янъ-Казимиръ*. Хмельницкій надѣялся получить отъ него льготы. И дѣйствительно, Янъ-Казимиръ заключилъ съ казаками пере-

миріе: но оно продолжалось не долго. Вскорѣ у поляковъ съ казаками произошла страшная рѣзня подъ г. *Зборовомъ*: въ ней не щадилъ себя и король; сѣчу прекратила только глубокая ночь. Казаки одержали бы надъ поляками полную побѣду, но Хмельницкій вдругъ остановилъ бой. Онъ не хотѣлъ сражаться съ королемъ и губилъ только пановъ. Въ Зборовѣ былъ заключенъ договоръ. Хмельницкій былъ принятъ королемъ на аудіенцію. Ставши предъ нимъ на колѣна, онъ оправдывалъ себя такъ: „мы возстали, говорилъ онъ, только противъ тѣхъ, которые позорили насъ, какъ пресмыкающихся, которые угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ. И скотъ, если его мучатъ, бодается“.

Но и Зборовскій миръ продолжался не долго. Черезъ годъ казаки сошлись съ поляками при *Берестечкѣ*. Наступленіе дѣлали поляки, а казаки укрѣплялись въ обозѣ. Съ перваго же раза можно было замѣтить, что казакамъ не одолѣть. Продержавшись въ обозѣ нѣсколько времени, казаки отступили, а поляки опустошили Кіевъ, Черниговъ и другіе города [1]). Спустя нѣсколько времени Хмельницкій напалъ на поляковъ при мѣстечкѣ *Бѣлая Церковь*; но здѣсь ясно увидѣлъ, что дальше продолжать войну невозможно, и вступилъ въ переговоры о мирѣ. Полякамъ сдѣланы были большія уступки. На этотъ миръ негодовалъ весь малороссійскій народъ. Хмельницкій понялъ, что недовольство устремлено на него, и сталъ усиленно хлопотать о союзѣ съ государемъ московскимъ.

Въ Покровъ день (1654 г.), послѣ литургіи, царь Алексѣй Михайловичъ собралъ соборъ въ Грановитой Палатѣ. По его повелѣнію, дьякъ объявилъ челобитную, которую прислалъ государю Хмельницкій. Вопросъ представлялся нелегкимъ: принять Малороссію подъ власть Россіи значило готовиться къ войнѣ съ Польшею, которая, какъ можно было видѣть, безъ войны намъ не уступитъ эту страну. Но на соборѣ было положено: „Малороссію подъ власть Россіи принять и войну Польшѣ, если потребуется, объявить“. Получивши такое рѣшеніе, Хмельницкій созвалъ въ Переяславлѣ „Великую раду“. На нее онъ явился во всемъ своемъ величіи и торжественно сказалъ рѣчь: „всѣмъ намъ, говорилъ онъ, несносно стало жить безъ царя. Изберите себѣ

---

[1]) Здѣсь Хмельницкому повредило то, что ему измѣнилъ татарскій ханъ, который бѣжалъ съ поля битвы.

государя изъ четырехъ, кого хотите: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя московскаго. Царь турецкій—басурманъ, ханъ крымскій тоже басурманъ, объ угнетеніяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить; сами знаете, что они всегда лучше почитали жида и собаку, чѣмъ нашего брата-христіанина. А православный царь восточный одного съ нами благочестія, единаго закона и исповѣданія. Онъ склонилъ къ намъ теперь свое милостивое сердце и прислалъ своихъ ближнихъ людей съ царскою милостію... Кто же съ нами не согласенъ, тому вольная дорога итти, куда хочетъ". Вся толпа закричала: „волимъ подъ царя московскаго, православнаго!"

Такъ рѣшился вопросъ о подданствѣ Малороссіи подъ власть Россіи Великой. Болѣе десяти лѣтъ Москвѣ пришлось вести съ поляками войны, которыя много ослабили силы польскаго государства.

Петръ Великій.

(1682—1725).

Воспитаніе его.

Петръ Великій былъ сынъ царя Алексѣя Михайловича, внукъ Михаила Θеодоровича. Онъ родился 30 мая 1672 года отъ второй супруги царя Алексѣя Михайловича, Натальи Кирилловны *Нарышкиной*. Послѣ смерти своего отца Петръ остался трехъ лѣтъ. Но у царя Алексѣя Михайловича, кромѣ дочерей, было еще два сына отъ перваго брака его съ Марьей Ильиничной Милославской. Когда царь Алексѣй Михайловичъ умеръ, старшій изъ сыновей Θеодоръ занялъ престолъ. Θеодоръ былъ человѣкъ добрый и умный, но слабость здоровья не обѣщала ему долголѣтія. Онъ царствовалъ всего шесть лѣтъ и умеръ бездѣтнымъ. По старшинству долженъ былъ вступить на престолъ другой сынъ Алексѣя Михайловича родной братъ Θеодора по матери, *Іоаннъ* Алексѣевичъ; но онъ былъ слабъ, какъ говорили, и тѣломъ и духомъ. Многимъ, поэтому, желалось передать престолъ въ руки *Петра*, которому тогда было всего 10 лѣтъ.

Доколѣ на престолѣ былъ Θеодоръ Алексѣевичъ, Петру пришлось жить вмѣстѣ съ матерью въ с. Преображенскомъ. Это устроили, вѣроятно, Милославскіе, которыхъ Нарыш-

кины въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича успѣли было отстранить отъ двора. Отношенія между Петромъ и матерью его, Натальею Кирилловною, были самыя нѣжныя. Наталья Кирилловна заботилась о томъ, чтобы дать своему сыну образованіе, и на пятомъ году отъ рожденія онъ посаженъ былъ за ученье. Первоначальное обученіе было поручено дьяку Никитѣ Моисѣевичу *Зотову*. Помолившись Богу, Зотовъ предъ царственнымъ ученикомъ своимъ сдѣлалъ земной поклонъ и сталъ учить его. Кромѣ чтенія и письма, онъ не мало дѣлалъ ему разсказовъ о дѣяніяхъ Св. Владиміра, Александра Невскаго, Іоанна Грознаго и др., не мало показывалъ ему потѣшныхъ картинокъ, на которыхъ были нарисованы знаменитыя зданія, города, корабли, оружія и разныя астрономическія явленія. Петръ былъ мальчикъ умный, бойкій и любознательный; но Зотовъ былъ ученъ мало, а потому скоро былъ взятъ отъ Петра. Тогда Петръ остался одинъ, только съ дядьками, на которыхъ лежала обязанность воспитанія. Но и при дядькахъ жизнь Петра въ с. Преображенскомъ сложилась иначе, чѣмъ должна была сложиться во дворцѣ и столицѣ: въ деревенской тиши можно было выпустить царевича погулять и на улицу, можно было дозволить ему поиграть и порѣзвиться съ другими дѣтьми, и Петръ былъ выпущенъ изъ дворца на улицу, на свободу.

Въ развлеченіяхъ и забавахъ Петра скоро замѣтили склонность къ игрѣ въ солдаты, и ему было дозволено набрать себѣ изъ дѣтей такъ называемые „потѣшные полки“. Петръ сталъ учить ихъ маршировкѣ, строилъ съ ними примѣрные укрѣпленія, дѣлалъ къ нимъ примѣрные приступы и самъ незамѣтно учился военному дѣлу.

На десятомъ году Петръ былъ избранъ въ цари (1682), но на первыхъ порахъ онъ долженъ былъ раздѣлить власть со старшимъ братомъ своимъ Іоанномъ, а сестра ихъ, царевна Софія (отъ Милославской), за малолѣтствомъ Петра и болѣзненностью Іоанна, была объявлена правительницею. При такихъ обстоятельствахъ, Петръ опять оставленъ былъ жить въ с. Преображенскомъ; въ Москву и во дворецъ онъ являлся только тогда, когда было нужно (напр., для торжественныхъ церемоній, или для пріема иностранныхъ пословъ). Потѣшные полки сдѣлались главнымъ и задушевнымъ его развлеченіемъ. Нерѣдко происходили примѣрныя сраженія потѣшныхъ полковъ со стрѣлецкими. Изъ нихъ самое боль-

мое произошло подъ д. Кожухово и названо „походомъ Кожуховскимъ“ [1]).

Другимъ родомъ развлеченій для Петра было катанье на лодкахъ. На эту забаву Петръ натолкнулся случайно. Однажды онъ въ с. Измайловѣ осматривалъ старыя вещи своего дѣда и между ними въ сараѣ замѣтилъ судно, или ботикъ, который при помощи парусовъ могъ плавать и противъ вѣтра. Этотъ ботикъ для него былъ исправленъ. Катанье на немъ такъ заинтересовало Петра, что онъ въ этой забавѣ сталъ проводить цѣлые дни. Сначала онъ катался на прудѣ въ с. Измайловѣ, потомъ на р. Яузѣ, затѣмъ переѣхалъ на Переяславское озеро, а тамъ перебрался и на Бѣлое море, въ Архангельскъ.

Кромѣ того, большой интересъ доставляло Петру знакомство съ иностранцами. Иностранцы стали появляться у насъ со временъ Іоанна III и, подъ именемъ гостей, жили близъ Москвы въ особой слободѣ, которая получила названіе „нѣмецкой“. Занимались они здѣсь торговлей и разными ремеслами, но были между ними и люди служилые. Пользуясь свободой, Петръ посѣщалъ ихъ слободу часто, принималъ ихъ къ себѣ и любилъ слушать разсказы о житьѣ и бытьѣ за границей. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ даже сблизился. Такими были женевецъ *Лефортъ* и шотландецъ *Гордонъ*. Впослѣдствіи Петръ взялъ ихъ ко двору, и они сдѣлались близкими друзьями его.

Поѣздка Петра за границу.

Наслушавшись отъ иностранцевъ о жизни за границей, Петръ не могъ не понять, что тамъ знаютъ больше, чѣмъ русскіе; поэтому, сдѣлавшись единодержавнымъ государемъ русской земли [2]), онъ порѣшилъ сначала послать за границу

---

[1]) Подъ Кожуковымъ была устроена крѣпость. Войска дѣлились на двѣ стороны: одна сторона считалась русскою, а другая польскою. Русскими командовалъ князь Ромодановскій, а поляками Бутурлинъ, который представлялъ собою польскаго короля. Стрѣлецкаго войска было съ нимъ 7500 человѣкъ. Ромодановскій бралъ крѣпость, а Бутурлинъ защищалъ ее. Въ дѣлѣ принималъ участіе и самъ Петръ въ званіи бомбандира. Онъ отличился: взялъ въ плѣнъ стрѣлецкаго полковника. Крѣпость была взята, а Бутурлинъ долженъ былъ сдаться въ плѣнъ.

[2]) Царевна Софія была устранена отъ правленія и заключена въ монастырь (Новодѣвичій) за то, что принимала участіе въ заговорѣ на жизнь Петра, а Іоаннъ умеръ 1696 г.

(въ Италію. Англію и Германію) 50 человѣкъ изъ русской молодежи, чтобы они изучили тамъ разныя ремесла и художества и свои знанія привезли къ намъ въ Россію; а потомъ вслѣдъ за ними за границу поѣхалъ и самъ. Больше всего интересовало его тогда дѣло морское: ему хотѣлось научиться строить корабли. Для своего путешествія за границу онъ велѣлъ составить „Великое посольство“. Во главѣ посольства были поставлены Лефортъ и Гордонъ, а самъ Петръ записался въ немъ подъ именемъ русскаго дворянина Петра Михайлова. Санъ его выдавать за границей было строго запрещено, и это распоряженіе сдѣлалъ Петръ для того, чтобы иностранные государи не устраивали ему торжественныхъ пріемовъ и встрѣчъ и чтобы торжества не мѣшали ему заняться тѣмъ дѣломъ, за которымъ онъ ѣхалъ.

Весной 1697 года посольство выбыло изъ Москвы. Первымъ городомъ, въ которомъ Петру хотѣлось побывать, былъ г. *Рига.* Онъ принадлежалъ тогда шведамъ и представлялъ изъ себя такое прочное укрѣпленіе, какихъ у насъ не было. Петру хотѣлось осмотрѣть это укрѣпленіе повнимательнѣе, но губернаторъ ему того не дозволилъ. Онъ принялъ посольство съ почетомъ, но въ крѣпость его не пустилъ. Петръ былъ такъ раздраженъ этою первою неудачею, что оставилъ г. Ригу за три дня раньше чѣмъ вышло изъ него наше посольство.

Чрезъ *Митаву* и *Либаву* по Балтійскому морю Петръ переѣхалъ въ *Кенигсбергъ,* столицу Пруссіи. Здѣсь онъ былъ принятъ прекрасно. Въ ожиданіи посольства, которое шло сухимъ путемъ, онъ учился стрѣлять изъ пушекъ и въ короткое время оказалъ такіе успѣхи, что ему выдано было одобрительное свидѣтельство.

Между тѣмъ, въ Германіи разнесся слухъ, что среди посольства находится русскій царь. Двѣ курфюрстрини (ганноверская и бранденбургская), женщины очень образованныя, выѣхали ему навстрѣчу и попросили къ себѣ. Петръ согласился быть у нихъ, и онѣ устроили для него балъ. Это было въ мѣстечкѣ *Коппенбрюгге.*

Отсюда Петръ направился къ *Рейну* и, достигнувъ рѣки, оставилъ посольство слѣдовать своимъ чередомъ по сухому пути, а самъ взялъ съ собою человѣкъ десять изъ свиты и спустился по Рейну до Саардама.

Въ г. *Саардамѣ* была корабельная верфь. Желая научиться кораблестроенію, Петръ нанялся на верфи въ работники.

Чтобы его не узнали, онъ нарядился рабочимъ: надѣлъ широкіе шаровары, фризовую куртку, шляпу съ широкими полями, какіе носили голландскіе рабочіе, и поселился жить въ избушкѣ простого кузнеца [1]). Скоро онъ сталъ удивлять всѣхъ своимъ мастерствомъ и успѣхами; но скоро открылся и секретъ: стало извѣстно, что на верфи съ плотниками работаетъ самъ русскій царь. Стали узнавать его; народъ сбѣгался глядѣть на него, и Петръ рѣшилъ оставить городъ, проживъ въ немъ 8 дней.

Изъ Саардама Петръ переѣхалъ въ *Амстердамъ* (главн. городъ Голландіи). Такъ какъ здѣсь о немъ уже знали, то посольство встрѣтили торжествами. Послѣ торжествъ Петръ и здѣсь опредѣлился въ работники. Чтобы показать Петру строеніе кораблей съ самаго начала, на амстердамской верфи нарочно былъ заложенъ новый корабль. Въ постройкѣ его Петръ принялъ самое живое участіе. Радуясь своимъ успѣхамъ, онъ, на ряду съ простыми плотниками, трудился до поту лица и любилъ, когда его называли просто „плотникомъ Петромъ". Работая дни на верфи, Петръ вечеромъ, а нерѣдко и ночью ѣздилъ на фабрики, на заводы изучать разные мастерства. осматривалъ библіотеки, музеи и проч.

Въ Голландіи Петръ прожилъ четыре мѣсяца, научился строить корабли, но оставался все недоволенъ, а потому, когда сказали ему, что корабли лучше строятъ въ Англіи, онъ немедленно поѣхалъ туда. Въ *Англіи* онъ прожилъ три мѣсяца и вернулся снова въ Голландію уже на собственной яхтѣ, которую подарилъ ему англійскій король. Петръ былъ потомъ въ *Вѣнѣ* и намѣренъ былъ затѣмъ посѣтить *Венецію*—городъ, который издавна славился своею торговлею; но изъ Вѣны онъ долженъ былъ возвратиться домой, потому что у насъ взбунтовались стрѣльцы.

Вся поѣздка Петра за границу продолжалась полтора года и своимъ послѣдствіемъ имѣла то, что иностранные мастера стали къ намъ ѣздить охотнѣе; охотнѣе стали ѣздить за границу и наши.

---

[1]) Помѣщеніе у кузнеца Петру очень понравилось. Особенно привлекла его чистота и аккуратность въ хозяйствѣ. Возвратясь домой, онъ велѣлъ у себя во дворцѣ устроить кухню на манеръ голландской. Образецъ ея можно видѣть и теперь въ Петергофскомъ дворцѣ, который называется „Монплезиромъ".

Шведская война.

(1700—1721).

Почти черезъ два года послѣ своего возвращенія изъ-за границы Петръ долженъ былъ объявить войну *Швеціи*,—войну, которая тянулась 21 годъ и извѣстна подъ именемъ войны „Сѣверной", потому что происходила между сѣверными государствами Европы. Въ ней противъ Швеціи вмѣстѣ съ Россіей принимали участіе *Польша* и *Данія*. Польшѣ не нравилось то, что шведы получили Ливонію; Даніи было непріятно, что шведскій король былъ въ дружбѣ съ голштинскимъ герцогомъ, Фридрихомъ III, а Россія желала возвратить земли, прилегавшія къ Балтійскому морю.

Карлъ XII и пораженіе Датчанъ.

Въ то время, какъ Польша, Данія и Россія готовились начать Сѣверную войну, шведскимъ королемъ былъ *Карлъ XII*. Ему было тогда только 18 лѣтъ. До начала Сѣверной войны онъ на шведскомъ престолѣ былъ еще только три года и казался безпечнымъ и нерадивымъ. Большую часть времени онъ проводилъ на охотѣ, по ночамъ часто бродилъ по улицамъ столицы, билъ въ домахъ мирныхъ жителей стекла, во дворцѣ иногда устраивалъ охоту за зайцами. Однажды въ храмѣ онъ переломалъ всѣ скамейки, чтобы заставить народъ молиться стоя. Такое поведеніе короля Карла XII обѣщало союзникамъ несомнѣнный успѣхъ во время войны, но на дѣлѣ оказалось иное.

Союзники сговорились напасть на шведскія владѣнія вдругъ съ разныхъ сторонъ и открыли войну. Получивъ вѣсть о нападеніи враговъ на шведскія земли, Карлъ XII прямо съ охоты явился въ сенатъ, который собрался разсуждать о мѣрахъ противъ враговъ, и, размахивая хлыстомъ, сказалъ: „скоро брата нашего Августа мы заставимъ убраться во-свояси".

Рѣшившись защищаться, онъ немедленно собралъ до 15,000 войска и бросился съ ними прежде всего на болѣе слабаго противника, короля датскаго. Датчане приготовились встрѣтить его подъ своей столицей *Копенгагеномъ*. Когда шведы приставали къ берегу, датчане осыпали ихъ градомъ пуль, но Карлъ былъ неустрашимъ: со шпагой въ рукѣ онъ первый спрыгнулъ съ корабля по поясъ въ воду и устремился на враговъ. За нимъ бросились и солдаты его. Датчане по-

терпѣли такое сильное пораженіе, что датскій король сталъ просить мира, отказался отъ войны и обѣщалъ заплатить шведамъ много денегъ (контрибуцію).

Осада Нарвы и пораженіе русскихъ.

Въ то время, какъ Карлъ XII поражалъ датчанъ, польскій король Августъ II осаждалъ г. *Ригу*. Карлъ думалъ итти на него; но въ то же время двинулъ на него свои войска и царь Петръ. Онъ осадилъ крѣпость *Нарву*. Главнокомандующимъ русскихъ войскъ былъ герцогъ *де-Кроа*. Карлъ XII пошелъ на него. Былъ мѣсяцъ октябрь; погода стояла сырая; въ русскомъ войскѣ появились болѣзни. Кромѣ того, обнаружился недостатокъ въ продовольствіи и боевыхъ снарядахъ (порохѣ, пуляхъ).

Когда русскіе узнали, что на защиту Нарвы идетъ самъ король съ сильнымъ войскомъ, приготовились дать шведамъ отпоръ. Но расположиться подъ крѣпостью, какъ слѣдовало, не умѣли. Между тѣмъ Карлъ наступалъ очень быстро. Войска съ нимъ было немного болѣе 8 тысячъ. Русскихъ было тысячъ до 40; но, несмотря на то, они смутились, когда увидѣли неустрашимость войскъ Карла. Вдобавокъ, когда началась рѣшительная битва, пошелъ сильный снѣгъ и билъ русскимъ прямо въ лицо, такъ что дружно дѣйствовать они не могли, и на первыхъ же порахъ между ними открылось смятеніе. Русскія войска заподозрили своего главнокомандующаго въ измѣнѣ и бросились бѣжать отъ врага безъ всякой нужды. Шведы преслѣдовали ихъ и избивали. Во время бѣгства русскіе столпились на одномъ мосту черезъ р. Нарову; мостъ разошелся, и много ихъ потонуло. Не видя надежды на лучшій исходъ, герцогъ де-Кроа сдался въ плѣнъ. Русскіе такимъ образомъ потерпѣли пораженіе полное и постыдное. Иностранцы много смѣялись надъ Петромъ и русскимъ народомъ, но царь Петръ духомъ не падалъ. „Шведы, говорилъ онъ, побьютъ насъ, можетъ, и не одинъ еще разъ, но мы у нихъ же научимся побѣждать ихъ самихъ“.

Основаніе Петербурга.

Послѣ побѣды подъ Нарвой Карлъ XII думалъ итти внутрь Россіи, но совѣтникамъ его не хотѣлось проводить зиму въ нашей холодной странѣ; къ тому же Карлъ XII

ненавидѣлъ короля Августа, и спѣшилъ въ Польшу нанести ему пораженіе.

Карлъ XII пробылъ въ Польшѣ пять лѣтъ. Въ это время Петръ собиралъ деньги, лилъ, пушки заготовлялъ оружіе, строилъ крѣпости, набиралъ войска и т. под. Когда такимъ образомъ онъ приготовился, шведы стали терпѣть пораженія въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, въ Лифляндіи поражалъ шведовъ *Шереметьевъ*, а въ Ингріи—*Апраксинъ*. Лифляндія потерпѣла страшное опустошеніе: до 600 деревень было уничтожено только по одной рижской дорогѣ. Такія опустошенія дѣлались для того, чтобы непріятелю нечѣмъ было содержать свои войска, когда онъ надумаетъ притти сюда воевать.

Съ Апраксинымъ въ Ингріи былъ и самъ Петръ. Мѣстность по р. Невѣ онъ цѣнилъ дороже всего и захотѣлъ на ней укрѣпиться какъ можно прочнѣе. При истокахъ р. Невы изъ Ладожскаго озера тогда стояла шведская крѣпость *Нотебургъ*,—Петръ взялъ ее и назвалъ *Шлиссельбургомъ* (ключъ городъ), потому что она какъ бы отпирала для Россіи входъ въ Балтійское море. При устьѣ р. Невы стояла другая крѣпость *Ніеншанцъ* (новая крѣпость). Она занимала не болѣе одной десятины земли, но въ военномъ отношеніи была важнымъ пунктомъ. Петръ велѣлъ взять и ее, и она была взята въ одну только ночь. Черезъ четыре дня послѣ того подошло сюда нѣсколько шведскихъ кораблей. Два изъ нихъ отдѣлились отъ эскадры и, не зная того, что крѣпость въ рукахъ уже русскихъ, шли къ ней спокойно. На этихъ корабляхъ было до 80 матросовъ и нѣсколько пушекъ; но Петръ съ Меньшиковымъ рѣшились на отважное дѣло. Они подкрались къ нимъ ночью на 30 лодкахъ, перебили шведскихъ солдатъ, а самые корабли взяли въ плѣнъ. При устьѣ Невы, на островкѣ Люст-эй-Ландѣ, Петръ велѣлъ немедленно строить городъ и назвалъ его *Санктъ-Петер-Бургъ* (городъ св. Петра).

Въ Санктъ-Петер-Бургѣ прежде всего была построена деревянная крѣпость и въ ней деревянная же церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Близъ крѣпости были поставлены маленькій домикъ для Петра и большой домъ для Меньшикова, а потомъ жилья для солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ была заложена корабельная верфь.

Шведамъ хотѣлось возвратить отъ русскихъ устье Невы; поэтому все лѣто (1703) подъ Петербургомъ стояли вооруженныя шведскія суда. Петръ защищался отъ шведовъ

и усиливалъ свои укрѣпленія. Осенью того же года онъ съѣздилъ на ближній островокъ Финскаго залива (Котлинъ), измѣрилъ кругомъ его глубину залива и велѣлъ заложить на немъ крѣпость *Кронштадтъ*.

Санкт-Петербургъ находится при морѣ. Къ нему изъ внутренней Россіи ведутъ судоходныя рѣки. Эти условія скоро стали извѣстны иностраннымъ купцамъ, которые не замедлили явиться сюда со своими товарами. Петръ съ восторгомъ встрѣчалъ иностранные корабли, ласково принималъ иностранныхъ купцовъ, и въ Петербургѣ скоро развилась обширная торговля. Въ новый торговый городъ охотно стали являться переселенцы, такъ что къ концу жизни Петра жителей въ Петербургѣ насчитывалось уже тысячъ до сорока. Теперь Санкт-Петергургъ—столица Россіи и самый важный коммерческій портъ.

Полтавская битва.

Въ то время, когда Петръ созидалъ Петербургъ и укрѣплялся на берегахъ Финскаго залива, Карлъ XII одерживалъ побѣды въ Польшѣ. Онъ лишилъ короля Августа престола и на его мѣсто возвелъ Станислава *Лещинскаго*. Петръ былъ очень радъ тому, что Карлъ отвлекся отъ Россіи, и говорилъ: „онъ увязъ въ Польшѣ“. Покончивши съ королемъ Августомъ, Карлъ XII обратился опять на Россію. Царь Петръ думалъ, что онъ пойдетъ прямо на Петербургъ, но Карлъ сначала намѣтилъ себѣ путь на Москву, а потомъ двинулся на Малороссію. Итти на Малороссію склонилъ его малороссійскій гетманъ *Мазепа*. Мазепѣ хотѣлось сдѣлаться самостоятельнымъ царемъ Малороссіи, и онъ обѣщалъ Карлу запасти для шведовъ здѣсь провіантъ, привести ему на помощь 40 тысячъ казаковъ и поднять противъ Петра всю Малороссію. Понадѣявшись на Мазепу, Карлъ XII вступилъ въ предѣлы русской земли безъ провіанта. Когда объяснилось, что Карлъ идетъ на Малороссію, Меньшиковъ приказалъ Мазепѣ явиться къ нему со своими казаками. Мазепа подумалъ, что замыслы его объ измѣнѣ Петру стали извѣстны, и бросился къ Карлу XII, успѣвши собрать для него только пять тысячъ казаковъ. Карлъ XII былъ крайне не доволенъ Мазепой, но принялъ его. Чтобы не остаться теперь совсѣмъ безъ запасовъ, онъ велѣлъ полководцу своему Левенгаупту привезти провіантъ изъ Лифляндіи. Петръ объ этомъ узналъ и самъ лично напалъ на Левенгаупта при деревнѣ *Лѣсной*. Левен-

гауптъ былъ разбитъ, и весь обозъ его достался Петру. Карлъ XII понялъ трудное свое положенiе и сталъ думать о томъ, чтобы скорѣе вступить въ рѣшительную битву съ Петромъ. Мѣстомъ для битвы онъ намѣтилъ равнину подъ г. *Полтавой.* Наши войска собрались тоже сюда.

Карлъ приступалъ къ дѣлу самонадѣянно. Въ его головѣ была мысль отнять престолъ и у Петра точно такъ же, какъ онъ отнялъ у короля польскаго Августа. Петръ, напротивъ того, дѣйствовалъ весьма осторожно.

Съ первыхъ чиселъ iюня 1709 года шведы обложили Полтаву; у осажденныхъ вышли заряды, истощился провiантъ и положенiе сдѣлалось трудное. Они дали знать объ этомъ Петру посредствомъ пустыхъ бомбъ, которыми стрѣляли изъ города. Петръ такъ же, какъ и Карлъ, желалъ развязки дѣла. Весь день (26 числа iюня) онъ провелъ въ осмотрѣ позицiй непрiятельскихъ войскъ. Въ ночь на 27 число отправился осматривать расположенiе непрiятельскихъ войскъ и самъ Карлъ. Онъ подошелъ къ нашимъ полкамъ такъ близко, что можно было стрѣлять изъ ружья. Желая показать свою удаль, онъ дѣйствительно выстрѣлилъ въ кучку солдатъ, которые на огнѣ готовили пищу. Тѣ отвѣтили тѣмъ же и ранили его въ ногу, такъ что Карлъ во время битвы, на другой день, долженъ былъ ѣздить въ коляскѣ.

Въ роковой день, 27 iюня рано поутру завязались схватки между русскими и шведами въ разныхъ мѣстахъ, а съ 9 часовъ утра открылся бой всѣхъ собравшихся силъ. Король Карлъ XII и царь Петръ I появлялись съ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, на ряду съ простыми солдатами, и оба не щадили себя. У Петра въ нѣсколькихъ мѣстахъ была прострѣлена шляпа; въ коляску Карла ударило пушечное ядро, и онъ былъ выброшенъ изъ нея на землю. Думали, что его убило, но онъ остался невредимъ. Такъ какъ коляску его разбило, то онъ велѣлъ поднять себя на носилки, чтобы наблюдать за дѣйствiемъ своихъ войскъ; но ему пришлось видѣть только одно пораженiе шведовъ. „Шведы, шведы!“ закричалъ имъ Карлъ, когда увидѣлъ, что войска его бросились въ бѣгство; но тутъ подскакалъ къ нему главнокомандующiй *Реншильдъ* и въ отчаянiи доложилъ: „Ваше Величество, пѣхота наша потеряна; спасайтесь“. Съ этими словами онъ снова помчался къ своимъ войскамъ и былъ взятъ русскими въ плѣнъ. Шведы бѣжали съ поля битвы безъ всякаго порядка; бѣжалъ и самъ Карлъ.

Вся битва продолжалась не болѣе двухъ часовъ, а шведовъ въ ней пало тысячъ до десяти; русскихъ же не было убито и тысячи. Между знатными плѣнными у насъ очутились генералъ *Реншильдъ* и первый министръ Карла гр. *Пиперъ.* Царь Петръ ликовалъ. Онъ объѣзжалъ ряды своихъ войскъ, благодарилъ за храбрость и, махая простреленною шляпою. самъ кричалъ имъ „ура!..“ Для высшихъ чиновъ былъ устроенъ обѣдъ, на который были приглашены и плѣнные генералы. Выпивая за столомъ бокалъ вина, Петръ возгласилъ: „за здоровье нашихъ учителей!“—„Кто же ваши учителя?, спросилъ Реншильдъ. „Вы, господа, шведы“, отвѣтилъ ему Петръ. „Хорошо же ученики отблагодарили учителей“, замѣтилъ на это Реншильдъ.

Увлекшись торжествомъ, Петръ забылъ преслѣдовать побѣжденнаго врага. Только на другой уже день Меньшиковъ отправился по слѣдамъ бѣжавшаго короля къ Днѣпру.

Въ это время Карлъ XII былъ въ положеніи самомъ критическомъ: его везли въ коляскѣ или несли на носилкахъ; по дорогѣ кругомъ все было пусто. Карлъ XII достигъ, наконецъ, Днѣпра: но оказалось, что для переправы можно было найти только двѣ лодки, въ которыхъ онъ и переѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Мазепой.

Остатки шведскаго войска Меньшиковъ настигъ при мѣстечкѣ *Переволочнѣ.* Шведы такъ напугались его, что всѣ сдались въ плѣнъ.

Ништадтскій миръ.

Карлъ XII отъ Полтавы бѣжалъ въ Турцію и прожилъ тамъ пять лѣтъ, въ надеждѣ получить помощь противъ Россіи отъ турецкаго султана. Но такое долгое пребываніе Карла такъ наскучило султану, что онъ велѣлъ, наконецъ, выпроводилъ его за предѣлы своего государства вооруженною силою. Карлъ не соглашался оставить Турцію, заперся въ одномъ домѣ и не впускалъ къ себѣ никого. Видя такое упорство Карла, турки зажгли домъ, въ которомъ онъ жилъ, и только тогда, когда открылась явная опасность погибнуть отъ пламени, Карлъ XII выбѣжалъ изъ дома вонъ съ обнаженною шпагою. Его схватили и подъ конвоемъ отправили за границу.

Переступивши границу Турціи, Карлъ съ однимъ своимъ денщикомъ поскакалъ на конѣ въ Швецію чрезъ Австрію и Германію. Мчался онъ день и ночь цѣлыхъ семь сутокъ, не

слѣзая съ коня. Когда прибылъ въ Померанію, его насилу сняли съ сѣдла: ноги опухли, и онъ былъ еле живъ.

Возвратившись въ Швецію Карлъ готовъ былъ согласиться на миръ. И дѣйствительно, на *Аландскихъ* островахъ открылись переговоры. Между тѣмъ Карлъ началъ войну въ Норвегіи и здѣсь при осадѣ крѣпости Фридрихсгала убитъ. Такъ какъ переговоры не привели ни къ чему, то шведы рѣшились продолжать войну. Тогда Петръ перенесъ огонь въ самую Швецію и сталъ громить ея города. Наконецъ шведы убѣдились, что продолжать войну дальше нельзя, и подписали миръ въ г. *Ништадтъ* (1721). Швеція уступила намъ *Ингрію, Эстляндію, Лифляндію* и часть *Финляндіи* съ г. Выборгомъ. Финскій и Рижскій заливы послѣ того стали русскими, а съ ними Россія пріобрѣла возможность прямыхъ сношеній съ образованными государствами Европы по морю.

Преобразованія Петра Великаго.

Петръ Великій прославился не только своими побѣдами, но и внутренними преобразованіями, или *реформами*. Преобразованія Петра обнимали собою всѣ стороны жизни. Прежде всего, реформы Петра обращены были на внѣшность. Возвратившись изъ-за границы, онъ велѣлъ, чтобы всѣ, кто будетъ являться ко двору государя, брили бороду и усы и вмѣсто длинныхъ охабней носили камзолы по образцамъ: нѣмецкому, венгерскому и французскому. Это распоряженіе Петръ сдѣлалъ для того, чтобы видѣть заблаговременно, какъ народъ можетъ отнестись къ тѣмъ реформамъ, которыя онъ былъ намѣренъ ввести во внутреннюю жизнь государства. Затѣмъ, реформы Петра были распространены на *управленіе* (какъ гражданское, такъ и церковное), на *областное дѣленіе*, на народныя *сословія, судопроизводство, финансы, войско и флотъ, на промышленность, образованіе и на семейный бытъ.*

Во главѣ гражданскаго управленія при Петрѣ былъ поставленъ Правительствующій *Сенатъ*. Сенатъ составленъ изъ высшихъ сановниковъ государства, которые должны были рѣшать дѣла большинствомъ голосовъ. Такого учрежденія у насъ до Петра Великаго не было. Царь Петръ учредилъ Сенатъ съ тѣмъ, чтобы онъ на время отлучекъ замѣнялъ особу самого государя. Петръ медленности въ дѣлахъ не терпѣлъ. На первый разъ Сенатъ составился изъ десяти членовъ. Указъ объ его учрежденіи данъ Петромъ въ 1711 году. Затѣмъ, ког-

да опытъ показалъ, что Сенатъ оправдываетъ свое назначеніе. Петръ сдѣлалъ его учрежденіемъ уже постояннымъ. Указъ о томъ данъ былъ въ 1718 году.

Въ помощь Сенату отъ прежняго времени оставались *Приказы*, но они прежде возникали случайно, такъ что не имѣли между собою ни единства, ни стройности; къ тому же ихъ было много, поэтому они представляли Сенату только одни затрудненія. По примѣру иностранныхъ государствъ, Петръ ввелъ *коллегіи*. Въ вѣдѣніе каждой коллегіи поступали дѣла однородныя. Такъ, коллегія *дѣлъ иностранныхъ* должна была вѣдать только дѣла, касающіяся нашихъ отношеній къ другимъ государствамъ; *юстицъ*-коллегія завѣдывала судопроизводствомъ, *военная* коллегія—дѣломъ военнымъ, *мануфактуръ*-коллегія вѣдала заводы и фабрики и пр. Коллегіи получили свое устройство въ 1720 году. Въ каждую коллегію былъ назначенъ свой президентъ и до пяти членовъ. Всѣ дѣла въ коллегіяхъ положено было рѣшать по большинству голосовъ.

До Петра Великаго русскою церковію управлялъ патріархъ. Петръ Великій отмѣнилъ патріаршество и вмѣсто него учредилъ *Святѣйшій Синодъ*. Святѣйшій Синодъ составился изъ нѣсколькихъ членовъ (лицъ монашествующаго и бѣлаго духовенства), которые должны были обсуждать дѣла въ общемъ собраніи и рѣшать ихъ по большинству голосовъ. Указъ объ учрежденіи Святѣйшаго Синода былъ изданъ въ 1721 году.

При Петрѣ Великомъ русскій народъ былъ раздѣленъ на *сословія*. И до Петра Великаго русскій народъ дѣлился на классы. Такъ, въ средѣ его было *духовенство*, были *бояре*, были *купцы* или торговые люди, были *крестьяне*. Каждый изъ этихъ классовъ имѣлъ свои занятія и свое положеніе. Но эти обязанности, равно какъ и права ихъ, не опредѣлены были закономъ. Петръ Великій нашелъ необходимымъ узаконить положеніе каждаго класса. Духовенству данъ былъ законъ, который названъ „Духовнымъ Регламентомъ“. Духовнымъ регламентомъ духовенству предоставленъ свой судъ, своя расправа, свои источники доходовъ, свои права и преимущества (свобода отъ податей и повинностей).

До Петра Великаго бояре были высшимъ классомъ народа. Это были лучшіе люди, ближайшіе слуги царя. Они раздѣлялись на степени. Низшую степень составляли *дворяне*, которымъ поручались служебныя должности при дворѣ государя. Петръ Великій назвалъ бояръ *шляхетствомъ* въ

смыслѣ сословія „благородныхъ людей“. Зато онъ требовалъ отъ дворянъ службы и образованія. Дворянинъ былъ обязанъ умѣть читать и писать, знать ариѳметику, геометрію, навигацію и др. Кто не зналъ грамоты и не изучалъ этихъ наукъ, тому запрещалось жениться. Каждый дворянинъ обязанъ былъ служить всю свою жизнь; только неизлѣчимая болѣзнь и дряхлая старость могли освобождать дворянина отъ службы. Всѣ служащіе люди раздѣлены на 14 классовъ, по которымъ могли возвышаться. Кто дослуживался до VIII класса, тотъ получалъ званіе дворянина. Законъ, вводившій такой порядокъ, названъ „Табелью о рангахъ“. Онъ изданъ Петромъ Великимъ въ 1722 году.

При Петрѣ Великомъ у насъ получило болѣе опредѣленное положеніе и сословіе *среднее*. Такъ назывался главнымъ образомъ промышленный и торговый классъ людей. Промышленные и торговые люди у насъ были и ранѣе, но они подчинялись разнымъ приказамъ, что для нихъ было обременительно. Петръ Великій учредилъ по городамъ Магистраты. На городскіе Магистраты возложены были обязанности управленія и суда въ торгово-промышленномъ населеніи города. Кромѣ того, на Магистратахъ лежали обязанности наблюдать за раскладкой и сборомъ государственныхъ налоговъ и отбываніемъ повинностей, лежащихъ на городскомъ населеніи. На Магистратахъ лежали обязанности содержать полицію, школы, смирительные дома, госпитали и проч. Всѣ городскіе Магистраты были подчинены Главному Магистрату, который находился въ Петербургѣ. Магистратамъ предоставлено право произносить и смертные приговоры, но исполнять эти приговоры можно было только тогда, когда ихъ утвердитъ Главный Магистратъ. Такимъ образомъ промышленный классъ получилъ свой судъ и свое управленіе, при чемъ ремесленники дѣлились на цехи (ремесленныя общества). Это должно было помогать развитію и улучшенію промысловъ.

Петръ Великій думалъ улучшить и положеніе простого народа. Онъ завелъ правильныя ревизіи или переписи. Этими переписями онъ думалъ оградить простой народъ отъ произвола при сборѣ податей и разныхъ налоговъ; но на дѣлѣ вышло, что податныя сословія закрѣплялись этими ревизіями за помѣщиками болѣе прежняго, потому что подати и налоги предоставлено производить тѣмъ же помѣщикамъ. Первая ревизія была произведена въ 1719 году.

Чтобы управленіе государствомъ шло лучше, Петръ Великій измѣнилъ и *областное* раздѣленіе Россіи. До него Россія дѣлилась на области и воеводства, но оказалось, что эти области и воеводства не имѣли между собой равномѣрности. Кромѣ того, на областныхъ правителей и воеводъ налагались очень сложныя обязанности: воеводы и областные начальники должны были наблюдать за порядками, и судъ совершать, и деньги сбирать, и войска обучать. Совмѣщеніе столькихъ обязанностей въ одномъ лицѣ вело къ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ. Петръ Великій раздѣлилъ всю Россію на 12-ть губерній. Каждая губернія ввѣрена была губернатору. На губернатора возложено было наблюденіе за порядкомъ, а судъ, казна и военное дѣло изъ прямыхъ обязанностей его были изъяты.

Много вниманія Петръ Великій обращалъ и на *судопроизводство.* Чтобы судъ былъ болѣе правый, Петръ велѣлъ судьямъ принимать во вниманіе показанія свидѣтелей. Прежде при допросахъ употреблялись пытки,—Петръ ихъ отмѣнилъ, потому что въ мучительныхъ пыткахъ часто сознавались въ преступленіяхъ совсѣмъ невинные. Судебныя дѣла прежде тянулись очень долго,—чтобы ускорить судопроизводство, Петръ Великій издалъ уставъ о формѣ суда. Много думалъ онъ и о томъ, чтобы издать сводъ законовъ, но смерть помѣшала ему.

До Петра Великаго наши *финансы* были въ состояніи жалкомъ. Наша казна разстроилась еще въ смутное время и поправиться никакъ не могла. Петръ былъ очень бережливъ; особенно онъ берегъ деньги казенныя. Для личныхъ расходовъ онъ получалъ жалованье и былъ этимъ очень доволенъ. „Это деньги мои, говаривалъ онъ иногда,—потому что я ихъ заслужилъ“. О казенныхъ деньгахъ онъ говорилъ: „Это артерія войны, поэтому ихъ нужно беречь на время военное“.

Охраняя государственную казну, Петръ Великій много заботился и о томъ, чтобы изыскивать средства на ея умноженія, а главное, заботился о томъ, чтобы при сборахъ соблюдался порядокъ, чтобы сборщики ничего не утаивали. Благодаря его мѣрамъ, доходы въ Россіи при немъ увеличились впятеро. Расходы соотвѣтствовали доходамъ, и послѣ него Россія не осталась должна ни копейки, не смотря на то, что было у него много войнъ.

Петру Великому пришлось вести войну почти все вре-

мя царствованія. Врагами при немъ были то турки, то поляки, то шведы. Петръ Великій видѣлъ, что эти войны должны были возвысить Россію въ глазахъ Европы, поэтому прилагалъ особенныя заботы къ устройству войска и особенно *флота*. До него у насъ постояннымъ войскомъ были только стрѣльцы, которымъ устройство дано было при Іоаннѣ IV. Стрѣльцы жили семьями въ стрѣлецкихъ слободахъ. У нихъ была усадебная земля, которую они обработывали. Въ мирное время на ихъ обязанности лежала городская стража, а когда начиналась война, они выступали въ походъ. Но такъ какъ стрѣльцовъ было немного, то на время самой войны набирались особые полки солдатъ (новобранцевъ), которые опытности въ военномъ дѣлѣ имѣть не могли, потому что набирались, какъ говорится, отъ сохи и отъ плуга. Петру Великому еще подъ Нарвой удалось усмотрѣть, что подобный порядокъ весьма неудобенъ, и онъ быстро измѣнилъ это дѣло. Число постояннаго войска онъ увеличилъ, ввелъ рекрутскіе наборы, солдатъ велѣлъ учить военному строю и артиллеріи, издалъ уставъ, которымъ опредѣлялся строй и порядокъ военной службы подробно. Военную службу онъ поставилъ выше гражданской: чинъ офицера давалъ дворянство. Самъ Петръ былъ до того преданъ военному дѣлу, что записался въ войско и началъ службу съ солдата. Онъ былъ очень доволенъ, когда получилъ чинъ полковника.

Для службы во флотѣ Петръ издалъ особый уставъ. Онъ любилъ флотъ особенно. До него у насъ не было ни одного корабля и, конечно, потому, что у насъ не было моря. Когда и для насъ открылось Балтійское море, могъ явиться и флотъ. Къ концу жизни Петра нашъ флотъ простирался до 50-ти большихъ кораблей и до 800 мелкихъ военныхъ судовъ.

Заботы Петра о *промышленности* видны изъ того, что до него у насъ было не болѣе 5 фабрикъ, а при немъ явилось ихъ до 200. Промышленные люди пользовались царскимъ покровительствомъ, получали разныя льготы, а иногда даже деньги на улучшеніе своего производства. Для руководства имъ Петръ выписывалъ изъ-за границы лучшихъ мастеровъ. Чтобы лучше шло дѣло *торговое*, Петръ Великій издалъ указъ, которымъ разрѣшалось купцамъ складывать свои капиталы и составлять компаніи.

О заботахъ, которыя Петръ прилагалъ къ народному *образованію*, свидѣтельствуютъ распоряженія его касательно

устройства школъ. По его мысли, для духовенства учреждались школы при архіерейскихъ домахъ, а для дворянъ и чиновниковъ—школы „цифирныя". Чтобы не затрудняться въ опытныхъ и хорошихъ учителяхъ, Петръ составилъ планъ основанія *Академіи наукъ*, въ которой ученые люди занимались бы науками, писали для школъ учебники и готовили учителей.

Много заботъ Петръ прилагалъ и къ тому, чтобы успѣшно развивались народные *промыслы*, чтобы хорошо удобрялась земля, исправно велось хозяйство и проч. Разъѣзжая по Россіи, Петръ любилъ наблюдать за всѣмъ самъ. Людей, рачительныхъ къ дѣлу, онъ хвалилъ и награждалъ, а лѣнивыхъ и нерадивыхъ иногда наказывалъ своей царской дубинкой.

Желая улучшить нравы народа, Петръ Великій обратилъ вниманіе на *положеніе* въ нашемъ обществѣ женщины. До Петра женщины у насъ вели жизнь затворническую; въ обществѣ съ посторонними мужчинами онѣ почти никогда не являлись. И замѣчательно, что чѣмъ выше было положеніе женщины, тѣмъ старательнѣе скрывали ее отъ вниманія общества. Жены бояръ и боярскіе дочери окружены были штатомъ прислуги: нянекъ, мамокъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, жили въ теремахъ, откуда выходили развѣ во дворъ погулять и развлечься самыми скромными играми. Такая затворническая жизнь женщины Петру очень не нравилась. Не нравилось ему затворничество нашихъ женщинъ особенно потому, что оно вредно отзывалось на жизни семейной. Такъ какъ молодые люди, вступавшіе въ бракъ, не имѣли возможности видѣть другъ друга раньше вѣнчанія и такъ какъ браки дѣтей заключали родители ихъ, то часто случалось, что между супругами не было должной любви и уваженія, безъ чего немыслимо и семейное счастіе. Съ другой стороны, Петру не нравилось затворничество нашихъ женщинъ и потому, что мужчины въ своихъ собраніяхъ держали себя вообще грубо и непристойно. Грубость своихъ нравовъ вносили они и въ семейную среду, и въ государственную службу. Петръ Великій видѣлъ, что всѣ заботы его о народѣ будутъ безплодны, если не будетъ хорошо поставлена семейная жизнь; поэтому онъ желалъ преобразовать и ее. Онъ велѣлъ, чтобы женихъ и невѣста были знакомы другъ съ другомъ ранѣе брака и чтобы браки заключались съ согласія ихъ. Чтобы молодые люди могли знакомиться между собою, Петръ

велѣлъ родителямъ брать съ собой взрослыхъ дѣтей (сыновей и дочерей) на гулянья, которыя открывались въ Лѣтнемъ саду. Зимой эти гулянья замѣнялись вечерами, которые вельможи должны были устраивать у себя поочередно. На этихъ вечерахъ мужчины и женщины принимали участіе въ общемъ весельѣ: въ танцахъ, играхъ, разговорахъ и проч. Такіе вечера назывались „ассамблеями". Петръ являлся на ассамблеи нерѣдко и самъ съ императрицей. Бывало, что Петръ устраивалъ ассамблеи и у себя во дворцѣ, и ему было очень пріятно, когда гости на этихъ ассамблеяхъ чувствовали себя непринужденно и весело. Вообще онъ смотрѣлъ на ассамблеи, какъ на государственное дѣло, и самъ для нихъ написалъ особый уставъ.

Кончина Петра.

Петръ I трудился много. За всѣми дѣлами онъ старался слѣдить самолично и быстро разъѣжалъ по разнымъ концамъ государства. То, напр., появлялся въ Воронежѣ, то въ Архангельскѣ, то на полѣ битвы, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Въ своихъ поѣздкахъ онъ объ удобствахъ не думалъ: ѣздилъ по большей части въ одноколкѣ, ѣлъ простую пищу, спалъ нерѣдко и на голомъ полу и проч. Отъ трудовъ и заботъ, отъ безсонныхъ ночей и тревогъ здоровье его разстроилось рано: онъ сталъ страдать лихорадкою. Въ сильныхъ припадкахъ болѣзни онъ не разъ ожидалъ даже смерти, а поправившись снова принимался за дѣло. Смертельную болѣзнь онъ получилъ такимъ образомъ: однажды послѣ сильнаго лихорадочнаго припадка, который случился съ нимъ осенью 1724 года, онъ поѣхалъ осматривать оружейный заводъ. Пришлось ѣхать моремъ. Случилась буря. Петръ замѣтилъ въ сторонѣ судно, которое шло съ народомъ и сѣло на мель. Онъ сначала послалъ своихъ матросовъ помочь погибавшимъ, но тѣ сдѣлать ничего не могли. Петръ подъѣхалъ къ нимъ самъ. Такъ какъ съ лодки дѣйствовать было нельзя, то онъ сошелъ въ воду и долго былъ въ ней по-поясъ. Судну помогъ, но самъ простудился и заболѣлъ такъ опасно, что не могъ и поправиться. Скончался онъ въ 1725 году 28 января. Жилъ 52 года, а царствовалъ 41 годъ.

Преемники Петра Великаго.

Послѣ Петра I на всероссійскій престолъ вступила супруга его *Екатерина I* Алексѣевна; но она правила только

два года. Послѣ смерти ея на престолъ былъ возведенъ внукъ Петра Великаго, *Петръ II* Алексѣевичъ, сынъ Алексѣя Петровича. Онъ царствовалъ только три года и умеръ отъ оспы, которую получилъ послѣ простуды.

Послѣ смерти Петра II ближайшими наслѣдниками престола были: дочь Петра Великаго *Елизавета Петровна* и племянница его *Анна Іоанновна*, дочь Іоанна Алексѣевича. Многіе желали видѣть на престолѣ Елизавету Петровну, но сильные вельможи постарались передать престолъ Аннѣ Іоанновнѣ.

Наталья Борисовна Долгорукая.

Время ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго отличается тѣмъ, что при дворѣ развились такъ называемыя интриги. Лица и фамиліи, стоявшія близко къ престолу, зорко смотрѣли другъ за другомъ и ловили случаи вредить тому, кто пользовался довѣріемъ государя. Но въ эту мрачную эпоху, на ряду съ людьми достойными порицанія, мы видимъ въ близи того же двора личность необыкновенно свѣтлую. Это *Наталья Борисовна Долгорукая*.

Наталья Борисовна была дочь богатаго и славнаго, благочестиваго и добраго графа Бориса Петровича *Шереметьева*, который при Петрѣ I былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ. Родилась она въ 1714 году, но на шестомъ году своей жизни лишилась отца, а на 15 году потеряла и мать. Оставшись круглою сиротою, она жила въ домѣ брата. Сиротство подѣйствовало на нее такъ, что она рѣшилась удалиться отъ всѣхъ удовольствій свѣтскаго общества; но красота, умъ и доброе сердце ея сдѣлали то, что на 15 же году ея возраста сдѣлалъ ей предложеніе своей руки первый любимецъ императора Петра II, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій. Это былъ красивый, умный и ловкій молодой человѣкъ. Когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе, ему было только 18 годовъ. Дружба съ императоромъ успѣла возвысить его такъ, что онъ уже достигъ первыхъ степеней въ государственной службѣ: былъ оберъ-камергеромъ Высочайшаго двора и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Къ тому же онъ былъ родной братъ нареченной невѣсты императора. Все это обѣщало Натальѣ Борисовнѣ въ будущемъ одинъ только блескъ. Она дала свое согласіе на бракъ и полюбила своего жениха больше всего на свѣтѣ. Въ декабрѣ (1729) совершено было торжественное обрученіе, на которомъ при-

сутствовала императорская фамилія. Родственники одарили нареченныхъ жениха и невѣсту драгоцѣнными подарками. Всѣ старались заискивать у Натальи Борисовны расположенія. Вдругъ счастіе ей измѣнило. Въ январѣ 1730 г. императоръ Петръ II умеръ. На престолъ вступила Анна Іоанновна. Враги Долгорукихъ открыли предъ ней замыслы ихъ передать престолъ нареченной невѣстѣ императора, Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой; Ивана Алѣксѣевича обвинили въ томъ, будто онъ составлялъ въ пользу ея подложное духовное завѣщаніе отъ имени императора Петра II. И вотъ, на всю фамилію Долгорукихъ обрушилась опала. Наталья Борисовна видѣла это. Близкіе люди и родные совѣтовали ей отказаться отъ нареченнаго жениха, обѣщая устроить ея судьбу иначе; но Наталья Борисовна, давши слово Ивану Алексѣевичу, когда онъ былъ въ милости у государя, сочла для себя безчестнымъ оставить его въ то время, когда его постигли несчастія. Бракъ состоялся и на третій день, по обычаю, молодые хотѣли дѣлать визиты своимъ роднымъ и знакомымъ, какъ вдругъ къ Долгорукимъ пріѣзжаетъ сенатскій секретарь и объявляетъ, что черезъ три дня вся фамилія ихъ должна отправиться на житье въ дальнія деревни. Всѣ они стали собирать свое имущество, прятать свои драгоцѣнности. Наталья Борисовна не понимала, что совершалось. Деньги ей, думала она, будутъ не нужны и потому о нихъ не заботилась. Оказалось не то. Помогать молодымъ супругамъ никто не хотѣлъ, и имъ пришлось вынести много нужды. На пути Долгорукіе получили указъ, по которому велѣно было отобрать у нихъ ордена и чины и переправить въ Сибирь. Наталья Борисовна, видя плачъ своихъ родственниковъ, думала только объ одномъ, какъ бы не разлучили ее съ любимымъ супругомъ, отъ котораго только дорогой узнала, куда ихъ везутъ. Съ ужасными опасностями добрались они до Сибири и помѣстились въ *Березовѣ*. Поселившись въ одномъ острогѣ, они стали обрабатывать землю, ловить рыбу, ходить на охоту и проч. и такимъ образомъ прожили 8 годовъ. Въ этотъ срокъ они успѣли-было привыкнуть къ своему положенію, какъ вдругъ на Наталью Борисовну обрушилось новое и тягчайшее горе. Извѣстный своею кравожадностію Биронъ, временщикъ Анны Іоанновны, захотѣлъ, чтобы у Натальи Борисовны отняты были и дѣти, и мужъ. Безчеловѣчное желаніе его было исполнено: Иванъ Алексѣевичъ привезенъ былъ въ Новгородъ и тамъ

колесованъ. Три года Наталья Борисовна плакала, не зная ничего ни о немъ, ни о дѣтяхъ. Наконецъ, когда вступила на престолъ Елизавета Петровна, ее вспомнили и возвратили въ Петербургъ. Императрица повелѣла отыскать ея дѣтей и взяла ихъ подъ свое покровительство. Натальѣ Борисовнѣ она предлагала жить при дворѣ, но та испросила себѣ позволеніе уйти въ монастырь, гдѣ прожила до смерти. Предъ кончиною она приняла схиму.

Анна Іоанновна.

(1730—1740).

Анна Іоанновна была герцогиня курляндская. За курляндскаго герцога она была выдана еще при Петрѣ Великомъ, но въ замужествѣ находилась недолго. Предложеніе русскаго престола она приняла охотно и переѣхала изъ Митавы въ Москву, гдѣ объявила себя самодержавною императрицею. При ней Россія вела двѣ войны: одну съ *поляками*, а другую съ *турками*.

Послѣ Петра Великаго Польша все болѣе и болѣе подчинялась вліянію русскаго правительства. Угнетеніе православныхъ, споры и раздоры между магнатами давали русскому правительству много поводовъ къ тому, чтобы вмѣшиваться во внутреннія дѣла польскаго государства.

Въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II, котораго поддерживалъ на польскомъ престолѣ еще Петръ Великій. Поляки выбрали себѣ въ короли Станислава Лещинскаго, который во время шведской войны былъ возведенъ на польскій престолъ Карломъ XII. Многимъ польскимъ панамъ этотъ выборъ не нравился, потому что онъ сдѣланъ былъ въ интересахъ Франціи. Непріятенъ онъ былъ также и Россіи, и Пруссіи, потому что Франція желала лишить эти державы всѣхъ выгодъ, которыя онѣ могли получить отъ Польши. Партія Поляковъ, сочувствующая видамъ Россіи, стала просить императрицу Анну Іоанновну прислать въ Польшу русскія войска. Императрица послала въ Польшу *Ласси*. Но не успѣлъ Ласси съ войскомъ притти въ Варшаву, какъ прибылъ сюда и Станиславъ Лещинскій. Французы обѣщали прислать ему свои военные отряды. Приходилось ждать серьезной войны и осады Варшавы. Чтобы спасти столицу польскаго государства отъ разрушенія, Станиславъ Лещинскій выѣхалъ въ *Данцигъ*. Это была хорошая крѣпость, въ которой онъ надѣялся держаться до тѣхъ

поръ, пока не придутъ къ нему французскія войска. Между тѣмъ Ласси осадилъ г. Данцигъ и въ немъ Станислава Лещинскаго. Осада затянулась. Тогда императрица послала къ Данцигу Миниха. Это былъ человѣкъ смѣлый и рѣшительный. Въ видахъ славы, онъ не щадилъ и себя. Онъ началъ бомбардировку этой крѣпости, и она загорѣлась въ разныхъ мѣстахъ. Жители ея пришли въ ужасъ. Французскіе отряды явились, но Минихъ отбилъ ихъ. Тогда Станиславъ Лещинскій переодѣлся въ крестьянское платье и ночью скрылся изъ города, оставивъ его на произволъ судьбы. Минихъ взялъ Данцигъ и всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ отправилъ въ Москву. Польскимъ королемъ сдѣлался сынъ Августа II *Августъ III*. Этотъ государь всталъ на сторонѣ Россіи, и черезъ него Россія добилась того, что въ Курляндіи герцогомъ былъ выбранъ Биронъ, любимецъ Анны Іоанновны. Тогда курляндское герцогство отдѣлилось отъ Польши совсѣмъ.

Не успѣлъ Минихъ возвратиться изъ Польши, какъ императрица дала ему новое порученіе—итти противъ турокъ. Минихъ былъ радъ, что получилъ новый случай отличиться военными подвигами. Онъ образовалъ двѣ арміи и одну изъ нихъ направилъ по р. Днѣпру къ Крѣпости *Очакову*, а другую по р. Дону къ *Азову*. Взявши обѣ эти крѣпости, онъ думалъ затѣмъ итти въ Крымъ къ *Перекопу*. На успѣхъ похода Минихъ надѣялся такъ, что заранѣе спрашивалъ императрицу, куда переселять христіанъ, обитавшихъ въ Крыму, когда они будутъ освобождены отъ татарской неволи. И дѣйствительно, первыя дѣйствія его были удачны: Очаковъ, Азовъ и Перекопъ были взяты. Минихъ двинулъ свои войска внутрь полуострова; на пути онъ опустошалъ нещадно татарскія селенія, бралъ въ плѣнъ татаръ и такъ прошелъ весь полуостровъ. Но въ войскѣ его появились болѣзни: умерло тысячъ до 30-ти. Это обстоятельство заставило его вернуться, не окончивши дѣла.

Прошло еще нѣсколько времени, и Миниху привелось воевать съ турками снова. На этотъ разъ война началась у насъ съ участіемъ Австріи. Минихъ въ этотъ разъ отправилъ свои войска на турецкую крѣпость *Хотинъ*. Турки это замѣтили, придвинули къ Хотину огромное войско и встрѣтили Миниха при *Ставучанахъ*. Они заняли здѣсь лучшую позицію. Миниху предстояло одно: или отступить, или напасть на турокъ съ опасностію для собственной жизни. Онъ

выбралъ послѣднее. Безстрашно бросился онъ на врага и взялъ Ставучаны. Турки бѣжали къ Хотину, а русскіе за ними, и не успѣлъ Минихъ извѣстить императрицу о побѣдѣ подъ Ставучанами, какъ наши войска взяли и Хотинъ. Послѣ этого Минихъ сталъ уже мечтать о дальнѣйшихъ своихъ подвигахъ, какъ вдругъ получается вѣсть, что Австрія заключила съ турками миръ. Тогда и русское правительство согласилось на миръ. По этому миру Азовъ остался за Россіей, но укрѣпленія его положено срыть. Россія лишилась права имѣть на Черномъ морѣ свой флотъ и принуждена была вести торговлю по этому морю на турецкихъ судахъ.

Первая ода Ломоносова.

Хотя война съ турками при Аннѣ Іоанновнѣ выгодъ намъ не принесла, но побѣды Миниха возбуждали народную гордость. Народный восторгъ выразилъ въ своемъ стихотвореніи вновь появившійся тогда замѣчательный поэтъ и писатель, Михаилъ Васильевичъ *Ломоносовъ*. Онъ написалъ оду „на взятіе Хотина“, въ которой звучными стихами воспѣлъ подвиги русскихъ при Ставучанахъ. Эта ода встрѣчена была въ Россіи съ восторгомъ, и на поэта обращено было вниманіе самой государыни. Оду „на взятіе Хотина“ Ломоносовъ писалъ за границей, и когда вернулся въ Россію, о немъ говорили, какъ уже о первомъ поэтѣ въ Россіи.

Елизавета Петровна.

(1741—1761).

Анна Іонновна умерла въ 1741 году. Преемницею ея была Елизавета Петровна, дочь Петра Великаго. Она упавляла государствомъ 20 лѣтъ.

Изъ событій внутренней и внѣшней жизни при ней были замѣчательны: учрежденіе въ Москвѣ Университета и участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ.

Учрежденіе университета въ Москвѣ.

Университетъ—это высшее свѣтское учебное учрежденіе. Въ университетахъ приготовляются учителя какъ для среднихъ, такъ и для высшихъ школъ. До Елизаветы Петровны у насъ не было ни одного университета. Между тѣмъ, для образованія народа, по плану просвѣщеннаго вельможи Ив. Ив. Шувалова, предполагалось открыть по всѣмъ губерн-

скимъ городамъ—гимназіи, а по уѣзднымъ—училища. Учителей требовалось много. Это и заставило въ 1755 году открыть университетъ въ Москвѣ, который сталъ образцомъ для учрежденія и другихъ университетовъ [1]). Проектъ московскаго университета составлялъ просвѣщенный вельможа Ив. Ив. *Шуваловъ*.

Ломоносовъ.

Михаилъ Васильевичъ *Ломоносовъ* былъ сынъ крестьянина Архангельской губ., изъ д. *Денисовки*. Отецъ его былъ рыбакъ. Бывая на рыбной ловлѣ и наблюдая за различными явленіями въ природѣ, Ломоносовъ еще въ раннемъ дѣтствѣ почувствовалъ нужду въ ученьѣ. Школъ въ окрестности не было, и онъ отданъ былъ для обученія грамотѣ приходскому дьячку. Ломоносовъ скоро научился читать и писать, но одной грамотности ему было мало. Наслушавшись, что хорошо учатъ въ Москвѣ, онъ надумалъ тихонько уйти изъ отцовскаго дома въ столицу. Пѣшкомъ, безъ денегъ, за возами рыбаковъ онъ прибылъ въ Москву. Здѣсь нашлись ему покровители, и онъ поступилъ въ Заиконоспасскую школу (академію). Своими успѣхами въ ученьѣ онъ удивлялъ всѣхъ учителей, и его послали для продолженія образованія въ Академію Кіевскую. Спустя немного времени, онъ снова вернулся въ Москву и отсюда посланъ былъ въ Санкт-петербургскую Академію наукъ. Изъ Академіи наукъ онъ отправленъ былъ за границу. Въ Германіи Ломоносовъ слушалъ лекціи у знаменитаго профессора Вольфа. Пробывъ заграницей четыре года, онъ получилъ одобреніе отъ многихъ лучшихъ профессоровъ. Въ Германіи онъ женился на одной бѣдной дѣвушкѣ, дочери портного. Денегъ для содержанія семьи у него было мало, а потому онъ задолжалъ и отъ долговъ принужденъ былъ бѣжать, оставивъ въ домѣ тестя и любимую жену.

Когда Ломоносовъ возвратился въ Петербургъ, его сдѣлали членомъ и профессоромъ Академіи наукъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ особенно напряженно трудиться по разнымъ отраслямъ знанія. Особенно онъ много трудился надъ обработкой русскаго языка. На своихъ звучныхъ стихахъ онъ первый показалъ, на сколько русскій языкъ можетъ быть

[1]) Теперь у насъ 8 университетовъ: въ С.-П-бургѣ, Москвѣ, Казани, Харьковѣ, Одессѣ, Варшавѣ, Юрьевѣ (Дерптѣ) и Томскѣ.

благозвученъ. Труды его по части просвѣщенія болѣе всѣхъ цѣнилъ Ив. Ив. Шуваловъ, который и былъ постояннымъ его покровителемъ. Ломоносовъ былъ извѣстенъ не только императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, но и Елизаветѣ Петровнѣ; цѣнила его и Екатерина II. Онъ умеръ въ 1765 году (на 55 году отъ рожденія).

Война съ Фридрихомъ II.

Фридрихъ II былъ прусскій король. Это былъ государь просвѣщенный. Онъ любилъ ученыхъ людей, самъ усердно занимался науками и писалъ прекрасные стихи. Съ императрицей Елизаветой Петровной онъ былъ въ отношеніяхъ дружественныхъ, но въ послѣдней половинѣ своего царствованія она рѣшилась вступить съ нимъ въ войну. Разрывъ произошелъ по австрійскимъ дѣламъ.

Въ Австріи императрицей была *Марія-Терезія*. Она вступила на престолъ не по правамъ наслѣдства (такъ какъ престолонаслѣдіе по женской линіи тамъ не признавалось), а по завѣщанію отца ея Карла VI; поэтому у нея явилось много соперниковъ, которые желали раздѣлить австрійскія владѣнія между собою. Фридрихъ II получилъ себѣ область Силезію, но и этимъ не удовольствовался. Онъ собралъ стотысячную армію, обучилъ ее военному строю, такъ что она стала лучшимъ войскомъ въ мірѣ, и объявилъ Маріи-Терезіи войну. Императрица Елизавета Петровна нашла, что Фридрихъ нарушаетъ миръ Европы только для того, чтобы дѣлать захваты чужихъ земель. Она рѣшилась положить предѣлъ его властолюбію и подать помощь Маріи-Терезіи. Составилась коалиція (союзъ) державъ: *Россіи*, *Австріи*, *Франціи*, и *Швеціи*. Наши войска совершили въ предѣлы Пруссіи пять походовъ.

Цорн-дорфъ и Кунерс-дорфъ.

Первые два похода нашихъ войскъ въ Пруссію были для насъ неудачны; фельдмаршалъ *Апраксинъ* при Эгерс-дорфѣ разбилъ армію прусскаго генерала *Левальда*, но потомъ отступилъ въ предѣлы Польши и тѣмъ далъ Пруссіи возможность поправиться. Во второй разъ наши войска были отправлены въ Пруссію подъ начальствомъ генерала *Фермора*. Они дошли до крѣпости Кюстрина и осадили ее. Фридрихъ самъ явился на помощь осажденнымъ и при деревнѣ *Цорн-*

дорфѣ далъ русскимъ кровопролитную битву. Въ 9 часовъ утра пруссаки напали на русскихъ, какъ львы; русскіе отбивали ихъ мужественно. До полудня шелъ кровопролитный бой; когда съ той и другой стороны истрачены были заряды, стали сражаться на штыкахъ и на шпагахъ; сраженіе прекратила только темная ночь. Болѣе 30 тысячъ воиновъ легло на полѣ битвы; но ни та, ни другая сторона побѣды себѣ приписать не могла; русскія войска отступили опять въ ту же Польшу. Третій походъ совершенъ былъ подъ начальствомъ графа *Салтыкова*. Главная битва произошла при деревнѣ *Кунерс-дорфѣ*. Король Фридрихъ II разсчитывалъ уничтожить враговъ быстрымъ на нихъ нападеніемъ; онъ обошелъ непріятеля и направилъ на него больше 200 пушекъ, но графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Румянцевъ и австрійскій генералъ Лаудонъ разстроили прусскую армію Фридриха такъ, что она бросилась въ бѣгство. Какъ король ни старался поддерживать мужество своихъ войскъ, ничто ему не помогло, Не разъ онъ бросался въ самый опасный огонь,— все было напрасно. „Ужели ни одно ядро меня не убьетъ!“ вскричалъ онъ, наконецъ, въ отчаяніи. Онъ едва спасся отъ плѣна. Салтыковъ перешелъ р. Одеръ и готовъ былъ преслѣдовать непріятеля внутрь самой Пруссіи, но у него шли пререканія съ австрійцами, которые разстроили дѣло. На зиму Салтыковъ вывелъ свое войско изъ Пруссіи въ Польшу.

Послѣ этого совершено было въ Пруссію еще два похода, но и эти походы не имѣли успѣха. Наконецъ Елизавета Петровна скончалась (25 дек, 1761 г.); на престолъ вступилъ племянникъ ея, Петръ III Ѳеодоровичъ, и наша политика перемѣнилась. Онъ велѣлъ нашимъ войскамъ перейти на сторону Фридриха и встать съ нимъ противъ австрійцевъ, а преемница его, Екатерина II, и совсѣмъ прекратила эту войну, которая была начата изъ-за интересовъ совсѣмъ для насъ чуждыхъ.

Императрица Екатерина II.

(1762—1796).

Императрица Екатерина II вступила на престолъ въ 1762 году. По своему происхожденію она была принцесса нѣмецкая, родилась въ нѣмецкомъ г. Штеттинѣ. Отецъ ея былъ небогатый владѣтельный князь. Годовъ 16-ти она прибыла въ Россію, приняла православную вѣру и сочеталась бракомъ

съ Петромъ Θеодоровичемъ, сыномъ Анны Петровны, дочери Петра Великаго, которому Елизавета Петровна намѣрена была передать свой престолъ.

Императрица Екатерина II Алексѣевна правила государствомъ 34 года. При ней Россія совершила много славныхъ походовъ, широко раскинула свои предѣлы и встала на-ряду съ первоклассными державами Европы.

Побѣды Румянцева.

Изъ сосѣднихъ государствъ къ намъ недружелюбно относились Турція и Польша. Екатерина не любила воевать, но съ тѣмъ и другимъ государствомъ вынуждена была свести свои счеты.

Война съ Турціею началась спустя четыре года послѣ вступленія Екатерины на всероссійскій престолъ. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство.

Одна шайка запорожскихъ казаковъ, преслѣдуя поляковъ, загнала ихъ въ турецкое мѣстечко *Балту*. Это мѣстечко было богатое: въ немъ жило много жидовъ, армянъ и татаръ, которые занимались торговлею. Казаки разграбили Балту и сожгли, а жителей избили. Запорожскіе казаки считались подданными Россіи; поэтому русское правительство отвѣтственность за нихъ должно было взять на себя. Правда, что императрица Екатерина могла бы отказаться отвѣчать за казаковъ, потому что они были вольницею, не желавшею знать надъ собою никакого правительства, но она не хотѣла входить въ препирательства съ Турціей и велѣла сообщить турецкому султану, что Россія вознаградитъ за убытки. Но въ Турціи заговорили: „турецкая кровь пролита...“ „наказать нужно Россію...“ Султанъ не согласился принять вознагражденіе за Балту, и Россіи осталось принять вызовъ къ войнѣ.

Екатерина снарядила двѣ арміи. Одну изъ нихъ она поручила князю *Голицыну*, а другую—*Румянцеву*. Голицыну она велѣла занять турецкую крѣпость Хотинъ, а Румянцеву поручила охранять южные предѣлы Россіи отъ татарскихъ набѣговъ.

Голицынъ взялъ Хотинъ, но дѣйствовалъ неосмотрительно, и потому Екатерина главное начальство надъ арміей передала Румянцеву, которому велѣла перейти на Дунай и занять тамъ турецкія крѣпости. У Румянцева было войска

всего 30 тысячъ; но повинуясь волѣ своей государыни, онъ пошелъ къ р. Пруту За нимъ устремились татары. Татаръ собралось тысячъ 80. Кромѣ того, Румянцевъ узналъ, что черезъ Дунай переправляется турецкій визирь и ведетъ противъ него 150 тысячъ турокъ. Въ виду такого множества враговъ Румянцевъ рѣшилъ дать сначала битву татарамъ. Битва произошла на р. *Ларгѣ.* Она открылась рано поутру, и къ полудню татары бѣжали, бросивъ и обозъ свой, и пушки. Теперь ему предстояло сразиться съ турецкимъ визиремъ; но въ отрядѣ Румянцева открылась чума; здороваго войска у него осталось только 17-ть тысячъ. Румянцевъ попросилъ подкрѣпленія, но Екатерина, знавши отвагу героя, отвѣтила: „римляне не считали враговъ, когда шли на войну, а только спрашивали: „гдѣ они?“ Послѣ такого отвѣта Румянцеву предстояло одно изъ двухъ: или отступить и погубить свою славу, которую онъ получилъ на р. Ларгѣ, или вступить въ бой съ далеко неравными силами. Румянцевъ рѣшился на бой. Турецкія войска собрались на рѣчкѣ *Кагулѣ.* Въ турецкой арміи были самые отважные полки янычаръ (гвардія султана), но Румянцева не остановило и это: онъ рѣшился умереть или побѣдить. Завидѣвши турокъ, онъ стремительно бросился на нихъ, чтобы, какъ говорится, втоптать въ грязный лиманъ рѣчки Кагула, при чемъ самъ былъ впереди. Янычары дали отпоръ и поколебали отрядъ Румянцева съ одной стороны. Замѣтивши это, Румянцевъ съ обнаженной саблей въ рукѣ бросился къ поколебавшемуся отряду и закричалъ: „Стой, ребята!“ Увидѣвши среди себя главнокомандующаго, солдаты ободрились и пошли смѣло на смерть. Турецкіе выстрѣлы вырывали изъ нашихъ рядовъ цѣлыя колонны, но войска Румянцева дружно продолжали свое наступленіе. На турокъ напалъ страхъ; они побѣжали, и полная побѣда осталась за нами. Замѣчательно, что все это совершилось въ то самое время, когда татарскій ханъ стоялъ на другой сторонѣ рѣчки Кагула, ничего не зная о дѣлѣ. Екатерина радовалась успѣхамъ Румянцева и прислала ему орденъ св. Георгія 1-й ст. и титулъ фельдмаршала.

Чесменскій бой.

Въ то время, когда Румянцевъ поражалъ турокъ на сушѣ, не менѣе славныя побѣды одерживалъ надъ турками и нашъ флотъ на Средиземномъ морѣ. Онъ раздѣленъ былъ на

двѣ эскадры: одна была поручена *Спиридову*, а другая *Эльфинстону*; главное же начальство надъ всѣмъ флотомъ отдано было графу *Орлову*. Наши эскадры съ большимъ трудомъ пробрались изъ Балтійскаго въ Средиземное море. Турецкій флотъ оказался вдвое сильнѣе нашего. Онъ занялъ мѣсто между островомъ Хіосомъ и берегомъ Малой Азіи, близъ крѣпостей, изъ которыхъ наши корабли громить было удобно, если бы они вздумали на него нападать. Всѣ державы знали, что флотъ у насъ еще недавно построился, и считали наше дѣло потеряннымъ; но Орловъ безъ всякихъ колебаній открылъ съ турками бой. Та и другая сторона въ этомъ бою обнаружили рѣдкое безстрашіе: корабли непріятелей сходились такъ близко, что враги могли бить другъ друга изъ пистолетовъ. Въ разгарѣ битвы столкнулись между собою и корабли адмиральскіе. Они сцѣпились бортами, такъ что солдаты стали биться на нихъ, какъ на сушѣ. Наконецъ, турецкій корабль загорѣлся, и подгорѣвшая мачта упала съ него на русскій адмиральскій корабль, прямо на то самое мѣсто, гдѣ лежалъ порохъ. Адмиралы спаслись, но корабли взлетѣли на воздухъ. Это до того перепугало турокъ, что они отъ Хіоса ушли и укрѣпились въ бухтѣ, при крѣпости *Чесмѣ*.

Но этимъ дѣло не кончилось. Въ русскомъ флотѣ былъ составленъ совѣтъ, гдѣ рѣшено запереть турецкій флотъ въ Чесменской гавани и уничтожить его. Не больше, какъ черезъ день, открылся бой еще ужаснѣе прежняго. Храбрость нашихъ моряковъ дошла до того, что четыре брандера съ зажигательными снарядами устремились въ самую средину непріятельскаго флота и удачно зажигали турецкіе корабли одинъ за другимъ. Бой на этотъ разъ продолжался не болѣе шести часовъ, и отъ турецкаго флота не осталось ни одного карабля.

Такіе успѣхи на морѣ радовали императрицу и русскій народъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ славные побѣды на сушѣ, потому что успѣховъ отъ него никто ждать не могъ. За побѣды на морѣ Екатерина наградила Орлова титуломъ героя *Чесменскаго*.

Послѣ всѣхъ столь славныхъ побѣдъ заключенъ былъ у насъ съ турками миръ въ деревнѣ *Кучукъ-Кайнарджи*. По условіямъ этого мира, турки обязались заплатить намъ контрибуцію четыре милл. пятьсотъ тысячъ руб., уступить Керчь, Азовъ и др. крѣпости, признать татаръ независимыми, а

русскимъ кораблямъ дозволить свободный проходъ изъ Чернаго моря въ Азовское.

Покореніе Крыма.

Еще со временъ Петра Великаго Россія стремилась пріобрѣсти себѣ хотя бы одинъ пунктъ на Азовскомъ морѣ. Теперь, при Екатеринѣ II, открылась полная возможность утвердиться и на берегахъ Чернаго моря; слѣдовало только взять Крымъ.

Крымскіе татары сами по себѣ были для насъ не опасны, но опасно было то, что они признавали покровительство турецкаго султана. Пользуясь теперь пораженіемъ турокъ и тѣмъ, что они отказались отъ покровительства крымскимъ татарамъ, князь *Долгоруковъ* пошелъ въ Крымъ и овладѣлъ имъ. Негодуя на то, что султанъ не пришелъ на защиту, крымскіе татары признали покровительство Россіи, но не переставали по временамъ слѣдовать внушеніямъ турецкой Порты. Это обнаруживалось особенно при перемѣнѣ хановъ. Россія долго имъ снисходила; наконецъ, Потемкинъ приступилъ къ дѣлу рѣшительно. На ханскомъ престолѣ въ Крыму сидѣлъ нерѣшительный, но преданный интересамъ Россіи *Шагинъ-Гирей*. Противъ него вспыхнулъ мятежъ, въ которомъ приняли участіе турки. Шагинъ-Гирей принужденъ былъ бѣжать въ Херсонесъ. Тогда Потемкинъ велѣлъ русскимъ войскамъ вступить въ Крымъ и занять тамъ всѣ крѣпости. Шагинъ-Гирей послѣ того не могъ чувствовать себя прочнымъ на тронѣ и отказался отъ него въ пользу Россіи. Россія приняла Шагинъ-Гирея подъ свое покровительство: онъ получилъ отъ русскаго правительства пенсію и жилъ сначала въ Воронежѣ, а потомъ переѣхалъ въ Калугу. Крымъ былъ объявленъ владѣніемъ Россіи, и большая часть турокъ переселилась изъ Крыма.

Потемкинъ и Суворовъ.

Потемкинъ и Суворовъ возвысились во второй половинѣ царствованія Екатерины II.

Григорій Александровичъ *Потемкинъ* былъ сынъ одного незнатнаго смоленскаго дворянина. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ духовной семинаріи, гдѣ познакомился съ богословскими науками. Потомъ онъ учился въ Московскомъ университетѣ, но курса не кончилъ. Послѣ этого онъ думалъ-было поступить въ монастырь, но отложилъ это намѣреніе, опредѣлился въ военную службу и сталъ служить

съ нижнихъ чиновъ. Онъ отличался необыкновенно свѣтлымъ умомъ, любовію къ отечеству и преданностью Престолу. На него обратила вниманіе императрица Екатерина II, и онъ сталъ быстро возвышаться въ должностяхъ и чинахъ. Онъ принималъ участіе въ первой турецкой войнѣ, какъ храбрый офицеръ. Здѣсь, вѣроятно, онъ и почерпнулъ ту ненависть къ туркамъ, по которой до конца своей жизни лелѣялъ мечту объ изгнаніи ихъ изъ Европы.

Екатерина глубоко цѣнила возвышенныя чувства Потемкина и во всемъ довѣряла ему, какъ ни одному изъ своихъ приближенныхъ. Когда перешелъ къ намъ югъ нынѣшней Россіи, Екатерина захотѣла скорѣе устроить его и заселить русскимъ народомъ. Дѣло это требовало большого ума и старанія. Императрица не нашла для него другого человѣка, кромѣ Потемкина, и онъ, дѣйствительно, населилъ этотъ пустынный край и устроилъ. Въ самое короткое время степи заселились народомъ, стало развиваться земледѣліе и разнообразные промыслы. Императрица сама осчастливила этотъ новоустроенный край своимъ посѣщеніемъ и осталась Потемкинымъ очень довольна. За безпримѣрныя заслуги она щедро награждала его: онъ былъ знатенъ и богатъ; но ни слава, ни богатство не дали покоя душѣ его. Онъ часто задумывался и умеръ отъ тоски.

Александръ Васильевичъ *Суворовъ* былъ сынъ генерала. Онъ родился въ 1729 году. Отъ дѣтства здоровье его было слабо, и отецъ никакъ не могъ думать, чтобы онъ съ честью могъ служить въ войскахъ, а потому готовилъ его въ чиновники. Но Александръ Васильевичъ съ малыхъ лѣтъ любилъ читать военныя книги и мечталъ поступить именно въ военную службу. Долго отецъ не давалъ ему на это согласія наконецъ принужденъ былъ уступить просьбамъ его и слезамъ. Александръ Васильевичъ опредѣлился въ полкъ простымъ солдатомъ. Отдавшись военному дѣлу всею душою, онъ съ самыхъ первыхъ шаговъ своей службы и до конца жизни былъ. какъ говорится, служакой честнымъ и исполнительнымъ. Разсказываютъ, что однажды онъ стоялъ на часахъ въ Монплезирѣ (въ Петергофѣ); мимо его проходила государыня Елизавета Петровна и заговорила съ нимъ. Ловкими отвѣтами онъ ей понравился, и она сказала: „Вотъ тебѣ рубль“, подавая ему серебряную монету.—„Законъ запрещаетъ солдату на часахъ брать что-нибудь“, отвѣтилъ Суворовъ. Этотъ отвѣтъ государынѣ понравился больше всего,

и она положила рубль на землѣ съ тѣмъ, чтобы Суворовъ взялъ его послѣ, когда кончитъ стоять на часахъ.

Какъ сынъ генерала и человѣкъ состоятельный, Суворовъ жилъ на частной квартирѣ, но только потому, чтобы ему было удобнѣе заниматься науками; въ самомъ же дѣлѣ онъ не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ: ѣлъ солдатскія щи и кашу, спалъ на соломѣ и проч.

Получивши первый офицерскій чинъ, онъ сталъ быстро возвышаться, такъ что подъ конецъ сдѣлался даже фельдмаршаломъ. Прошедши солдатскую школу, терпѣливо перенося всѣ лишенія наравнѣ съ солдатами, Суворовъ узналъ солдатскій бытъ, солдатскіе нравы, изучилъ солдатскій языкъ и, когда сталъ полководцемъ, такъ хорошо умѣлъ обращаться съ солдатами, что они для него, въ минуту опасности, могли забывать себя совершенно.

У Суворова была выработана особая тактика. Онъ говорилъ: „Глазомѣръ, натискъ и быстрота—самыя необходимыя вещи для успѣха въ войнѣ“.

Время свое Суворовъ проводилъ такъ, какъ требовали военныя условія: вставалъ очень рано, вмѣстѣ съ восходомъ солнца и отправлялся на ученье къ своимъ полкамъ. Обѣдалъ онъ въ 8-мь часовъ утра, послѣ обѣда отдыхалъ, потомъ занимался науками. Съ появленіемъ вечерней зари онъ ужиналъ и тотчасъ же ложился спать. Каждое утро какъ лѣтомъ, такъ и зимою, онъ окачивался холодною водою. Зимой, даже въ трескучіе морозы, онъ не позволялъ надѣвать на себя теплой шубы,—и здоровье его было крѣпкое. Въ праздничные дни онъ неопустительно ходилъ въ церковь за богослуженіе, пѣлъ на клиросѣ вмѣстѣ съ дьячкомъ, читалъ за обѣдней Апостолъ. Въ свободное время онъ училъ грамотѣ солдатскихъ дѣтей. Въ обращеніи съ другими онъ держалъ себя просто, и эта простота его инымъ казалась иногда даже странною. Такъ, въ обществѣ, при разговорѣ съ лицами даже высокопоставленными, онъ нерѣдко дозволялъ себѣ вставлять шутки и прибаутки, причемъ иногда прыгалъ, скакалъ, пѣлъ пѣтухомъ и проч. Многіе за это называли его чудакомъ и осуждали предъ государынею; но Екатерина любила и щедро награждала его.

Изъ военныхъ дѣлъ Суворова особенное вниманіе обращаютъ на себя побѣды его въ Польшѣ во время Екатерины и трудный походъ его въ Италію и Швейцарію при Павлѣ I

Паденіе Польши и возсоединеніе русскихъ земель.

Было время, когда польское государство страшило насъ своею силою; было время, когда оно отнимало у насъ земли; но въ царствованіе Екатерины II Польшѣ пришлось не только возвратить намъ назадъ всѣ наши владѣнія, но и покончить свое существованіе.

Еще съ конца XVI вѣка польское государство стало обнаруживать слабость. Король сталъ терять свою силу, власть сталъ захватывать сеймъ, или собраніе шляхты. Сеймъ сталъ рѣшать государственныя дѣла, сеймъ сталъ издавать и законы. Но главная бѣда Польши была въ томъ, что на сеймѣ положено было рѣшать дѣла только полнымъ согласіемъ всѣхъ депутатовъ. Поэтому, чѣмъ важнѣе поднимался на сеймѣ вопросъ, тѣмъ больше возникало партій, и тѣмъ сильнѣе становилась между ними вражда. Эта вражда партій была особенно гибельна для государства, когда приходилось избирать короля. Тогда партіи вступали въ войну между собою и, случалось, приглашали на помощь другія державы. Сосѣднимъ государствамъ такіе безпорядки не нравились, и они охотно посылали въ Польшу свои войска. Вмѣшиваться въ дѣла Польши больше поводовъ было Россіи: поляки захватили у Россіи много земель; къ ней съ давнихъ поръ обращались съ мольбой о защитѣ польскіе диссиденты (православные), которые подвергались жестокимъ гоненіямъ. Вслѣдствіе того Россія все больше и больше пріобрѣтала вліянія на дѣла Польскаго государства. Дошло до того, что въ Польшѣ не совершалось уже ни одного важнаго дѣла, въ которомъ бы Россія не принимала участія. Многимъ полякамъ такое вмѣшательство Россіи въ польскія дѣла казалось опаснымъ, и они составляли кружки, которые подготовляли возстаніе. Эти кружки извѣстны подъ именемъ „конфедерацій". Изъ конфедерацій особенно замѣчательна была конфедерація въ г. *Баръ*. Въ Польшѣ королемъ былъ Станиславъ *Понятовскій*. Онъ сочувствовалъ Россіи. За это конфедераты рѣшились похитить его. Они проникли въ Варшаву и ночью, когда король возвращался изъ гостей, схватили его и скрылись въ лѣсу. Но здѣсь похитители натолкнулись на русскихъ солдатъ и бѣжали, такъ что затѣя осталась напрасною.

Это обстоятельство заставило сосѣдей вмѣшаться въ судьбу Польши болѣе рѣшительнымъ образомъ. Прусскій король

Фридрихъ II, желавшій округлить свои владѣнія, подалъ Екатеринѣ мысль отнять у Польши часть пограничныхъ земель. Екатерина приняла его планы, и раздѣлъ польскихъ земель состоялся въ 1773 году.

Но безпорядки въ Польшѣ не прекращались и послѣ того. Тогда державы произвели второй раздѣлъ Польши (1793 г.). Поляки поняли, что дѣло клонится къ погибели ихъ государства и стали волноваться болѣе прежняго. Во главѣ недовольныхъ всталъ теперь самый отважный изъ польскихъ патріотовъ—*Костюшко*, Онъ собралъ людей, которые готовы были умереть за отечество. И теперь поляки дѣйствовали по прежнему отважно и смѣло. Въ Варшавѣ стояли русскія войска. Мятежники по сточной трубѣ пробрались ночью въ городъ, отперли городскія ворота и перерѣзали до двухъ тысячъ русскихъ солдатъ, когда тѣ еще спали. Это было на Страстной недѣлѣ, и поляки назвали эту рѣзню „Страстною заутреней".

Такой образъ дѣйствій возмутилъ, наконецъ, Екатерину, и она послала въ Польшу Суворова съ тѣмъ, чтобы онъ покончилъ съ поляками. Суворовъ съ храбрыми своими молодцами-солдатами 700 верстъ прошелъ въ 12 сутокъ и поражалъ мятежниковъ на каждомъ шагу. Узнавши о приближеніи Суворова къ столицѣ Польши Варшавѣ Костюшко вступилъ въ бой съ генераломъ Ферзеномъ при *Маціовицахъ*, чтобы не дать ему возможности соединиться съ Суворовымъ. Онъ бился, не щадя самого себя, и былъ раненъ. Выбившись, наконецъ, изъ силъ и видя свое пораженіе, Костюшко бросилъ, говорятъ, свою саблю на землю и громко вскричалъ: „Теперь конецъ Польшѣ!" Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, а конфедераты разсѣяны.

Суворовъ подступилъ къ *Прагѣ*, предмѣстью Варшавы. Городъ не сдавался, но Суворовъ взялъ его, сжегъ и разрушилъ. Боясь участи Праги, Варшава не рѣшилась сопротивляться, и Суворову вынесены были отъ крѣпости золотые ключи, которые онъ съ торжествомъ представилъ императрицѣ.

Послѣ всѣхъ такихъ пораженій Польша поняла свою слабость. Король Станиславъ Понятовскій отказался отъ престола и нашелъ себѣ пріютъ въ Петербургѣ. Тогда всѣ польскія владѣнія были раздѣлены въ третій разъ и уже окончательно (1795). По всѣмъ тремъ раздѣламъ Россія получила такъ называемую *Бѣлоруссію*, *Волынь*, *Литву и Курлян-*

дію, а остальныя польскія земли достались Австріи и Пруссіи. За Пруссіей же остался и г. Варшава.

Такъ польское государство прекратило свое существованіе.

Преобразованія Екатерины.

Отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II прошло 37 лѣтъ, но и въ это короткое время народная жизнь успѣла заявить много новыхъ нуждъ и потребностей. Екатерина II прежде всего увидѣла нужду въ *законахъ.* На пятомъ году своего царствованія она велѣла собраться въ Москву выборнымъ людямъ отъ всѣхъ областей и сословій для того, чтобы они занялись составленіемъ „Новаго Уложенія". Для руководства имъ она написала знаменитый „Наказъ". Выборныхъ собралось 567 человѣкъ. Предсѣдателемъ избранъ былъ *Бибиковъ* (депутатъ костромской). Засѣданія открылись лѣтомъ 1767 года. Комиссія работала около двухъ лѣтъ очень усердно; каждый депутатъ старался добросовѣстно свидѣтельствовать о томъ, въ чемъ нуждается край его. Императрица очень интересовалась Комиссіей, сама читала ея протоколы и разсужденіями депутатовъ была очень довольна. Но Комиссія уложенія не окончила дѣла. Екатерина закрыла ее, потому что всѣмъ народнымъ нуждамъ сразу удовлетворить было нельзя; съ другой стороны—потому, что у насъ началась война съ турками. Впрочемъ, Екатерина послѣ писала: „Теперь мы стали судить о цвѣтахъ по самымъ цвѣтамъ, а не такъ, какъ о нихъ судятъ слѣпые".

Другимъ дѣломъ Екатерины II было „учрежденіе о губерніяхъ". Петръ великій раздѣлилъ Россію на 12 губерній и чрезъ то внесъ въ управленіе лучшіе порядки. Но время прошло, и опытъ жизни показалъ, что Петровы губерніи очень обширны; поэтому Екатерина раздѣлила Россію на 50 губерній. Дѣленіе сдѣлано по количеству народонаселенія (а не по пространству). Каждая губернія ввѣрена была губернатору. Учрежденіе о губерніяхъ издано въ 1775 году.

Третьимъ дѣломъ императрицы Екатерины II было преобразованіе „сословій". Такъ, Екатерина дала дворянству „Жалованную Грамоту". Петръ Великій назвалъ дворянство сословіемъ „благороднымъ"; Екатерина утвердила за нимъ особенныя привиллегіи. Такими привиллегіями были: неотъемлемость дворянскаго достоинства, право на высшія дол-

жности, свобода отъ податей, тѣлесныхъ наказанiй и пытокъ, право владѣть населенною землей и крестьянами. Кромѣ того, Екатерина Жалованной Грамотой предоставила дворянству каждой губернiи право черезъ каждые три года составлять свои дворянскiя собранiя, или съѣзды и производить на нихъ выборы дворянъ на различныя должности (губернскихъ и уѣздныхъ предводителей, уѣздныхъ судей и проч.), разсуждать о дѣлахъ, касающихся дворянскаго сословiя, изыскивать мѣры къ улучшенiю порядка, судить виновныхъ дворянъ и исключать ихъ изъ своего сословiя, когда они своего высокаго положенiя не оправдывали, и проч. Но въ Жалованной Грамотѣ особенно важно то, что, разрѣшая всѣмъ дворянамъ являться на собранiя, подавать голосъ разрѣшалось только тѣмъ, которые на дѣйствительной государственной службѣ получили офицерскiй чинъ. Такое распоряженiе побуждало дворянъ служить и своею службою быть полезными отечеству. Жалованная Грамота издана въ 1785 г.

Въ томъ же 1785 году Екатерина издала „Городовое Положенiе“. Городовое Положенiе Екатерины дѣлитъ горожанъ на купцовъ и мѣщанъ. Горожанамъ, какъ и дворянамъ, предоставлено право составлять собранiя и обсуждать дѣла, касающiяся города, городской жизни и промысловъ. Для завѣдыванiя текущими дѣлами горожане въ общихъ собранiяхъ черезъ каждые три года избирали городского голову и членовъ такъ называемой думы или ратуши. На думы и ратуши возложены обязанности завѣдывать приходомъ и расходомъ городскихъ суммъ, городскими постройками, заботы о бѣдныхъ (вдовахъ и сиротахъ), объ улучшенiи промышленности и торговли, о просвѣщенiи и объ охранѣ общественнаго здоровья.

Немало заботъ прилагала Екатерина также и о *крестьянахъ*. Они издавна находились во власти помѣщиковъ, или, какъ говорится, прикрѣплены были къ землѣ, принадлежавшей помѣщикамъ. Предоставляя сословныя права дворянамъ и горожанамъ, Екатерина желала дать свободу и крестьянамъ; но этотъ вопросъ былъ такъ труденъ, что разрѣшить его она отказалась. Затрудненiе было въ томъ, что тогда не знали, какъ устроить крестьянъ на свободѣ. Поэтому Екатерина рѣшилась освободить отъ крѣпостной зависимости только монастырскихъ крестьянъ; она отдала ихъ въ управленiе такъ называемой „Коллегiи экономiи“. Но между крестьянами, которые остались за помѣщиками, пошли безпо-

рядки: во многихъ мѣстахъ крестьяне перестали слушаться помѣщиковъ. Екатерина была обременена жалобами на нихъ и вслѣдствіе этого, совершенно вопреки своимъ желаніямъ, должна была запретить крестьянамъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ и тѣмъ закрѣпила ихъ за помѣщиками болѣе прежняго.

Кромѣ всего этого, императрица Екатерина II произвела улучшеніе въ *финансахъ, войскѣ* и *образованіи.*

Денегъ на государственные расходы при Екатеринѣ требовалось несравненно болѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ. Собирать государственные доходы она поручила казначействамъ и обязала ихъ вести отчетность самую строгую. Немаловажное значеніе въ финансовомъ отношеніи имѣло и учрежденіе Екатериною банка, въ которомъ частные промышленные люди могли занимать деньги и развивать на нихъ свои промыслы. Разбогатѣвши отъ промысла, они потомъ уплачивали долгъ банку съ процентами. Такимъ образомъ получали выгоды и банки и люди промышленные.

Для войска и флота Екатерина II сдѣлала много. Флотъ послѣ Петра Великаго у насъ совершенно пропалъ,—Екатерина создала его вновь. Сухопутныя войска она сформировала стройнѣе, чѣмъ они были даже при великомъ Петрѣ. Въ арміи она ввела болѣе строгую дисциплину (внѣшній порядокъ). Полководцамъ повелѣла какъ можно болѣе заботиться о томъ, чтобы солдаты были одѣты и сыты. Это подняло духъ нашей арміи, и для солдата, какъ и для полководца, было достаточно одного только слова Екатерины, чтобы не жалѣть себя въ минуту опасности.

Для народнаго образованія много потрудились при Екатеринѣ вельможи Ив. Ив. *Бецкій* и графъ *Завадовскій.* Они предлагали завести во всѣхъ главныхъ городахъ воспитательныя учрежденія мужскія и женскія, чтобы въ эти учрежденія отдавались дѣти еще малолѣтнія и чтобы они не выпускались изъ нихъ до окончанія курса. Этимъ путемъ правительству хотѣлось скорѣе освободить народъ отъ господствовавшихъ тогда предразсудковъ и суевѣрій. Затѣмъ въ губернскихъ городахъ предполагалось завести „Главныя народныя училища“ изъ 4-хъ классовъ для дѣтей свободнаго состоянія, а въ уѣздныхъ городахъ—училища изъ 2-хъ классовъ. Послѣднія назначались для дѣтей низшихъ сословій. Эти планы привести въ исполненіе Екатеринѣ не уда-

лось, потому что не было денегъ, но они оказались полезными для правительства послѣ.

Походъ Суворова въ Италію и Швейцарію при Павлѣ I.

Послѣ завоеванія Варшавы и Польши, Суворовъ получилъ званіе фельдмаршала. Екатерина писала ему, что онъ „завоевалъ этотъ чинъ себѣ самъ", такъ какъ получилъ его раньше многихъ генераловъ, которые по службѣ были старше его. Вслѣдствіе такого возвышенія Суворовъ имѣлъ много завистниковъ и враговъ. Когда по смерти Екатерины, на престолъ вступилъ Павелъ I, Суворовъ долженъ былъ, по волѣ его, отправиться на житье въ свою деревню, село Кончанское (Новгор. губ.).

Поселившись въ деревнѣ, онъ сталъ жить очень просто: ходилъ, по обычаю, неопустительно въ церковь, пѣлъ и читалъ съ дьячкомъ на клиросѣ, звонилъ на колокольнѣ, но не покидалъ занятій военными науками и слѣдилъ за политикой.

Въ то время вниманіе всѣхъ обращала на себя Франція. Въ девяностыхъ годахъ XVIII столѣтія въ устройствѣ этого государства произошли крупныя перемѣны. Добрый, умный и образованный король Людовикъ XVI былъ казненъ на эшафотѣ. Государствомъ стали управлять лица, которыя старались распространить въ странѣ ужасъ и тѣмъ поддержать свою власть. Всѣ порядки, которые существовали изстари, при короляхъ, они старались уничтожить; завели новое счисленіе времени не отъ Р. Хр., а отъ революціи, перемѣнили названіе мѣсяцевъ, уничтожили счетъ дней по недѣлямъ; наконецъ, дошли до того, что стали смѣяться надъ христіанствомъ и составили новую вѣру: вмѣсто Іисуса Христа стали молиться „Разуму". Кто не соглашался принимать ихъ нововведеній, того они убивали. Чтобы скорѣе совершать эти казни, они придумали даже особую машину, которая названа была „гильотиной". Это—тяжелый топоръ на пружинахъ.

Страшныя событія во Франціи привели въ ужасъ всѣ государства Европы, и они согласились общими силами остановить эти кровавые безпорядки. Англія, Голландія, Пруссія, Австрія, Испанія, Португалія и Неаполь стали посылать противъ французовъ свои войска. Французы вступали съ ними въ борьбу и отражали ихъ. У нихъ нашлись опытные и отважные полководцы: Журданъ, Моро, Массена и знамени-

тѣйшій изъ всѣхъ ихъ *Наполеонъ Бонапартъ*. Побѣждая союзниковъ, французы захватывали у нихъ земли и присоединяли ихъ къ своему государству. Въ довольно короткое время къ французамъ перешли: Сѣверная Италія (Ломбардія), гдѣ велъ войну Наполеонъ, Голандія, Швейцарія и германскія владѣнія по лѣвую сторону Рейна, а потомъ Наполеонъ надумалъ завоевать и Египетъ, чтобы подорвать значеніе Англіи.

Суворовъ, когда жилъ въ деревнѣ и получалъ вѣсти о подвигахъ и славѣ Наполеона, постоянно говорилъ: „Далеко шагаетъ молодой человѣкъ. Пора бы унять его“. Но въ это время онъ и думать не могъ, чтобы ему пришлось вести съ нимъ войну.

Между тѣмъ императоръ Павелъ I рѣшилъ вступить въ союзъ съ европейскими державами противъ французовъ и послалъ войска. Австрійскій императоръ просилъ Павла I, чтобы онъ для борьбы съ Наполеономъ непремѣнно прислалъ Суворова. Тогда Павелъ Петровичъ написалъ Суворову собственноручное письмо: „Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше—спасти... Виноватаго изъ насъ Богъ проститъ“. Заплакалъ Суворовъ, когда прочиталъ эти милостивыя строки своего государя, и цѣловалъ ихъ нѣсколько разъ. „Часъ собираться, а другой отправляться“, сказалъ онъ своему слугѣ, отслужилъ молебенъ, занялъ денегъ на дорогу и помчался въ Петербургъ. „Здѣсь я служилъ дьячкомъ, пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ“,—говорилъ онъ, прощаясь съ деревней.

Императоръ Павелъ Петровичъ наградилъ Суворова орденомъ Іоанна іерусалимскаго большого креста и послалъ въ Вѣну. Здѣсь Суворова встрѣтили блестящими торжествами.

Первымъ дѣломъ его было отнять у французовъ *Италію* и выгнать ихъ изъ этой страны. Явившись въ Италію, онъ сталъ громить французовъ своими побѣдами, и въ четыре мѣсяца вся Сѣверная Италія очутилась въ рукахъ союзниковъ. За подвиги въ Италіи Суворовъ получилъ титулъ „Свѣтлѣйшаго князя *Италійскаго*“.

Изъ Италіи Суворовъ былъ отправленъ въ *Швейцарію*. Тамъ съ австрійскими войсками дѣйствовалъ противъ французовъ нашъ полководецъ Римскій-Корсаковъ. Суворовъ долженъ былъ соединиться съ нимъ. Но Суворову въ этомъ

походѣ представились неимовѣрныя трудности: ему пришлось переходить самыя высокія горы, вершины которыхъ были выше облаковъ и, опираясь штыками, перебираться по обледенѣлымъ ихъ вершинамъ и склонамъ. На каждомъ шагу была опасность поскользнуться и упасть въ пропасть. Не разъ наши солдаты должны были перебираться черезъ пропасти по доскамъ, связаннымъ шарфами своихъ офицеровъ. Безчисленное множество разъ эти опасности усиливались отъ нападенія французовъ, которые сторожили Суворова на каждомъ шагу. Суворовъ преодолѣлъ всѣ эти трудности и сошелъ въ Муттенскую долину, гдѣ думалъ соединиться съ русскими войсками Римскаго-Корсакова и австрійцами. Но оказалось, что австрійскія войска ушли, Римскій-Корсаковъ былъ разбитъ французами, и Муттенская долина окружена врагами. Положеніе Суворова казалось безвыходнымъ. Войско его стало роптать на то, что онъ завелъ его на погибель, и готово было сдаться врагу. Суворовъ увидѣлъ измѣну союзниковъ, но остался твердъ. Онъ выѣхалъ къ своимъ войскамъ и велѣлъ копать могилу. „Не дамъ костей моихъ врагамъ: пусть послѣ скажутъ, что Суворовъ жертва измѣны, но не трусости. Если вы не хотите за мной итти, то заройте меня здѣсь живого“, и съ этими словами онъ, говорятъ, легъ въ приготовленную могилу. Суворовцы рѣшились умереть со своимъ полководцемъ, бились съ врагами на смерть и вышли побѣдителями.

Императоръ Павелъ Петровичъ и самъ понялъ, что австрійцы ему измѣняютъ, и повелѣлъ своимъ войскамъ вернуться въ Россію. Суворовъ прибылъ въ Петербургъ, но черезъ двѣ недѣли умеръ, на 72 году жизни. Императоръ Павелъ I велѣлъ воздвигнуть ему памятникъ.

Императоръ Александръ I и Наполеонъ.

Императоръ Александръ Павловичъ былъ старшій сынъ императора Павла Петровича. Онъ родился въ 1777 году. Императрица Екатерина очень любила его и съ самаго дня рожденія окружала его материнскими заботами. Когда для Александра Павловича пришло время учиться, она составила азбуку и назвала ее „Бабушкина азбука великому князю Александру“. Обученіе Александра Павловича она ввѣрила швейцарскому урожденцу *Лагарпу*, а воспитаніе поручила вельможѣ доброму и честному, Николаю Ив. *Салтыкову*.

Съ самыхъ юныхъ годовъ Александръ Павловичъ отли-

чаїся добрымъ сердцемъ и признательностью къ своимъ воспитателямъ. Учился онъ прилежно и успѣвалъ прекрасно.

Въ 1801 году онъ вступилъ на престолъ. На первыхъ порахъ своего правленія онъ думалъ жить въ мирѣ со всѣми народами и избѣгалъ всякихъ поводовъ къ ссорамъ. Но скоро ему стало ясно, что такой миръ невозможенъ. Кровавыя событія во Франціи не могли не возмутить его доброй души. Самовольные поступки Наполеона и гордое обращеніе его съ сосѣдями необходимо призывало Александра къ участію въ дѣлахъ Европы.

Наполеонъ родился въ 1769 году на островѣ Корсикѣ, въ г. Аячіо и былъ, такимъ образомъ, старше Александра на 8 лѣтъ. Съ дѣтства онъ обнаруживалъ необыкновенное упрямство и необыкновенно твердую волю. Учился онъ прилежно и успѣшно, но былъ угрюмъ и чуждался общества. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Бріенской школѣ (во Франціи), а потомъ на 17 году окончилъ курсъ въ парижскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Служить онъ сталъ въ войскѣ, и революція дала ему возможность быстро возвыситься: на 25 году отъ рожденія онъ сдѣланъ былъ генераломъ. Походъ въ Италію и экспедиція въ Египетъ доставили ему необыкновенную славу. Французы приходили въ восторгъ отъ одного только имени Наполеона.

Пользуясь народнымъ расположеніемъ, Наполеонъ захватилъ потомъ и всю власть въ государствѣ. Опираясь на друзей и войска, онъ объявилъ себя императоромъ Франціи (1804). Съ сосѣдними государями онъ сталъ держать себя гордо и надменно. Чтобы ограничить его произволъ и властолюбіе, государи Европы составляли союзы. Наполеонъ поражалъ ихъ: онъ разбилъ войска австрійцевъ, взялъ Вѣну и принудилъ австрійскаго императора къ миру, по которому отнялъ у Австріи цѣлую треть земель. Вслѣдъ затѣмъ онъ втянулъ въ войну Пруссію, быстро уничтожилъ самыя лучшія ея войска и тоже отрѣзалъ себѣ значительную часть ея владѣній.

Съ русскимъ императоромъ Александромъ I онъ старался быть въ дружбѣ: онъ льстилъ ему и хитрилъ передъ нимъ; но дѣла его скоро дали понять, что у него есть виды и на Россію. Александръ пересталъ уступать ему, и Наполеонъ вступилъ съ нимъ въ войну, которая у насъ называется „войною отечественною“.

Отечественная война.

(1812).

Наша отечественная война съ Наполеономъ открылась въ 1812 году. Іюня 12 дня Наполеонъ перешелъ нашу границу (р. Нѣманъ). Въ Западной Европѣ подчинялось ему тогда двадцать народовъ, и всѣ невольно давали ему свои войска для борьбы съ Россіею. Черезъ границу къ намъ онъ перевелъ 600 тысячъ войска; мы же на первыхъ порахъ могли выставить противъ него только 200 тысячъ. Но насколько смѣлъ былъ Наполеонъ, когда выступилъ противъ Россіи, настолько мужественъ былъ Александръ, когда выходилъ навстрѣчу ему. Онъ говорилъ: „Разъ война начата, мое твердое намѣреніе ея не оканчивать, хотя бы пришлось сражаться на берегахъ Волги"... „Не положу оружія, пока ни одного непріятельскаго воина не останется въ моемъ царствѣ"... „На зачинающаго Богъ"... Русскій народъ благословлялъ своего гусударя и до того былъ возбужденъ противъ дѣйствій Наполеона, что изъявилъ готовность на поголовное ополченіе, такъ что императоръ Александръ Павловичъ вынужденъ былъ ограничить сборъ ополченія 16-ю губерніями, ближайшими къ мѣсту войны. Деньги жертвовались такъ щедро, что въ короткое время собрано было до 100 милліоновъ рублей.

Но прежде чѣмъ начать оборону отечества, императоръ Александръ написалъ Наполеону письмо, въ которомъ говорилъ, что желаетъ мира, но не постыднаго, что Наполеонъ самъ началъ войну, самъ долженъ принять и отвѣтственность за кровь двухъ народовъ. Наполеону было стыдно согласиться на миръ безъ уступокъ со стороны Александра.

Наша западная граница тянулась отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Всю эту линію (верстъ на 600) нужно было охранять, потому что русскіе не могли знать, гдѣ пойдутъ французскія войска. Но главныя наши силы встали на пути къ Москвѣ и Петербургу. Двѣ главнѣйшія наши арміи расположились такъ: первая, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, встала по Западной Двинѣ, а вторая, подъ начальствомъ Багратіона,—въ Гродненской губерніи. Между ними разстояніе было верстъ въ триста. Наполеонъ задумалъ разъединить эти арміи, чтобы разбить ихъ потомъ порознь. Онъ приказалъ маршалу Даву пройти къ г. Минску, а самъ

направился къ г. Витебску, противъ арміи Барклая-де-Толли. Когда у насъ узнали объ этомъ, рѣшили соединить обѣ арміи у Витебска. Багратіонъ долженъ былъ обойти армію Даву, который старался мѣшать его соединенію. Барклай-де-Толли получалъ свѣдѣнія о затруднительномъ положеніи арміи Багратіона и дѣлалъ постепенное отступленіе на юго-востокъ. Но терпѣливо ожидая Багратіона, Барклай-де-Толли высылалъ противъ арміи Наполеона отдѣльные отряды, чтобы они задерживали ея движеніе къ Витебску. Такъ, изъ Витебска онъ послалъ *Остермана.* При Островнѣ произошелъ бой ужасный. Силы наши гибли, такъ что цѣлые ряды изъ полковъ вырывало картечью; но Остерманъ неустрашимо стоялъ подъ огнемъ. Видя бѣду, генералы спрашивали его: „Что же намъ дѣлать?“—„Ничего болѣе, какъ стоять и умирать“, отвѣчалъ имъ Остерманъ. Три дня продолжались битвы, и, наконецъ, французы подошли къ самому Витебску. Былъ вечеръ. Наполеонъ отложилъ приступъ къ городу до утра. На слѣдующій день, съ первымъ лучомъ восходящаго солнца, онъ началъ пальбу, но отвѣта ему изъ города не было. Оказалось, что въ немъ не было ни одного человѣка: наша армія ушла, но куда? Никто объ этомъ не зналъ. Французы нашли, говорятъ, одного солдата, который спалъ подъ кустомъ въ окрестностяхъ г. Витебска, но и онъ не могъ сказать, куда наши ушли. Между тѣмъ Барклай-де-Толли отошелъ къ Смоленску. Сюда же вслѣдъ за тѣмъ пришелъ и Багратіонъ, которому удалось обмануть маршала Даву и обойти его подъ Могилевомъ.

Когда наши арміи соединились, всѣ думали, что подъ Смоленскомъ будетъ бой всѣхъ русскихъ силъ съ силами французовъ. Желалъ боя подъ Смоленскомъ и самъ Наполеонъ; но нашъ полководецъ Барклай-де-Толли склоненъ былъ болѣе всего къ отступленію. Онъ намѣренъ былъ отступить къ Москвѣ, чтобы заманить непріятеля въ глубь Россіи, лишить его возможности получать подкрѣпленіе и провіантъ. Никто, даже самъ императоръ, не понималъ его плановъ. И солдаты, и генералы роптали на Барклая-де-Толли за то, что подъ Смоленскомъ онъ упускаетъ благопріятную минуту. Но Барклай-де-Толли не измѣнялъ своихъ плановъ. Уступая общему желанію, онъ только отдалъ рѣшеніе вопроса на военный совѣтъ. На военномъ совѣтѣ было рѣшено биться съ врагомъ подъ Смоленскомъ.

Наполеонъ направилъ къ Смоленску свои главныя си-

лы; Барклай-де-Толли послалъ противъ нихъ генерала *Невѣровскаго*. Невѣровскій встрѣтилъ французовъ подъ г. Краснымъ и задерживалъ ихъ нѣсколько дней. Не имѣя возможности остановить сильнѣйшаго непріятеля, онъ, наконецъ, отступилъ; но сами французы говорили. что онъ отступалъ здѣсь „какъ левъ“.

Подступивши къ Смоленску, Наполеонъ велѣлъ бомбардировать городъ, чтобы взять его приступомъ. Цѣлый день велась канонада. Ядра въ городъ сыпались сотнями. Городъ во многихъ мѣстахъ загорѣлся, но наши войска отбивались до темнаго вечера. Ими командовалъ сначала Раевскій, а потомъ *Дохтуровъ*. Наполеонъ потерялъ подъ Смоленскомъ тысячъ 12-ть.

Но Барклай-де-Толли оборонялъ Смоленскъ только для того, чтобы хоть нѣсколько успокоить ропотъ въ войскахъ; въ самомъ же дѣлѣ онъ и теперь желалъ отступленія. И дѣйствительно, въ ночь послѣ страшной канонады онъ велѣлъ Дохтурову очистить городъ и итти на московскую дорогу. Утромъ французы нашли и этотъ городъ пустымъ.

Теперь главнѣйшей заботой Барклая-де-Толли стало одно: какъ бы занять московскую дорогу, чтобы не отрѣзалъ ему пути непріятель. Отступленіе нашей арміи отъ Смоленска совершилось въ правильномъ порядкѣ. Наши войска вышли на московскую дорогу. Наполеонъ повелъ свою армію по слѣдамъ ихъ, но на пути встрѣчалъ уже только развалины.

Чѣмъ далѣе отступала наша армія по московской дорогѣ, тѣмъ болѣе она роптала на Барклая-де-Толли. Дошло, наконецъ, до того, что войска перестали встрѣчать его обычнымъ „ура“.

Императоръ Александръ, считая такое недовѣріе войскъ къ главнокомандующему вреднымъ для дѣла, назначилъ на мѣсто Барклая-де-Толли *Кутузова*. Это былъ талантливый ученикъ Суворова. Онъ уже сражался съ Наполеономъ въ Австріи; имя его знала вся Россія, и теперь назначеніе его главнокомандующимъ было желаннымъ для всѣхъ.

Августа 8 числа Кутузовъ получилъ назначеніе, а 11 отправился въ армію. Передъ отъѣздомъ онъ прибылъ въ Казанскій соборъ и на колѣняхъ, со слезами слушалъ молебенъ предъ образомъ Казанской Божіей Матери. Протоіерей собора окропилъ его святою водою и на блюдѣ подалъ ему образокъ Божіей Матери, который Кутузовъ надѣлъ на себя.

„Молитесь обо мнѣ,—сказалъ онъ священникамъ:—меня посылаютъ на великое дѣло“. Народъ напутствовалъ Кутузова благословеніями; многіе цѣловали даже слѣды кареты его.

Кутузову дано было полное право распоряжаться военными дѣйствіями. При *Царевъ-Займищѣ* онъ явился къ войскамъ и умѣлъ ихъ ободрить. „Съ такими-то молодцами да отступать!“—сказалъ онъ, осматривая войска.—Войска были рады ему и встрѣтили его съ восторгомъ. „Кутузовъ,—говорили они,—пришелъ бить французовъ“. Но оказалось, что и Кутузовъ велѣлъ дѣлать отступленіе къ той же Москвѣ. Только на Бородинскихъ поляхъ, въ 108 верстахъ отъ столицы, онъ рѣшилъ остановиться, чтобы дать битву врагу. Наполеонъ желалъ битвы. Торжествовали и русскія войска, когда узнали рѣшительную волю своего полководца.

Бородинская битва.

Кутузовъ осмотрѣлъ Бородинское поле и нашелъ, что оно для битвы будетъ удобно. Наполеонъ съ массою войскъ шелъ туда же. Послѣ одной стычки русскихъ съ французами Наполеону представили донесеніе о побѣдѣ. „А отчего мало плѣнныхъ?“—спросилъ онъ, посмотрѣвши рапортъ.— „Русскіе дерутся на смерть, но не сдаются“, — отвѣчали ему.—Наполеонъ задумался и потомъ сказалъ: „Ну, мы ихъ перебьемъ“.

Вечеромъ, наканунѣ битвы на Бородинскомъ полѣ (на 26 авг.), Наполеонъ осмотрѣлъ наши позиціи. День былъ холодный и пасмурный; по временамъ шелъ даже дождь. Наполеонъ разсчиталъ, что русскіе будутъ въ его рукахъ, и боялся только того, чтобы они не отступили еще дальше къ Москвѣ. Двадцать разъ въ эту ночь онъ выходилъ, говорятъ, посмотрѣть, не уходятъ ли русскіе, и когда утромъ увидѣлъ наши войска готовыми къ битвѣ, сѣлъ на коня и сказалъ: „Теперь они въ нашихъ рукахъ. Пойдемъ и отворимъ ворота Москвы“.

Русскія войска приготовлялись къ битвѣ молитвою. Съ вечера по всѣмъ полкамъ носили чудотворный Смоленскій образъ Божіей Матери. Въ 6 часовъ утра начался ужасный бой съ обѣихъ сторонъ. Всѣхъ войскъ сошлось здѣсь тысячъ до 300. Стрѣляли болѣе чѣмъ изъ тысячи пушекъ; и солдаты, и генералы говорили одно: „Умремъ за славу отечества“. Нѣсколько разъ побѣда переходила изъ однѣхъ

рукъ въ другія, но къ 9-ти часамъ вечера все затихло. Русскіе удержали за собой всѣ позиціи; французы также отошли на свои мѣста. Съ той и другой стороны погибло тысячъ по 50-ти. У французовъ убито до 50 генераловъ; много погибло и нашихъ; князь Багратіонъ раненъ смертельно. Наполеонъ объявилъ себя побѣдителемъ, но и за русскими призналъ право считать себя непобѣдимыми. Онъ думалъ, что будетъ битва и на другой день, но Кутузовъ на то не рѣшился и отступилъ дальше къ Москвѣ.

Подъ Москвой, въ деревнѣ *Филяхъ*, Кутузовъ составилъ военный совѣтъ. Генералы собрались въ простой крестьянской избѣ. Многіе изъ нихъ были за то, чтобы дать Наполеону битву въ виду самой столицы Москвы; не прочь былъ отъ того и Кутузовъ, но онъ, видимо, еще колебался. Когда совѣтъ сообщилъ ему рѣшеніе дать битву врагу подъ Москвой, онъ долго молчалъ; а потомъ всталъ и сказалъ: „Съ потерью Москвы еще не потеряна будетъ Россія. Уступленіемъ Москвы мы приготовимъ непріятелю гибель. Знаю, что отвѣтственность падетъ на меня, но я жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать“. Генералъ-губернаторъ Москвы, графъ *Растопчинъ*, сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы изъ столицы были вывезены всѣ сокровища, архивы и все что можно было спасти. Велѣно было уходить изъ Москвы и жителямъ, куда они пожелаютъ. Но Растопчинъ все же не думалъ, чтобы Кутузовъ сдалъ Москву безъ всякаго боя.

Когда было объявлено распоряженіе главнокомандующаго, наши войска прошли по улицамъ столицы уныло, но стройно. Они прошли на рязанскую дорогу. Наполеонъ со своими французами пошелъ къ Москвѣ за Кутузовымъ слѣдомъ. Онъ остановился на Поклонной горѣ и съ нея осматривалъ городъ. У Драгомиловской заставы онъ остановился еще и ждалъ, что ему изъ Москвы пришлютъ депутацію съ городскими ключами. Онъ сошелъ съ коня и задумчиво ходилъ взадъ и впередъ. Вдругъ доносятъ ему, что въ Москвѣ нѣтъ никого, что всѣ куда-то ушли; остались одни только бродяги, которымъ жалѣть себя нечего. Наполеонъ удивился, сѣлъ на коня и вступилъ въ Москву (2-го сентября).

Наполеонъ поселился въ императорскомъ Кремлевскомъ дворцѣ, но покоя въ немъ найти ему не пришлось. Неизвѣстно отъ чего съ вечера 3 сентября открылись пожары. Загорѣлось первоначально въ торговыхъ москательныхъ ря-

дахъ; вѣтеръ дулъ сильный, и огонь разлетался по городу быстро; горящія головни падали на Кремль; жаръ отъ пожара былъ настолько великъ, что и въ самомъ дворцѣ трескались стекла. Наполеонъ приказалъ пожары тушить, но оказалось, что пожарные трубы всѣ изъ Москвы были вывезены. Наполеонъ нашелъ, что жить во дворцѣ очень опасно, и выѣхалъ за городъ въ Петровскій дворецъ, а французскія войска вышли на Ходынское поле. Четыре дня пожаръ свирѣпствовалъ страшно. Сгорѣла цѣлая треть Москвы (до 8 тысячъ зданій); имущества погибло, говорятъ, болѣе чѣмъ на 250 милліоновъ руб.; но москвичи ничего не жалѣли. Многіе изъ нихъ, какъ оказалось, поджигали свои дома сами и въ пламени губили добро, которое наживали десятками лѣтъ. „Не доставайся злодѣямъ", говорили они. И такъ поступали москвичи для того, чтобы заставить французовъ со временемъ въ Москвѣ голодать и отъ голода гибнуть.

Когда пожары окончились, Наполеонъ опять возвратился жить въ Кремль. Тогда французы предались буйству и грабежу. Грабили все, что попадалось, не щадили и святыни церквей. Въ грудахъ чаю и сахару, дорогихъ вещей и разныхъ матерій по улицамъ и дорогамъ можно было видѣть дорогія иконы, священныя облаченія и церковные сосуды. Кощунство надъ святынею храмовъ доходило до того, что нѣкоторые изъ нихъ превращены были въ сараи и даже конюшни.

Въ Петербургѣ много негодовали на Кутузова за то, что онъ сдалъ Наполеону Москву. Недоволенъ былъ тѣмъ и самъ императоръ Александръ Павловичъ. Онъ боялся, чтобы народъ не палъ духомъ, но не мѣшалъ планамъ Кутузова. Узнавши отъ полковника Мишо, докладывавшаго ему о состояніи дѣлъ подъ Москвой, что русскій народъ и войска сохраняютъ въ своемъ несчастіи бодрость и готовы биться съ врагомъ до послѣдней капли крови своей, и что всѣ боятся только одного, какъ бы государь не согласился съ Наполеономъ на миръ, онъ обрадовался и сказалъ Мишо: „Истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше буду питаться однимъ хлѣбомъ въ Сибири, нежели соглашусь подписать стыдъ моего отечества и моихъ добрыхъ подданныхъ"... „Наполеонъ или Я, Я или Наполеонъ, но только вмѣстѣ царствовать мы не можемъ. Я узналъ его, и болѣе онъ меня не обманетъ".

Отъ Москвы на югъ шли три дороги: на юго-востокъ— въ *Рязань,* на югъ—въ *Тулу,* на юго-западъ—въ *Калугу.*

Кутузовъ повелъ войска изъ Москвы по рязанской дорогѣ, а потомъ круто повернулъ къ дорогѣ калужской и укрѣпился при селѣ *Тарутино* (между дорогами тульской и калужской), но велѣлъ занять и всѣ другія дороги. О своихъ планахъ Кутузовъ не говорилъ ничего. „И подушка не должна знать, что въ головѣ полководца", говаривалъ онъ иногда.

Пребываніемъ французовъ въ Москвѣ русскій народъ былъ возмущенъ. Для борьбы съ ними стали составляться отряды, которые нападали на французовъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Эти отряды получили названіе „партизановъ". Получая свѣдѣнія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ ихъ, Кутузовъ говорилъ съ удовольствіемъ: „Война только теперь еще начинается". Всѣ заботы его теперь направились къ тому, какъ бы заставить Наполеона итти изъ Москвы опять по той же смоленской дорогѣ, по которой пришелъ онъ въ Москву.

Въ Москвѣ Наполеонъ могъ прожить только мѣсяцъ: провіантъ у него истощился, и французамъ было нечего ѣсть. Дошло до того, что они въ пищу себѣ стали стрѣлять воронъ, ѣсть конину и проч. Зная все это, Кутузовъ старался задерживать Наполеона въ Москвѣ и съ этою цѣлью распускалъ даже слухи о томъ, что государь намѣренъ заключить съ французами миръ. Партизаны усиливались и безпокоили французовъ ужасно: съ кольями, вилами и топорами выходили они на голодныхъ французовъ и били ихъ безъ пощады. Наполеонъ, наконецъ, понялъ свое положеніе. Онъ самъ послалъ къ Кутузову своего генерала *Лористона* для переговоровъ о мирѣ; но Кутузовъ отказался вести ихъ. Тогда Наполеонъ рѣшился оставить Москву. Онъ думалъ провести свои войска по калужской дорогѣ, разсчитывая пройти къ Смоленску южными нашими губерніями. Кутузовъ зорко сторожилъ это движеніе Наполеона.

Наполеону стало замѣтно, какъ слабѣютъ его войска, а русская армія крѣпнетъ, и вотъ 6 октября онъ велѣлъ начать отступленіе. Первые заботы французовъ остановились на томъ, чтобы захватить съ собой все, что они успѣли награбить въ Москвѣ. Тысячи каретъ, экипажей и фургоновъ, нагруженныхъ добычей потянулись отъ Москвы въ четыре ряда на разстояніи верстъ 30-ти. Драгоцѣнными вещами набивали свои ранцы даже простые солдаты. Наполеонъ не запрещалъ грабежей. Оставляя Москву, онъ и самъ велѣлъ взорвать порохомъ Кремль, въ которомъ жилъ: видно, что этотъ пріютъ былъ ему не по сердцу.

Вмѣстѣ съ арміей Наполеонъ направился къ г. *Малоярославцу.* Кутузовъ объ этомъ узналъ и поспѣшилъ тамъ его встрѣтить. Произошелъ здѣсь такой отчаянный бой, что Малоярославецъ пять разъ переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Наполеонъ оставилъ его наконецъ въ рукахъ русскихъ, а самъ поспѣшилъ уйти отъ Москвы даже по опустошенной смоленской дорогѣ. Вся русская армія пошла преслѣдовать его на этомъ пути.

Между тѣмъ погода испортилась: подулъ сильный вѣтеръ; по временамъ шелъ съ дождемъ снѣгъ: образовалась гололедица. Армія Наполеона разстроилась такъ, что ее невозможно было узнать. Солдаты были голодны и оборваны: на многихъ вмѣсто военныхъ мундировъ можно было видѣть женскіе салопы, сарафаны и кофты, священническія рясы и ризы. Какъ жители страны болѣе теплой, французы не могли выносить русскаго зимняго холода и гибли во множествѣ. Каждый ночлегъ обозначался сотнями труповъ, и вся смоленская дорога была усѣяна множествомъ мертвыхъ французовъ.

Кутузовъ составилъ-было планъ схватить Наполеона въ плѣнъ при переправѣ его черезъ р. Березину. Было разсчитано и мѣсто переправы (при г. Борисовѣ); но Наполеонъ, чуя бѣду, переправился тамъ, гдѣ не думали, и тѣмъ спасся.

Березинская переправа воодушевила его. „Звѣзда моя опять взошла“, сказалъ онъ, когда опасность его миновала; но сіять ей пришлось очень недолго. Морозы усилились до 20 гр., и великая французская армія почти вся погибла. Съ большимъ трудомъ и самъ Наполеонъ добрался до Молодечны. Здѣсь онъ сѣлъ въ карету и уѣхалъ во Францію. Теперь всѣ народы, подвластные Наполеону, должны были понять, что онъ пораженъ. Всѣ теперь обратили взоры свои на Россію и выражали желаніе, чтобы Александръ, спасши отъ Наполеона Россію, спасъ и порабощенную имъ Европу. Александръ понялъ свое призваніе и пошелъ преслѣдовать Наполеона даже въ предѣлахъ его государства.

Освобожденіе Германіи и судьба Наполеона.

Съ храбрыми войсками и съ Кутузовымъ во главѣ ихъ императоръ Александръ 1-го января 1813 года перешелъ р. Нѣманъ, 20-го онъ взялъ Варшаву, а потомъ Берлинъ, и Пруссія заключила съ нимъ союзъ. Апрѣля 12-го импера-

торъ Александръ взялъ Дрезденъ, главный городъ Саксоніи.

Отважное движеніе русской арміи къ предѣламъ Франціи сильно возбуждало пруссаковъ: они составляли народныя ополченія и выгоняли французовъ изъ своихъ городовъ.

Между тѣмъ Наполеонъ собралъ во Франціи новыя силы, провозгласилъ трехлѣтняго сына наслѣдникомъ престола, а супругу (Марію-Луизу)—регентшею Франціи. Сдѣлавши такія распоряженія на случай своей смерти, онъ (15 марта) отправился въ Сенъ-Клу на берега р. Эльбы противъ пруссаковъ и русскихъ. Произошло сраженіе при г. *Люценѣ*. Оно продолжалось десять часовъ и было такъ упорно, что обѣ стороны удержали свои позиціи. Кутузова въ это время въ живыхъ уже не было; главнокомандующимъ вмѣсто него былъ *Витгенштейнъ*. Союзныя войска заняли затѣмъ высоты Бауцена. Позиція ихъ считалась неприступною, но Наполеонъ не уклонился отъ боя. Опять послѣдовало кровопролитіе, послѣ котораго Наполеонъ уже напрасно назвалъ себя побѣдителемъ. Къ союзнымъ войскамъ присоединилась еще Австрія: она прислала 260 тысячъ войска.

Роковая для Наполеона битва произошла при г. *Лейпцигѣ*. Она продолжалась три дня и названа „битвой народовъ". Послѣ нея Наполеонъ долженъ былъ отступить. Онъ потерялъ въ ней до 75 тысячъ войска.

Послѣ такой неудачи Наполеонъ ушелъ за *Рейнъ*. Въ концѣ 1813 г. онъ прибылъ въ Парижъ и думалъ собрать послѣднія силы, чтобы двинуть ихъ еще разъ противъ враговъ; но обстоятельства кругомъ его перемѣнились совсѣмъ: приверженцы стали его оставлять; Сенатъ и народъ желали покоя.

Войска союзниковъ перешли границу Франціи. Наполеонъ съ остатками войскъ думалъ еще противодѣйствовать имъ и одержалъ нѣсколько побѣдъ; но этотъ успѣхъ только повредилъ ему. Надѣясь на счастіе, онъ отвергъ предложеніе мира и тѣмъ заставилъ союзниковъ дѣйствовать болѣе дружно. Императоръ Александръ пошелъ на Парижъ. Парижъ былъ осажденъ и чрезъ нѣсколько часовъ сдался (18 марта 1814 г.). Александръ объявилъ французамъ, что ведетъ борьбу не съ французскимъ народомъ, а съ Наполеономъ, и французы привѣтствовали его восторженными восклицаніями.

На другой день, послѣ вступленія Александра въ Парижъ, собрался Сенатъ и объявилъ Наполеона лишеннымъ престола.

Наполеонъ думалъ-было продолжать войну и послѣ того; но маршалы, бывшіе съ нимъ, уговорили его отказаться отъ трона. Наполеонъ долго колебался и много волновался. Наконецъ, порывисто взялъ клочекъ бумаги и написалъ: „Союзныя державы объявили, что императоръ Наполеонъ служитъ единственнымъ препятствіемъ къ возставленію мира въ Европѣ. Вѣрный своей присягѣ. императоръ Наполеонъ объявляетъ, что за себя и за своихъ наслѣдниковъ онъ отказывается отъ престоловъ Франціи и Италіи, и что нѣтъ жертвы, которой бы онъ не принесъ на пользу Франціи“.

Императоръ Александръ жалѣлъ Наполеона въ его несчастной судьбѣ и настоялъ на томъ, чтобы ему сохраненъ былъ титулъ императора, чтобы данъ былъ ему во владѣніе островъ Эльба (на Средиземномъ морѣ) и 2 мил. франковъ годового дохода. Наполеонъ подчинился этому приговору державъ, переселился на новое жилище и началъ мирную жизнь. Но и съ о. Эльбы онъ слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось въ Европѣ. Агенты сообщали ему, что Франція желаетъ снова видѣть его на престолѣ. Ослѣпленный властолюбіемъ, онъ рѣшился бѣжать съ о. Эльбы во Францію и захватить себѣ тронъ. Онъ высадился на берегъ южной Франціи и безпрепятственно дошелъ до Парижа. Король Людовикъ XVIII бѣжалъ, а онъ поселился въ королевскомъ дворцѣ и сталъ издавать указы, какъ законный императоръ. Въ нѣсколько дней собралась къ нему армія (до 250 тысячъ). Съ такимъ войскомъ онъ разсчитывалъ одолѣть враговъ, но европейскія державы ни подъ какимъ видомъ не могли дозволить ему утвердиться на тронѣ. Онѣ выставили противъ него милліонную армію. При г. *Ватерлоо* произошла битва, и Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе. Думалъ онъ послѣ этого бѣжать въ Америку, но попался въ плѣнъ англичанамъ. Тогда, по общему приговору державъ, онъ на англійскомъ кораблѣ отправленъ былъ на уединенный островъ Атлантическаго океана, на о. св. Елены. Здѣсь онъ и скончался (1821 г.). Тѣло Наполеона было погребено сначала на о. св. Елены, близъ ручья, подъ тѣнью двухъ ивъ; на могилѣ его была положена плита безъ всякой надписи. Черезъ 20 лѣтъ потомъ оно перенесено было въ Парижъ и поставлено подъ куполомъ въ домѣ Инвалидовъ.

Образованіе греческаго королевства.

Послѣ завоеванія Константинополя (1453) османскіе тур-

ки стали владѣть всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ. Славяне и греки съ горькимъ ропотомъ въ душѣ принуждены были выносить всѣ ихъ жестокости. Но, когда побѣды русскихъ полководцевъ временъ Екатерины на морѣ и на сушѣ сокрушили могущество Турціи, стали мечтать о своей свободѣ и народы Балканскаго полуострова. Чувствительнѣе всѣхъ къ своей свободѣ были греки. У нихъ родилась надежда, что освобожденію ихъ отъ турецкой неволи поможетъ Россія. Тамъ въ то время были на службѣ два знаменитые грека—князь *Ипсиланти* и графъ *Каподистрія*. Первый былъ генераломъ русской арміи, а второй даже министромъ. Оба они были близки къ государю Александру Павловичу и, безъ сомнѣнія, располагали его въ пользу Греціи. Императоръ Александръ Павловичъ, дѣйствительно, сочувствовалъ грекамъ и не разъ говорилъ, что онъ не умретъ доколѣ не сдѣлаетъ чего-либо полезнаго Греціи. Но Государь желалъ освободить Грецію законнымъ путемъ, т.-е. путемъ переговоровъ съ турецкимъ султаномъ, и выжидалъ благопріятной минуты. Князь Ипсиланти, напротивъ того, ждать долго не могъ: онъ сильно ненавидѣлъ турокъ за то, что они у него убили отца. Когда у грековъ созрѣлъ планъ возстанія, Ипсиланти всталъ во главѣ. Набравъ военные отряды, онъ явился въ Молдавію и сталъ разсылать воззванія къ поголовному ополченію за свободу отечества. Это было въ январѣ 1821 года. Такое же движеніе произошло и въ Валахіи. Государь императоръ Александръ Павловичъ былъ очень огорченъ, когда узналъ объ этихъ безпорядкахъ. „Что бы имъ подождать?—сказалъ онъ Каподистріи.—Они мѣшаютъ мнѣ теперь слѣдовать влеченіямъ моего сердца и вѣры". Помогать грекамъ онъ отказался, а Ипсиланти исключилъ изъ русской службы.

Воззванія къ возстанію между тѣмъ быстро распространились по Греціи и по греческимъ островамъ. Въ разныхъ мѣстахъ поднималось противъ турокъ оружіе; множество европейцевъ добровольно отправились на помощь грекамъ (волонтерами). Но Ипсиланти на первыхъ же порахъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Австрію, гдѣ думалъ найти себѣ покровительство; но тамъ его арестовали и посадили въ крѣпость *Мункачъ*. Въ ней онъ томился около 7 лѣтъ. Тюрьма разстроила его здоровье, и онъ вскорѣ умеръ.

За возстаніе греки должны были вынести всѣ ужасы турецкаго варварства. Христіанъ мучили и избивали нещад-

но въ разныхъ мѣстахъ. Разъ въ самомъ Константинополѣ турки ворвались въ храмъ во время богослуженія, напали на патріарха Григорія въ св. алтарѣ, вытащили его на паперть и повѣсили на дверяхъ церковныхъ. Турецкій султанъ даже думалъ перебить въ своихъ владѣніяхъ всѣхъ христіанъ. Турки стали питать такую вражду къ христіанамъ, что разъ напали на о. Хіосъ и перерѣзали тамъ до ста тысячъ христіанъ ни въ чемъ неповинныхъ.

Такое варварство турокъ заставило, наконецъ, европейскія державы заступиться за угнетенныхъ. Россія, Англія и Франція потребовали отъ султана, чтобы онъ заключилъ съ греками миръ. Султанъ не послушалъ. Тогда должна была открыться война.

Сначала соединенный флотъ явился въ Средиземномъ морѣ, у береговъ Греціи. Онъ потребовалъ, чтобы турки прекратили войну съ греками. Турецкій главнокомандующій (Ибрагимъ-паша) согласился на перемиріе и послалъ спросить о томъ султана. Но, доколѣ шло это сношеніе, турки удалились въ Пелопонесъ и тамъ предались разнымъ неистовствамъ; они опустошали поля и сады; виноградники и фруктовыя деревья вырывали съ корнями. Союзныя державы рѣшились угрозами заставить турокъ соблюдать перемиріе. Они вывели весь свой флотъ противъ турецкаго флота къ *Наварину*. Турки въ раздраженіи не дождались окончанія переговоровъ и стали стрѣлять въ русскій адмиральскій корабль. Тогда пошла взаимная пальба, и турецкій флотъ въ нѣсколько часовъ былъ уничтоженъ.

Султанъ болѣе всего негодовалъ на Россію и называлъ ее „исконнымъ своимъ врагомъ". Тогда открылась правильная война Турціи съ Россіей. Императоръ Николай I послалъ свои войска въ Азію подъ начальствомъ *Паскевича* Эриванскаго, а въ европейскую Турцію подъ командою фельдмаршала *Витгенштейна*. Витгенштейну дано было порученіе взять по Дунаю турецкія крѣпости. Николай Павловичъ самъ былъ на войнѣ и лично распоряжался переправой войскъ черезъ Дунай. На слѣдующій годъ главнокомандующимъ назначенъ былъ *Дибичъ*. Для осады дунайскихъ крѣпостей онъ оставилъ только часть своихъ войскъ, а самъ съ главными силами пошелъ вглубь полуострова. Удачно онъ перешелъ Балканы и почти безъ выстрѣла взялъ Адріанополь. Турки пришли въ ужасъ, когда увидѣли русскія войска близъ Константинополя. Султанъ сталъ просить мира, и миръ былъ заключенъ въ Адріанополѣ (1829).

По этому миру туркамъ возвращены были наши завоеванія въ Европѣ; границей Турціи съ Россіей стала р. Прутъ. Турки уступили намъ весь берегъ Чернаго моря, а Греція объявлена страною свободною. Первоначально было рѣшено сдѣлать ее республикою, и главой государства (президентомъ) избранъ графъ Каподистрія. Но Греція была разорена; народъ обѣднѣлъ: казна впала въ долги, усилился голодъ, пошли грабежи. Противъ Каподистріи составился заговоръ, и онъ былъ убитъ. Тогда государства, давшія грекамъ свободу, порѣшили сдѣлать ее королевствомъ. Первымъ королемъ былъ *Оттонъ*, сынъ короля Людовика баваскаго (1833). Такъ какъ онъ былъ несовершеннолѣтній, то ему назначено регентство. Съ тѣхъ поръ Греція стала королевствомъ самостоятельнымъ.

Освобожденіе Сербіи.

Сербы утратили свою свободу послѣ пораженія ихъ турками на Коссовомъ полѣ (въ концѣ XIV в.). Сербія послѣ того вошла въ составъ Турціи. Кромѣ грабежей и насилій, сербы стали терпѣть крайнее униженіе: имъ было запрещено носить оружіе, ѣздить верхомъ на лошадяхъ, строить дома выше турецкихъ, звонить въ колокола и проч. Подъ такимъ игомъ сербы стали робки, но чувство свободы хранили. Австрійское правительство, желая привлечь сербовъ на свою сторону, дозволяло имъ переселяться въ предѣлы Австріи. Избѣгая турецкаго ига, сербы переселялись въ австрійскія земли охотно; но вскорѣ открылось, что австрійское правительство задумало закрѣпить ихъ за собой. Тогда они стали переходить въ предѣлы Россіи. При Елизаветѣ Петровнѣ они заняли область въ юго-западныхъ предѣлахъ Россіи (Новая Сербія). Здѣсь сербы нашли себѣ покровительство, и между ними развилось убѣжденіе, что Россія можетъ помочь имъ противъ Турціи. Въ разсчетахъ на это, сербы въ 1804 году подняли противъ турокъ возстаніе. Руководителемъ возстанія былъ нѣкто *Кара-Георгій*. Борьба съ турками у сербовъ продолжалась 9 лѣтъ. Тѣмъ временемъ началась война съ турками и у Россіи. Эта война для русскихъ была очень счастлива и кончилась миромъ въ г. *Бухарестѣ* (1812). Турція согласилась дать сербамъ самоуправленіе и свою власть надъ ними ограничила данью.

Но, когда Россія вступила въ войну съ Наполеономъ, султанъ разсчитывалъ, что она будетъ поражена, и нарушилъ

Бухарестскій миръ. Онъ занялъ Сербію войсками, и на сербовъ обрушились гоненія. Когда же оказалось, что Россія въ борьбѣ съ Наполеономъ явилась на верху своей славы, сербы снова возстали противъ турокъ. Теперь во главѣ движенія очутился нѣкто Милошъ *Обреновичъ*. Это былъ человѣкъ умный, ловкій и осмотрительный. Онъ одержалъ надъ турками нѣсколько побѣдъ, заключилъ миръ и сдѣлался наслѣдственнымъ княземъ сербскаго княжества (1817).

Крымская война и защита Севастополя.

Послѣ войны 1812 года и низложенія Наполеона I съ престола Россія стала первымъ государствомъ въ Европѣ. Такое возвышеніе стало возбуждать зависть къ ней въ сосѣдяхъ ея. Императоры Александръ Благословенный и Николай I никогда не желали пріобрѣтеній на счетъ сосѣднихъ державъ, но ихъ обвиняли въ корыстныхъ стремленіяхъ. Стали говорить, что Россія стремится подавить Европу могуществомъ; стали искать случаевъ, которые бы дали возможность объявить Россіи войну. Болѣе всѣхъ хотѣлось унизить и ослабить Россію французскому императору Наполеону III.

Наполеонъ III былъ племянникъ Наполеона I. Онъ желалъ, чтобы Турція объявила Россіи войну; къ этой войнѣ онъ надѣялся присоединиться и самъ. Предлоговъ къ ссорѣ между Россіею и Турціею найти было нетрудно. Наполеонъ III въ этомъ случаѣ прибѣгъ къ вопросу религіозному. Въ Турціи, которая владѣла тогда и всею переднею Азіею, было много христіанъ православныхъ. Россія считала своимъ долгомъ оказывать имъ свое покровительство. Наполеонъ III сталъ льстить султану и выхлопоталъ для своихъ единовѣрцевъ (католиковъ) право завѣдывать, между прочимъ, ключами отъ главнаго входа въ виѳлеемскій храмъ. Это право дотолѣ принадлежало православнымъ. Православные сочли себя униженными.

Императоръ Николай Павловичъ не могъ остаться хладнокровнымъ къ такому образу дѣйствій турецкаго султана и написалъ ему письмо, въ которомъ требовалъ возстановленія правъ православныхъ. Надѣясь на помощь Франціи и другихъ державъ, султанъ отказалъ, и открылась война между Россіей и Турціей. Это было въ 1853 году.

Русскія войска подъ начальствомъ *Горчакова* посланы были на Дунай. Они перешли р. Прутъ и заняли княжества Молдавію и Валахію. Въ Черное море спустился нашъ флотъ;

главнокомандующимъ на немъ былъ *Нахимовъ*. Подъ начальствомъ Муравьева посланы были войска и на Кавказъ громить турецкія владѣнія тамъ.

Военныя дѣйствія начались для насъ очень удачно: адмиралъ Нахимовъ встрѣтилъ турецкій флотъ при *Синопѣ* и совсѣмъ уничтожилъ его. Тогда Наполеонъ III написалъ всѣмъ европейскимъ державамъ, чтобы онѣ возстали противъ Россіи, какъ противъ врага всей Европы. Съ Франціей не замедлила соединиться Англія, и обѣ эти державы выдвинули противъ Россіи свой флотъ. Одновременно появились военные корабли на всѣхъ водахъ, омывающихъ ея берега: на моряхъ Балтійскомъ и Бѣломъ и у Камчатки. Но главныя силы враговъ сосредоточились на полуостровѣ *Крымскомъ*. почему и вся война получила названіе „Крымской войны".

Нашъ флотъ всталъ у Севастопольской гавани; туда же придвинули свой флотъ и союзники. Къ Севастополю направились и сухопутныя силы враговъ,—онѣ высадились у Евпаторіи. Главнокомандующій, князь *Меньшиковъ*, встрѣтилъ ихъ при рѣчкѣ Альмѣ. Произошло сраженіе. Наши войска бились храбро, но враговъ было вдвое больше, чѣмъ нашихъ, и потому Меньшиковъ принужденъ былъ отступить. Разсчитывая сохранить связь съ Перекопомъ и Россіею, онъ отступилъ къ *Бахчисараю*. Враги воспользовались этимъ и прошли на *Черную* рѣчку, которая впадетъ въ Севастопольскій рейдъ. Такъ какъ опредѣлилось, что война должна была принять характеръ сухопутной войны, то Меньшиковъ распорядился, чтобы нѣсколько нашихъ кораблей было затоплено при входѣ въ Севастопольскій рейдъ, а пушки и экипажъ поставлены на укрѣпленія. Главнымъ начальникомъ въ Севастополѣ былъ избранъ *Корниловъ*, несмотря на то, что онъ былъ чиномъ ниже другихъ. Севастополь былъ приморскою крѣпостью и съ моря укрѣпленъ былъ прекрасно, но съ суши не имѣлъ почти никакихъ укрѣпленій. Пришлось работать подъ выстрѣлами непріятелей; но севастопольцы показали, что русскій человѣкъ въ минуту опасности бываетъ безстрашенъ: онъ любитъ отечество, преданъ царю и вѣруетъ въ Бога. Жертвуя жизнію, на работы подъ Севастополемъ шло все окрестное населеніе, какъ говорится, отъ стара до мала. Каждый охотно бралъ на себя работу, какая только приходилась по силамъ: крестьяне, которые имѣли лошадей, приходили возить тяжести, женщины копали землю для укрѣпленій, дѣти подавали лопаты и проч.

Работа кипѣла съ утра до темной ночи. Въ теченіе 20 дней построено было болѣе 20 батарей. Работами руководилъ молодой, но опытный полковникъ *Тотлебенъ*.

Принявши главное начальство въ Севастопольской крѣпости, Корниловъ распорядился, чтобы духовенство совершило по батареямъ крестный ходъ. „Пусть прежде напомнятъ войскамъ слово Божіе, а потомъ я передамъ имъ слово царское“, говорилъ онъ. Въ полной адмиральской формѣ объѣзжалъ онъ войска и говорилъ: „Ребята! Царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь... Да и некуда намъ отступать: позади насъ море, а впереди непріятель... Не вѣрьте отступленію. Тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду. Если бы я и самъ приказалъ отступать,—коли и меня“...

Страшная осада Севастополя тянулась до самой зимы. Бывало, что бомбардировки не прекращались по цѣлымъ недѣлямъ. Въ нашихъ севастопольцевъ вселилось безстрашіе: съ непріятельскими бомбами и гранатами они стали обращаться, какъ съ вещами совершенно безвредными. Отбивая непріятеля день и ночь, никто объ утомленіи и не думалъ. Только наступившая зима на время прекратила осаду и дала намъ возможность немного отдохнуть и поправиться. Съ наступленіемъ весны наши севастопольскіе герои снова приготовились къ упорной защитѣ. Вдругъ получается вѣсть, что императоръ Николай Павловичъ скончался и на престолъ вступилъ сынъ и наслѣдникъ его Александръ Николаевичъ (1855).

Императоръ Александръ Николаевичъ самъ по себѣ войны не желалъ, но честь оружія и правое дѣло онъ рѣшилъ поддержать. Главнокомандующимъ, вмѣсто Меньшикова, былъ уже *Горчаковъ*. Непріятельская армія усилилась вдвое и тѣмъ болѣе потому, что къ союзникамъ пристала Сардинія. Непріятельскихъ войскъ сосредоточилось около Севастополя больше двухсотъ тысячъ, такъ что наши севастопольскіе герои представляли собою не болѣе, какъ только горсть въ сравненіи съ массой.

Приступая къ продолженію осады Севастополя съ началомъ весны (1855), непріятели подвели свои укрѣпленія къ нашимъ такъ близко, что разстояніе между ними оставалось только въ нѣсколько саженъ, и противники могли разговаривать другъ съ другомъ изъ своихъ укрѣпленій. Непріятели остановили теперь главное свое вниманіе на самомъ большомъ укрѣпленіи, которое называлось „Малаховъ курганъ“.

Пошла опять страшная бомбардировка. Ядра и гранаты посыпались въ Севастопольскую крѣпость тысячами. И такъ продолжалось опять нѣсколько мѣсяцевъ. Моряки, которые были у насъ мѣткими стрѣлками, всѣ погибли; провіантъ истощился, новый подвозъ былъ затрудненъ. Между тѣмъ враги усилили приступъ. Вознамѣрившись, наконецъ, покончить съ Севастополемъ, они три дня и три ночи не переставали стрѣлять бомбами и гранатами. Севастопольцы отбивались рѣдкостнымъ образомъ. Особенно крѣпко бились они за Малаховъ курганъ, но выдержать жестокаго напора враговъ не могли. Непріятели взяли Малаховъ курганъ и поставили на немъ свои пушки. Тогда Горчаковъ нашелъ необходимымъ сдать Севастополь. Чрезъ Севастопольскую гавань немедленно построенъ былъ мостъ; всѣ наши войска перешли по нему на сѣверный берегъ Севастопольской гавани. Укрѣпленія были взорваны порохомъ, корабли были затоплены, и мостъ разведенъ. Все это было сдѣлано быстро, такъ что непріятель вмѣсто Севастопольской крѣпости получилъ отъ насъ только груду развалинъ.

Время осады и геройская защита Севастополя продолжалась 11-ть мѣсяцевъ. Миръ заключенъ былъ въ Парижѣ (1856). Мы потеряли нѣкоторыя южныя области (Бессарабію) и право имѣть на Черномъ морѣ флотъ больше турецкаго флота. Намъ было воспрещено строить на берегахъ этого моря свои укрѣпленія и содержать арсеналы; но права православныхъ на Востокѣ были возстановлены.

Смерть Императора Николая I.

Крымская война, въ которой Россіи пришлось сражаться съ цѣлой половиной Европы, очень тяжело легла на сердце государя Николая Павловича. Отъ думъ и тревогъ здоровье его разстроилось. Вдобавокъ онъ получилъ простуду, которой было достаточно, чтобы рѣшительно пошатнуть дотолѣ крѣпкую натуру его. Доктора видѣли опасность его положенія, но самъ государь не чувствовалъ того и былъ въ полномъ сознаніи. Когда государю оставалось только нѣсколько часовъ жизни, лейбъ-медикъ, которому онъ довѣрялъ больше другихъ, осторожно предложилъ ему причаститься Св. Таинъ Христовыхъ. Государь понялъ, въ чемъ дѣло, и потребовалъ, чтобы онъ объявилъ ему опасность его положенія. Лейбъ-медикъ не могъ скрыть предъ нимъ, что

начался паралич легкихъ и что ему осталось нѣсколько часовъ жизни. Государь подалъ ему руку и сказалъ: „благодарю“.

Приглашенъ былъ духовникъ; государь исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ Христовыхъ. Благословивъ потомъ все царское семейство, онъ припомнилъ всѣхъ членовъ царственнаго Дома и всѣхъ благословилъ крестнымъ знаменіемъ. Затѣмъ, приказавъ дать по главнымъ городамъ Россіи телеграммы, что „государь умираетъ“, тихо и мирно скончался.

Императоръ Александръ II.

(1855—1881).

РЕФОРМЫ.

По смерти императора Николая Павловича на всероссійскій престолъ вступилъ сынъ и наслѣдникъ его Александръ Николаевичъ. Ему было тогда 37 лѣтъ.

Заключивши невыгодный миръ съ Турціей послѣ Крымской войны, онъ болѣлъ сердцемъ за Россію и всѣми мѣрами старался избѣгать раздоровъ съ сосѣдними державами. Цѣлыхъ 20 лѣтъ Россія наслаждалась при немъ миромъ, и это время государь посвятилъ на устройство внутренней жизни.

Изъ преобразованій, которыми замѣчательно царствованіе Александра II, особенно важны: уничтоженіе крѣпостного права, введеніе гласнаго судопроизводства, учрежденіе земства, распространеніе народныхъ школъ и введеніе общей воинской повинности.

Крѣпостное право состояло въ томъ, что крестьяне, которые жили на земляхъ помѣщиковъ, зависѣли отъ нихъ во всемъ: помѣщики собирали съ нихъ оброки, заставляли ихъ обработывать свои помѣщичьи поля и отбывать повинности. Помѣщики производили между крестьянами судъ и расправу. Правительство давно желало дать крестьянамъ свободу, но не знало, какъ потомъ устроить ихъ бытъ. Наконецъ, незабвенный государь императоръ Александръ II Николаевичъ 19 февраля 1861 года далъ манифестъ, по которому крестьяне освобождались отъ власти помѣщиковъ. Помѣщики обязывались надѣлить ихъ землею для дома, для пахоты и сѣнокоса, а гдѣ было можно, должны были дать имъ и лѣсу. За этотъ надѣлъ крестьяне обязывались платить по-

мѣщику оброки въ теченіе 49 лѣтъ. Кто же не могъ платить оброкъ деньгами, тотъ былъ обязанъ заработать его въ опредѣленные дни. Съ этого времени и крестьяне у насъ стали сословіемъ съ обязанностями и правами.

Уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ открыло правительству возможность дать крестьянскому сословію и свое управленіе. Крестьянскій міръ раздѣлился на волости и на сельскія общества. Въ каждомъ сельскомъ обществѣ стали выбирать сельскаго старосту, для каждой волости выбирался изъ крестьянъ волостной старшина. Во главѣ управленія надъ крестьянами поставлено волостное правленіе. Въ немъ первымъ лицомъ поставленъ волостной старшина. Волостное правленіе обязано вѣдать всѣ дѣла, касающіяся крестьянской среды: наблюдать за порядкомъ жизни крестьянъ, собирать съ нихъ оброки и подати, производить судъ и расправу и проч.

Кромѣ того, уничтоженіе крѣпостного права надъ крестьянами открыло возможность учредить общій судъ и сдѣлать его гласнымъ (открытымъ и словеснымъ).

Прежде судъ производился въ учрежденіяхъ, закрытыхъ отъ вниманія общества, и дѣла велись на бумагѣ. Теперь судъ сталъ производиться на словахъ и открыто.

Судъ ввѣренъ: I) мировымъ судьямъ, которые подчиняются мировымъ съѣздамъ, или общимъ собраніямъ мировыхъ судей, и II) судамъ Окружнымъ. Окружный судъ составляютъ: предсѣдатель, члены суда и прокуроръ. Подсудимый можетъ имѣть за себя защитника или адвоката. Мировымъ судьямъ предоставлены дѣла менѣе важныя. Нѣкоторыя изъ нихъ мировые судьи могутъ рѣшать по своей совѣсти и уже окончательно. Въ Окружныхъ судахъ рѣшаются дѣла болѣе важныя, и приговоръ надъ подсудимыми по дѣламъ уголовнымъ произносятъ присяжные засѣдатели. По выслушаніи разбирательства дѣла, они обязаны сказать „да, виновенъ“, если признаютъ обвиняемаго виновнымъ, или: „нѣтъ, не виновенъ“, когда признаютъ обвиняемаго невиноватымъ. На этомъ приговорѣ присяжныхъ засѣдателей судъ и утверждаетъ свое рѣшеніе.

Земствомъ называется общество владѣльцевъ земли. Оно раздѣляется по губерніямъ и уѣздамъ. Землевладѣльцамъ извѣстнаго общества предоставлено право составлять земскія собранія. Эти собранія составляются въ извѣстные сроки изъ представителей земства (губернскія и уѣздныя).

На земскихъ собраніяхъ лежитъ обязанность заботиться о благосостояніи своего округа во всѣхъ отношеніяхъ. Для веденія текущихъ дѣлъ учреждены земскія управы, члены которыхъ избираются на опредѣленный срокъ земскими собраніями.

Въ царствованіе императора Александра Николаевича земства много содѣйствовали возвышенію народнаго просвѣщенія. По селамъ и деревнямъ заведено много народныхъ училищъ, которыя ввѣрены Министерству Народнаго Просвѣщенія и находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи директора народныхъ училищъ. Учить дѣтей обоего пола допущены и лица женскаго пола, получившія достаточное для того образованіе.

Въ тѣсной связи съ уничтоженіемъ крѣпостного права стоитъ и реформа „всеобщей воинской повинности“.

Прежде войска составлялись изъ низшихъ сословій— крестьянъ и мѣщанъ. Дворяне шли въ военную службу добровольно и назначались на высшія должности. Дѣти лицъ духовныхъ и купцы были освобождены отъ военной службы. Въ настоящее время молодые люди всѣхъ сословій, достигшіе 20-лѣтняго возраста, должны являться къ жребію на чередъ вступленія въ армію. Освобождаются отъ этого только больные и тѣ, которые крайне нужны въ семьѣ (одинъ сынъ у отца).

Срокъ военной службы назначенъ 6-тилѣтній, вмѣсто 25-тилѣтняго; но и этотъ срокъ сокращается образованіемъ. Кто не кончилъ курса ни въ какой школѣ, тотъ долженъ служить полный срокъ. Кто кончитъ курсъ въ школѣ низшей, тотъ служитъ четыре года; кто кончитъ курсъ въ школѣ средней, тотъ служитъ полтора года, а кто окончитъ курсъ въ школѣ высшей, тотъ обязанъ служить только полгода [1]. Но всѣ, отбывшіе дѣйствительную службу, зачисляются въ запасъ до сорокалѣтняго возраста, на случай особенной потребности во время войны.

Русско-Турецкая война 1877—1878 г.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра II была война съ Турціей (1877—1878). Поводомъ къ ней послужило бѣдственное положеніе славянъ, обитающихъ на

1) Въ настоящее время для окончившихъ курсъ въ среднихъ и высшихъ школахъ срокъ дѣйствительной военной службы назначенъ два года.

Балканскомъ полуостровѣ. Турки всегда обращались съ ними жестоко, но теперь варварство ихъ перешло всякія границы. Несправедливость въ судѣ, открытые грабежи и убійства стали дѣломъ обыкновеннымъ и сопровождались звѣрскими истязаніями невинныхъ. Въ земли славянъ вторгались разбойничьи шайки черкесовъ и баши-бузуковъ, которые нападали на мирныя селенія славянъ и опустошали ихъ безъ всякой пощады: дома жгли, народъ стрѣляли и рѣзали. Бывали случаи, что отъ селенія изъ нѣсколькихъ тысячъ не оставалось въ живыхъ ни одного человѣка.

Выносить такое варварство турокъ славянамъ стало, наконецъ, не подъ силу, и они возстали, чтобы завоевать себѣ право свободы или погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ. Возстаніе открылось прежде всего въ Герцеговинѣ и Босніи (1875). Турки двинули на возставшихъ свои войска.

Когда о жестокостяхъ турокъ узнали христіанскіе народы Европы, поднялся вопросъ о помощи угнетеннымъ братьямъ по вѣрѣ. Между тѣмъ, пока велись эти сношенія, на на помощь славянамъ устремилось множество добровольцевъ. Почти во всѣхъ христіанскихъ странахъ открылись комитеты для сбора пожертвованій въ пользу балканскихъ славянъ. Болѣе всѣхъ государствъ выражала сочувствіе славянамъ Россія.

Европейскія государства потребовали отъ турецкаго правительства, чтобы участь христіанскаго населенія Турціи была облегчена. Султанъ давалъ обѣщаніе исполнить требованіе державъ, но славянамъ отъ того лучше не было. Тогда возстали еще два народа: *сербы* и *черногорцы* (1876).

Черногорцы народъ не многочисленный, но отважный и неустрашимый. Съ самимъ княземъ своимъ во главѣ небольшіе отряды черногорцевъ совершали чудеса. Вся Европа дивилась, когда извѣщали, что какая-нибудь горсть черногорцевъ разбиваетъ цѣлыя турецкія арміи. Сербами предводительствовалъ нашъ русскій генералъ *Черняевъ*, который ушелъ къ нимъ въ качествѣ добровольца. На первыхъ порахъ сербы съ турками сражались удачно, а потомъ силы ихъ истощились, и они обратились съ мольбою о помощи къ русскому императору Александру II. Государь потребовалъ, чтобы султанъ немедленно прекратилъ военныя дѣйствія. Султанъ остановилъ войну и согласился, чтобы въ Константинополѣ собралась конференція представителей европейскихъ державъ. Конференція составилась, но султанъ

предложеній ея не принялъ. Тогда императоръ Александръ взялъ на себя право войны съ турками за славянъ, какъ своихъ братьевъ по вѣрѣ и крови.

Наша армія раздѣлилась на двѣ части: одна назначалась для дѣйствій за Кавказомъ въ Азіи, а другая—для дѣйствій за р. Дунаемъ въ Европѣ. Главнокомандующимъ первою арміею былъ назначенъ родной братъ государя императора, великій князь Михаилъ Николаевичъ, а во второй—другой братъ государя, великій князь Николай Николаевичъ. При Дунайской арміи присутствовалъ самъ государь. Въ Кишиневѣ 12 апрѣля 1877 года данъ былъ манифестъ о войнѣ и въ тотъ же день обѣ наши арміи перешли границу.

Европейской арміи предстояло перейти широкую и быструю р. Дунай, овладѣть турецкими крѣпостями, которыя изстари существуютъ по этой рѣкѣ, перейти потомъ высокія Балканскія горы и явиться подъ Константинополемъ.

Переправа черезъ Дунай совершена подъ *Систовымъ*. Генералъ Гурко съ отрядомъ кавалеріи проникъ къ Балканамъ и занялъ-было перевалъ при Шипкѣ. Между тѣмъ, главная наша армія занялась осадою крѣпостей по Дунаю (Никополь, Рущукъ, Силистрія).

Тѣмъ временемъ турецкій военачальникъ *Османъ-Паша* засѣлъ въ г. Плевнѣ. Этотъ городокъ былъ расположенъ въ ложбинѣ, которая со всѣхъ сторонъ окружена горами. Турки употребили всѣ мѣры къ тому, чтобы укрѣпить его, и укрѣпили такъ, что подъ Плевной наши войска должны были простоять болѣе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ и взяли это укрѣпленіе только осадой послѣ сильныхъ потерь.

Съ паденіемъ Плевны наши войска получили возможность итти за Балканы, Въ это время на Шипкинскомъ перевалѣ стоялъ корпусъ генерала Радецкаго. Для того, чтобы выбить его изъ позиціи, турки стянули сюда огромныя силы подъ начальствомъ Сулейманъ-паши. Турки неустрашимо полѣзли на скалы, на которыхъ стояли наши войска; горсть нашихъ храбрецовъ отбивалась геройски. Особенно сильны были приступы турокъ на гору св. Николая. Здѣсь нашимъ героямъ по нѣскольку сутокъ не приходилось смыкать глазъ и они доходили до послѣдняго истощенія силъ, какъ вдругъ отъ Плевны подошло къ нимъ на помощь нѣсколько нашихъ отрядовъ, а потомъ вслѣдъ за ними подошла отъ Плевны и вся наша армія. Это совсѣмъ измѣнило положеніе дѣлъ. Было рѣшено перейти Балканы

и явиться подъ Константинополемъ. Для перехода избраны были пути, которыхъ и сами турки не знали, но пути первобытные. И вотъ, наши войска полѣзли на скалы, которыя представлялись совсѣмъ недоступными; на веревкахъ или на плечахъ потащили они свои пушки. Холодъ на горахъ былъ такой, что дышать было трудно; вдобавокъ къ тому поднимались мятели. На мѣстахъ остановокъ заносило нашихъ солдатъ снѣгомъ, такъ что нерѣдко приходилось откапывать ихъ. По скаламъ и утесамъ случалось имъ проходить мимо пропастей. Чтобы поддерживать другъ друга, наши солдаты схватывались вереницами по нѣскольку человѣкъ, и бывали случаи, что отъ неосторожности одного всѣ падали въ пропасть и гибли. Чтобы не скользила нога на обледенѣлыхъ тропинкахъ, солдаты перебирались ползкомъ, хватаясь за землю и ледъ. Всѣхъ трудностей, какія на горахъ открывались для насъ, и описать невозможно; но всѣ онѣ были побѣждены, и наши войска спустились на южные склоны Балкановъ. Туркамъ, которые готовились встрѣтить ихъ, оставалось только бѣжать. Наша армія выбралась на Софійское шоссе и быстро пошла къ Константинополю. Городъ Софія сдался безъ выстрѣла; болгарское населеніе вездѣ встрѣчало насъ съ радостію. Подъ Филиппополемъ Сулейманъ-паша началъ-было жаркое дѣло, но генералъ Гурко разбилъ его и прогналъ. Въ началѣ февраля 1878 года мы очутились уже въ 10 верстахъ отъ самаго Константинополя.

Такъ счастливо и побѣдоносно вела свои военныя дѣйствія наша армія за рѣкою Дунаемъ.

Не менѣе успѣшно шли наши дѣла и за Кавказомъ. Послѣ перехода чрезъ границу, наша армія встрѣчала и здѣсь одни только успѣхи. Такъ, мы осадили крѣпость *Карсъ*, а потомъ взяли *Ардаганъ*. Но въ началѣ іюня наши дѣла измѣнились: турки атаковали нашъ отрядъ въ Баязетѣ и и осадили его. Жара стояла невыносимая; у осажденныхъ не стало ни хлѣба, ни даже воды, дошло до того, что сухарей выдавали солдатамъ по четверти фунта на сутки; по нѣскольку ложекъ имъ выдавали и воды. И въ такомъ положеніи баязетскіе герои сидѣли 28 дней, доколѣ не пришли къ нимъ наши отряды на помощь. Кромѣ того, чувствительную неудачу понесли мы подъ *Зевинымъ*, на который нападеніе сдѣлали сами. Все это такъ ослабило нашу закавказскую армію, что осаду Карса мы должны были снять.

Съ начала октября наши дѣла стали поправляться: ге-

нералъ *Лорисъ-Меликовъ* разбилъ турокъ при *Авліаръ* и *Аладжъ*. Наши войска воодушевились и осадили Карсъ снова. Рѣшительный штурмъ крѣпости Карса начатъ былъ вечеромъ (на 6 ноября 1877 года) при свѣтѣ луны. Турки замѣтили это и принялись палить изъ всѣхъ своихъ орудій и ружей. Карсъ въ эти минуты представлялся опоясаннымъ огненнымъ поясомъ въ нѣсколько рядовъ; но наши полки шли на укрѣпленіе молча. Молча они полѣзли на брустверы (земляные валы); если не доставало лѣстницъ, они другъ друга подсаживали и брали одно укрѣпленіе за другимъ. Когда начался рукопашный бой, турки не выдержали и побѣжали. Карсъ очутился въ нашихъ рукахъ. Вслѣдъ за тѣмъ сдалась намъ и еще значительная турецкая крѣпость *Эрзерумъ*.

Послѣ такихъ побѣдъ надъ турками и въ Европѣ, и въ Азіи, въ *Санъ-Стефано* было заключено перемиріе, условія котораго потомъ были разсмотрѣны державами на конгрессѣ въ Берлинѣ.

По рѣшенію Берлинскаго конгресса, Сербія и Румынія объявлены государствами независимыми; Болгарія раздѣлена Балканами на двѣ части: сѣверная сдѣлана княжествомъ, которое обязано платить туркамъ дань, а южная, подъ именемъ „Восточной Румеліи", оставлена во власти турокъ, но получила христіанскаго губернатора и принята подъ покровительство христіанскихъ державъ Европы. Боснія, Герцеговина отданы подъ управленіе Австріи. Объявлена равноправность всѣхъ религій на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Къ Россіи отошла въ Европѣ *Бессарабія*, а въ Азіи— *Карсъ*, *Батумъ*, *Эрзерумъ* и др. Кромѣ того, турки обязались уплатить Россіи значительную контрибуцію.

Мученическая кончина Государя Александра Николаевича.

За преобразованія русскій народъ благословлялъ государя Императора Александра Николаевича и назвалъ его „Царемъ-Освободителемъ"; но вмѣстѣ съ тѣмъ у него явилось много враговъ. Они не разъ простирали свою безбожную дерзость на то, чтобы лишить его жизни. За границей образовалось общество людей отвергающихъ всякій государственный порядокъ, которое проникло и къ намъ въ Россію. Враги сдѣлали на священную жизнь государя нѣсколько покушеній и преступной своей цѣли достигли. Мар-

та 1 дня 1881 года, когда государь проѣзжалъ по набережной Екатерининскаго канала въ С.-Петербургѣ, одинъ злодѣй успѣлъ бросить подъ карету государя разрывной снарядъ. Карета повредилась, но немного. Государь изволилъ выйти изъ кареты, чтобы видѣть преступника. Въ это время другой заговорщикъ бросилъ такой же снарядъ подъ ноги государя, и незабвенный Освободитель миллiоновъ пораженъ былъ смертельно. Государь былъ живъ послѣ того не болѣе часа. Предъ кончиною онъ сподобился принять напутствiе Св. Таинъ Христовыхъ. Заговоръ раскрытъ, и злодѣи получили должную казнь.

Императоръ Александръ III.

(1881—1894).

Императоръ Александръ Александровичъ былъ сынъ императора Александра II. Это былъ государь величественный на видъ, глубокiй по мысли, прямодушный, привѣтливый и благочестивый. Кто имѣлъ счастье бесѣдовать съ нимъ. тотъ чувствовалъ, что въ немъ соединены и величiе власти, и глубина человѣчности.

Наслѣдство престола перешло къ нему по смерти старшаго брата его цесаревича Николая Александровича, съ которымъ онъ жилъ въ самой тѣсной братской любви. Господь судилъ ему возложить на себя царскiй вѣнецъ неожиданно и при мрачномъ настроенiи духа, вслѣдствiе мученической кончины родителя. Но ему было тогда 36 лѣтъ. Къ дѣламъ правленiя онъ былъ уже приготовленъ. Такъ, онъ получилъ широкое и глубокое образованiе: уроки по русской исторiи онъ слушалъ у знаменитаго нашего историка *С. М. Соловьева*; для ознакомленiя съ отечествомъ онъ много путешествовалъ по Россiи, изучалъ на мѣстѣ памятники родной старины, постигъ художественный смыслъ и значенiе ихъ, такъ что былъ тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ русскихъ древностей. Уяснивъ основательно смыслъ русской жизни, онъ понималъ, что именно нужно русскому народу послѣ всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя совершены были его родителемъ, и сталъ управлять государствомъ въ духѣ и потребностяхъ русской народности, стараясь самъ быть первымъ примѣромъ во всемъ.

Императоръ Александръ III правилъ государствомъ 13 лѣтъ и заслужилъ названiе „Царя-Миротворца“. Такое на-

званіе утвердилось за нимъ потому, что онъ не велъ войнъ и умѣлъ заблаговременно отстранять всѣ поводы къ нимъ. Это поняли всѣ государства Европы и открыто предъ цѣлымъ міромъ признали, что спокойствіе между народами хранилъ именно онъ.

Охраняя миръ внѣшній, императоръ Александръ Александровичъ сдѣлалъ много и для порядка внутренней жизни Россіи. Вникая въ нужды крестьянъ, онъ отмѣнилъ съ нихъ подушную подать, облегчилъ имъ выкупъ надѣловъ, учредилъ Крестьянскій банкъ. Чтобы въ жизни крестьянъ, получившихъ свободу отъ власти помѣщиковъ, было больше порядка, онъ поставилъ надъ ними земскихъ начальниковъ. На земскихъ начальниковъ было возложено не только право суда и расправы между крестьянами, но и заботы о правильномъ веденіи хозяйства и проч. Много облагодѣтельствовалъ государь Александръ III и наше дворянство. Чтобы поднять благосостояніе дворянъ и помочь имъ привести въ правильный порядокъ имѣнія, онъ учредилъ Дворянскій банкъ съ пониженными процентами. За дворянами оставлено преимущественное право занимать должности земскихъ начальниковъ. Духовенству при немъ назначено жалованье въ прибавку къ прежнимъ доходамъ.

Много сдѣлано государемъ императоромъ Александромъ III и для образованія русскаго народа: при немъ открыты: университетъ въ г. Томскѣ, Земледѣльческій институтъ и Историческій музей въ Москвѣ. Для образованія простого народа при немъ возстановлены и размножены церковно-приходскія школы съ цѣлью укрѣпить въ средѣ его духъ православной вѣры Христовой и благочестія.

Въ отношеніи экономическомъ при немъ приведены въ равновѣсіе государственные расходы съ доходами, пріобрѣтены въ казну нѣкоторыя желѣзныя дороги и начата постройкою желѣзная дорога въ Сибирь.

При императорѣ Александрѣ III много улучшено у насъ и военное дѣло: введена болѣе удобная обмундировка солдатъ, улучшено содержаніе ихъ, усовершенствовано вооруженіе, учреждены военные корпуса и проч.

Милость Божія открывалась надъ государемъ императоромъ Александромъ III очевиднѣйшимъ образомъ. Спасеніе отъ явной погибели царственной семьи его при крушеніи поѣзда желѣзной дороги 17 октября 1888 года, безъ сомнѣнія, есть дивное Божіе чудо.

Государь императоръ Александръ Александровичъ обладалъ очень крѣпкимъ здоровьемъ, но въ послѣдніе годы у него развился очень тяжкій недугъ, который и свелъ его быстро въ могилу. Опасность своей болѣзни государь понималъ, но, преклоняясь предъ волею Божіею, переносилъ свои страданія съ необыкновеннымъ терпѣніемъ. За нѣсколько дней до кончины онъ дважды пріобщался Святыхъ Таинъ Христовыхъ, но своихъ государственныхъ занятій не оставлялъ. Когда ему становилось особенно тяжко, онъ приглашалъ къ себѣ духовнаго отца и бесѣдовалъ съ нимъ. Вѣра въ Господа Бога была у него настолько тверда, что онъ за нѣсколько часовъ до кончины сказалъ государынѣ: „Чувствую конецъ... Будь спокойна, а я совершенно спокоенъ"... Затѣмъ пріобщился Святыхъ Таинъ Христовыхъ еще и мирно почилъ на рукахъ своей Августѣйшей царицы-супруги. Вся царственная семья его находилась въ это время въ Ливадіи, куда онъ уѣхалъ лѣчиться. Тѣло въ Бозѣ почившаго государя императора Александра III было перевезено чрезъ Москву въ Петербургъ и погребено въ Петропавловскомъ соборѣ. Русскій народъ горячо оплакиваетъ кончину своего дорогого Царя-Миротворца.

Нынѣ благополучно царствуетъ въ Россіи сынъ и наслѣдникъ императора Александра III, Его Императорское Величество Государь Императоръ *Николай II Александровичъ.* Онъ вступилъ на престолъ 20 октября 1894 года. Священное коронованіе Его и Супруги Его Государыни Императрицы *Александры Θеодоровны* совершилось 14 мая 1896 года.
